

Юлия Сысоева

Записки попадья: особенности жизни русского духовенства

Предисловие

Эта книга задумана как рассказ о жизни, быте и семейном укладе российских православных священников.

Годы безбожия и гонений на Церковь и верующих давно канули в лету. Никого не удивляют храмы, которые строятся и восстанавливаются из разлухи, члены правительства, которые появляются в церквях по большим праздникам и встречаются с высшим духовенством на официальных мероприятиях.

Но все же каждый раз, когда люди видят в метро, на улице или в магазине священника в черной рясе, обязательно бросают удивленные взгляды, точно видят пришельца из космоса или, как минимум, из прошлого века.

Эта книга — взгляд изнутри, повествование человека, который не понаслышке знает о жизни духовного сословия в современной России.

Правда, и ничего, кроме правды — таков замысел автора.

Вступление

Все видят храмы, но не все знают, что происходит внутри. Все видят священников, но далеко не все знают, как они живут.

В России давно не существует сословных делений, но, пожалуй, единственное сословие, которое выжило и продолжает существовать — это духовенство.

О его жизни, быте, традициях практически ничего не известно нашим соотечественникам, не говоря уже о зарубежных собратьях. Тем не менее, именно эта сторона жизни всегда вызывала неподдельный интерес, как правило, обрастая сказками и народными легендами.

Если священник идет по улице в рясе и с крестом, на него всегда оглядываются, а если он еще и с женой, это вызывает уже почти истерическое любопытство.

Кстати, еще десять лет назад многие наши сограждане даже не знали, что православные священники в основном женаты. Очень часто, когда я появлялась на улице с мужем, нам задавали вопросы типа:

— Скажите, а разве священникам можно жениться?

Или какой-нибудь подвыпивший мужичок, отваливший от пивной, мог бросить реплику:

— Батюшка, а вам с женщинами ни-з-зя!

На что мой муж отвечал:

— С женщинами ни-з-зя, а с женой можно.

Да, видимо, наши сограждане, насмотревшись мексиканских сериалов, в которых обязательно присутствует какой-нибудь падре Бениньо, совсем позабыли родную литературу, например сказку А. С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде». В сей знаменитой сказке попадья-то имелаась.

Религиозные русские и новые священники

Все знают, что в Израиле существуют религиозные и нерелигиозные евреи.

Религиозные евреи четко отделяют себя от светского общества, не желая иметь с ним ничего общего, поэтому израильское общество расколото на две половины.

В России подобные понятия тоже существуют, только негласно.

Ни одному русскому не придет в голову охарактеризовать себя как религиозного или нерелигиозного. Хотя практически каждый второй называет себя православным, но из этого не следует, что он религиозен. Так же, как в Израиле почти любой еврей может назвать себя иудеем, но это еще не означает, что он религиозен или нерелигиозен.

Религиозного русского можно охарактеризовать как человека, активно живущего церковной жизнью и поэтому в той или иной степени отделяющего себя от всего светского. Это не значит, что он не работает на светской работе, а его дети не посещают школу в соседнем дворе. Он и работает, и дети его учатся, но религиозные русские отделены от светского общества, а более всех отделено духовенство, стоящее во главе русского религиозного сообщества.

И раз уж мы говорим об особенностях жизни нового духовного сословия в новой, посткоммунистической России, хочется рассказать совсем немного и о старом духовном сословии — в старой России. И конечно, лишь с точки зрения обывателя.

В старой России, до 1917 года, общество жестко делилось на сословия. Браки между представителями разных сословий совершались крайне редко. В одном художественном произведении, уже не помню, в каком, мать-купчиха возмущалась до глубины души, что дочь осмелилась просить у маменьки с папенькой благословение выйти замуж за семинариста. «Чтоб дочь да попадѣй была!» — негодовала купчиха. Правда, я знаю одну подобную историю, которая произошла в наше время, но о ней позже.

Так что же было тогда духовное сословие?

Начнем с того, что священник прежде всего был государственным чиновником, а Церковь кроме духовного окормления паствы выполняла еще и роль государственной организации, то есть роль современного ЗАГСа — со всеми вытекающими из этого негативными последствиями. Дети священнослужителей должны были идти по стопам отцов не по призванию, а по происхождению. Отсюда карьеризм, цинизм и прочие извращения того времени. Среди поповских детей было много революционеров и озлобленных безбожников. Яркий пример писатель Помяловский — сын священника, прошедший стандартный путь поповича и впоследствии прославившийся скандальным по тем временам произведением «Очерки бурсы». Не стоит рассматривать «Очерки...» как историческое пособие, ибо если принять все описанное там за правду, то не было бы у нас противоположных, положительных примеров. А ведь несмотря на такие условия, даже тогда появлялись великие святые, например Иоанн Кронштадтский, выходец из того же сословия, что и Помяловский, — сын бедного деревенского дьячка, который после окончания Санкт-Петербургской духовной академии, чтобы получить приход, женился на так называемой «закрепленной» невесте. Схема получения сана и прихода стандартная для того времени, но результат противоположный. Разница в том, что один был верующий и горел любовью ко Христу, которому и собирался посвятить жизнь, а другой нет.

Как ни странно это звучит, но революция и отделение Церкви от государства явились великим благом для самой Церкви, которая страданиями очистилась от той порочной системы, в которой пребывала долгое время. И само священство было как бы просеяно, как говорится в Писании, отделены были овцы от козлиц. Овцы стали мучениками за веру, а козлица отрелигиозились от нее, — веры, впрочем, у них и не было, а была только сословная принадлежность. Но после революции Церковь еще долго была вынуждена существовать в условиях советского социализма, подвергаясь постоянным притеснениям и гонениям.

После падения коммунистического режима был упразднен институт уполномоченных по делам религий. Именно уполномоченные решали, кого допустить, а кого не допустить в семинарию, кому принимать сан, а кому не принимать. Не всякий желающий мог стать священником. Стоило только изъявить желание принять сан, как власти тут же выстраивали на пути человека массу препон. А имея высшее образование, попасть в семинарию или рукоположиться было практически невозможно. Например, один ныне известный московский священник рассказывал, как, будучи крупным ученым, ради возможности принять сан вынужден был уволиться из своего НИИ и устроиться работать при храме

дворником. Но так обстояло дело с русскими.

В советское время в Церкви было очень много священников — выходцев из Украины, вернее из Западной Украины. К этому было несколько причин. Первая — историческая. Западная Украина отошла к Советскому Союзу только в тридцать девятом году согласно пакту Молотова-Риббентропа. Стоило только Советскому Союзу заняться зачистками и коллективизацией на новых территориях, как началась Великая Отечественная война. В 1946 году на Львовском соборе западноукраинские униатские приходы перешли к Русской православной церкви. Таким образом, более тысячи приходов на одной Львовщине стали православными. Половина всех приходов православной церкви находилась на Украине. По данным на 1988 год, из 6 000 всех приходов 3 000 сосредоточены на Украине. Западная Украина, от которой Церкви досталось более тысячи приходов, избежала всех гонений со стороны советской власти. Не стоит забывать, что Церковь подверглась жесточайшим гонениям и практически полному уничтожению. Западноукраинская религиозность резко отличалась от русской большей эмоциональностью и подчеркиванием важности самой обрядовости — из-за сильного влияния католичества. Вторая причина засилья украинских священников — это, конечно, сильная семейственность и клановость. В отличие от российских безбожников, не помнящих родства, на Украине, несмотря на советскую власть, сохранялись целые села с традиционно православным укладом жизни. Итак, семейственность плюс традиции давали основной процент абитуриентов семинарии. Учитывая украинский пиетет к советскому правительству и требоисполнительную религиозность, властям выгодно было допускать в семинарию и к священству именно украинцев, которые становились бы просто послушными требоисполнителями, а не проповедниками и миссионерами. Поэтому русских священников в советское время было очень мало, а настоятелей и того меньше из-за влияния украинской национальной клановости, проталкивания родственников и при поддержке уполномоченных.

Не будем рассуждать, какими были священники в советское время. Но после упразднения института уполномоченных не только стало легче жить Церкви, но самое главное — за последние пятнадцать лет выросло целое поколение новых русских священников. Именно о них и пойдет речь в этой книге.

Чему учат в семинарии, или Очерки современной бурсы

*Я б в священники пошел,
пусть меня научат.*

Прежде чем описывать жизнь священников, необходимо рассказать, откуда они берутся. Понятно, что не из капусты.

Семинария не является обязательной ступенью на пути к священству. Тем не менее это место, где Церковь неутомимо кует свои кадры.

Семинария и духовная академия — это смесь иезуитского колледжа, православного братства и армии, вернее, закрытого военного училища. Казарма — общежитие, наряды — послушания, от армейских ничем почти не отличаются. Начальной ступенью духовного образования является семинария, последующей — академия. Обучение в семинарии и академии в общей сложности продолжается восемь лет. Раньше, еще совсем недавно, четыре года обучались в семинарии и четыре в академии. Ныне пять лет учатся в семинарии и три года в академии. Ни в одном светском учебном заведении так долго не учатся.

Если студент женится во время учебы в семинарии и принимает сан, то продолжить обучение в академии он сможет только на заочном отделении. Большинство учащихся принимают сан еще в семинарии и при желании продолжить образование переводятся на заочное обучение. Некоторые же ограничиваются только семинарским образованием. Насильно никого учиться не заставляют, всегда можно уйти, перейти на заочное отделение или даже сдать экзамены экстерном. По окончании академии особо талантливые, как

правило, защищают диссертацию и удостоиваются получения ученой степени. В богословии существует три ученые степени: кандидат, магистр и доктор. Ученые богословы преподают в духовных учебных заведениях, коих на сегодняшний день в стране предостаточно.

Триста лет Московской Духовной Академии

Семинаристы всегда бегут; не хватает им времени, вот и спешат. Бежит семинарист по лаврской аллее, под мышкой держит папку, папка падает на землю, и из нее высыпаются конспекты. Студент кидается их поднимать и в сердцах бросает: «Триста лет!»

Торопятся приятели-семинаристы на занятие, и тут один из них хлопает себя по лбу и говорит: «Триста лет! Учебник забыл».

Недавно, в 1986 году (для такого учебного заведения это недавно), московские духовные школы праздновали трехсотлетие своего основания. Вот после сего празднества и укоренилось среди студентов выражение «Триста лет». Одно время семинаристы носили даже значки, идентифицирующие студента именно Московской семинарии, на которых было написано «Триста лет Московской духовной академии».

В этой главе пойдет речь об истории МДА. Конечно, и без того существует множество книг на эту тему, но кое-что описать все же придется. Во всех справочниках вы найдете примерно следующие тексты:

Московская Духовная Академия, являющаяся крупнейшим центром духовного образования в Русской Православной Церкви и первым высшим учебным заведением в России, была основана в 1685 году. До 1814 года она носила название Славяно-греко-латинской академии и размещалась в центре Москвы в Заиконоспасском монастыре. Академия унаследовала лучшие церковно-богословские и культурно-исторические традиции Православия.

Стоит ли упоминать всем известные факты, что выпускниками Славяно-греко-латинской академии были такие ученые мужи, как Ломоносов или Магницкий.

В 1814 году под руководством выдающегося церковного деятеля того времени архимандрита Филарета (Дроздова) произошли реформа духовных школ и перевод Духовной академии в Троицкую Лавру.

Здесь стоит отметить, что пребывание Академии и Семинарии в Троицкой Лавре стало символическим и остается таким по сей день в связи с почитанием в нашем народе Преподобного Сергия Радонежского. С именем Сергия у верующих людей связано очень много. К его молитвенному заступничеству, как принято выражаться в православии, прибегают в первую очередь, когда молятся об успехах в учебе или о поступлении на учебу. Особый отпечаток почитания Преподобного на всю жизнь остается и на выпускниках московских духовных школ.

Но вернемся к истории. Революционные потрясения, происшедшие в нашей стране, не обошли стороной и Церковь. Это были страшные годы для ее служителей. В конце 1917 года МДА была закрыта, многие студенты и преподаватели репрессированы. Возрождение началось спустя почти тридцать лет. В 1944 году в Новодевичьем монастыре открывается Православный богословский институт. Уже в 1946 году он преобразуется в Московскую духовную академию, а в 1949 году происходит возвращение во вновь открывшуюся Троице-Сергиеву Лавру. Общежитие и аудитории студентов размещаются в отремонтированном здании царских чертогов (о чертогах еще будет упомянуто). А в конце 1954 года МДАиС был возвращен Покровский академический храм, в котором ранее размещался городской Дворец культуры. Последний корпус вернули уже в конце восьмидесятых; о нем тоже речь пойдет далее.

Вступительные экзамены

Для поступления в семинарию в первую очередь нужна письменная рекомендация

архиерея из той епархии, к которой принадлежит абитуриент. Принимают в семинарию с восемнадцати лет, имеющих образование не ниже среднего, холостых или женатых первым браком. В советское время из-за препятствий, создаваемых властями, обладателям высшего образования в семинарию путь был закрыт. В последнее время среди учащихся духовных школ очень много имеющих высшее образование, тогда как совсем молодых юношей, поступивших сразу после школы, немного.

Вступительных экзаменов в семинарии целых шесть, конкурс туда всегда примерно такой, как в престижный московский институт. Экзамены включают проверку на знание церковнославянского языка, Закона Божьего, церковного пения, сочинение. Но главное — собеседование, на котором определяется уровень духовной подготовки поступающего, а также благонадежность и сознательный выбор пути. Конечно, невозможно на одном собеседовании определить стопроцентную благонадежность, поэтому иногда в студенты попадают и «неблагонадежные». Такие либо отсеиваются за годы учебы, либо все же попадают в духовный причет.

Во время вступительных экзаменов абитуриенты живут в семинарии с тем распорядком дня, который их ждет в годы учебы. Длятся испытания до середины августа. Уже во время экзаменов за абитуриентами начинают пристально наблюдать представители инспекции. Система контроля над студентами в семинарии и академии развита как нигде, она является многоуровневой. Главное лицо в семинарии — ректор. Заведующий по учебной части — проректор. За дисциплиной надзирает инспектор; как правило, это иеромонах (монах-священник). А у инспектора, в свою очередь, имеется старший помощник, которому подчиняются простые помощники. Кстати, в отличие от армии или военных училищ и несмотря на столь жесткую иерархическую систему контроля, в семинарии и академии не существует дедовщины.

По окончании вступительных экзаменов на торжественном обеде объявляют фамилии поступивших, и каждый абитуриент ждет этого со страхом и трепетом. Поступивших отпускают домой — до первого сентября. По этому поводу вспоминается история, происшедшая с моим супругом, тогда еще будущим, после поступления в семинарию. Помните знаменитый для нашей страны день 19 августа 1991 года? В Москве в этот день безостановочно шел дождь, начавшийся, кажется, еще накануне. Церковь же в этот день отмечает один из великих двенадцатых праздников — Преображение Господне. В семинарии оглашали списки поступивших. В тот год там был особенно большой конкурс, абитуриенты впервые поступали без санкций уполномоченных. Наверное, каждому поступавшему в вуз знакома радость, когда после тревог и переживаний вступительных экзаменов находишь свою фамилию в списках поступивших и понимаешь, что ты уже студент и впереди много-много всего нового и интересного. Память об этой радости остается на всю жизнь, и, наверное, любой умудренный опытом седовласый профессор всегда с особой теплотой вспомнит ее. Вот и мой семинарист, вернувшись в Москву, замершую в ожидании развязки путча, не видел перед собой ничего, а шел по улицам, залитым непрерывным дождем, и пел псалмы. В подземном переходе к нему подошел какой-то замшелый мужик:

- Ты че поешь? Пьяный, что ли?
- Нет, просто весело, праздник сегодня.
- Возьми у меня травки — еще веселее будет.
- Мне и так весело, зачем радость портить, — ответил счастливый семинарист.

Учебный процесс

Одна прихожанка спрашивает другую:

- Ты куда идешь?
- В семинарский храм.
- Да ты что, там же людей нет, одни семинаристы.
- Да я причаститься.

Курсы в семинарии называются классами. Семинарию заканчивают далеко не все поступившие. Вылететь отсюда гораздо легче, чем из любого светского вуза. Дисциплина железная, постоянный контроль со стороны начальства, учебные нагрузки запредельные. Хотите домой, повидать любимую маму и поесть горячих пирожков — пишете прошение на увольнительную. И нет гарантии, что ее дадут. Любая мелкая провинность, например опоздание к вечернему отбою, карается выговором, который вносится в личное дело и застрекает там до окончания учебы. Несколько выговоров — «вылет» обеспечен. За более крупные провинности, например пьянство или курение, — мгновенное удаление за пределы семинарских стен без права возвращения обратно.

В течение четырех (теперь уже пяти) лет обучения в семинарии будущий священник изучает более тридцати предметов, аналогов которым в светских вузах практически нет. Это тонкости понимания Библии, богословие и церковная психология, основы ораторского искусства, техника проведения богослужения. Первую половину дня идут занятия. После обеда начинаются так называемые самостоятельные вечерние занятия, которые можно сравнить с группой продленного дня в школе, когда ученики сидят в классе под видом подготовки уроков, но при этом упорно валяют дурака. Кроме того, семинарист раз в неделю, в один из будних дней, обязан петь в хоре, то есть нести клиросное послушание.

Вечерние занятия являются обязательными. Семинаристы их не любят, поэтому используют все возможности и уловки, чтобы прогулять, проще говоря, откосить, пообщаться с регентшами или с друзьями-сокурсниками. Куда приятнее пойти на свидание с девушкой в соседний парк (благо вокруг Лавры очень много уютных укромных местечек, где можно уединиться, пошептаться), чем сидеть в душном классе. Рядом с семинарским корпусом есть старый парк с темными аллеями и бурно разросшимися, давно не стриженными кустарниками. Еще лет десять назад там стояли заброшенные качели-лодочки. Помните такие качели из детства, которые всегда были в парках культуры почти в каждом городе? Возле качелей обязательная будка кассирши. Тормозили их такой специальной деревянной доской, которая с помощью системы рычагов поднималась над полом. Катаясь на них, я всегда вспоминала песню из фильма: «Крылатые качели летят, летят, летят». Так вот, в старом семинарском парке и стояли те самые ржавые забытые качели, давно без тормозов и неизменной кассирши, словно призрачное воспоминание из недавнего детства. В то время на них перекаталось множество семинаристов со своими невестами, прежде чем, как в песне, разлететься кто куда. Теперь эти семинаристы давно уже маститые протоиереи, а их невесты солидные многодетные матушки. А качели исчезли; уж не знаю, кто здесь постарался — то ли городские власти, то ли лаврские — загадка. Жалко, но у нынешних семинаристов нет этих скрипучих качелей, на которых, сливаясь со светом и воздухом, можно было на несколько мгновений вернуться в беззаботное прошлое и окунуться в романтику ожидаемого будущего. В мимолетную романтику, которая зыбким видением посещает нас единожды на пороге взрослой жизни. В те прощальные мгновения, которые нам уже не достанутся, и которые, дай Бог, как и мы в свое время, испытают наши дети.

Но вернемся к нашему повествованию.

Особо продвинутые студенты время, отведенное на самостоятельную подготовку, не тратят даром, учатся и учатся, часами просиживая в богатейшей академической библиотеке, пока другие гуляют или режутся в классе в морской бой.

По окончании семинарии выдается диплом, так и хочется добавить — государственного образца, но здесь следует оговориться. Государственных дипломов в духовных школах нет. Церковь давно отделена от государства. Единственным вузом Русской православной церкви, который имеет право выдавать государственные дипломы, является Тихоновский православный университет. Следует сказать, что дипломы, получаемые в

ваканской системе образования, тоже негосударственной, всегда ценились выше любых государственных.

В отличие от светского вуза, в семинарии и академии не существует красных и синих дипломов. Аналогом цвета являются разряды: первый и второй. Поэтому у выпускника семинарии или академии спрашивают, не с каким дипломом он закончил, а по какому разряду. Неудачающие могут вовсе не получить диплом. В таком случае выдают справку о прослушанном курсе семинарии. Есть даже шутка: «Курс прослушал, только мимо ушей».

Форма в семинарии

Семинаристы носят форму. Это черный китель с воротником-стойкой и брюки. Учащимся запрещается отпускать волосы и бороды; исключения составляют готовящиеся к принятию сана или монашества, но такие вместо кителей облачаются уже в подрясники.

Послушания

Послушаний в семинарии предостаточно, причем самых разнообразных. Например, картошка.

Задача для школьного учебника. Семинарский обед готовится на семьсот человек. На каждого человека положено по три картофелины. На кухне по чистке картошки работают пять семинаристов. Сколько картофелин должен перечистить один семинарист?

Решение: 1) $700 * 3 = 2100$. 2) $2100 : 5 = 420$

Ответ: Один семинарист на послушании должен перечистить 420 картофелин.

Кроме ножей для ручной чистки картофеля в арсенале семинарской кухни имеется уникальная машина под названием картофелечистка. Сия машина представляет собой небольшой бак, стенки которого сделаны из точильного камня, а на дне, в центре, привод с электромотором. Сверху под углом подается струя воды, вся конструкция крутится, картофелины бьются об стенки, скачут, как шарики в «Спортлото», за счет этого кожура снимается. В семинарском фольклоре эту машинку так и называли — «Спортлото». Когда картофелины доходят до нужной кондиции, привод отсоединяется, бак опрокидывается, и все содержимое сливается в обычный бак. Остается лишь очистить картошку от глазков. Когда такая работа семинаристам надоедает, они начинают развлекаться следующим образом: закидывают ведро картошки, а через полчаса вынимают аккуратные, идеально ровные картофельные шарики для пинг-понга! А если картошку совсем не вынимать, то через некоторое время клубни исчезают полностью.

Только машинка это очень капризная и своенравная. Она, как правило, сломана, то есть отдыхает, а если работает, то во время работы бьет током любого, кто к ней подойдет. Поэтому к ней требуется индивидуальный подход — в резиновых перчатках и сапогах.

Семинаристы, идущие на послушание, говорят: «Припахали на работу».

За провинность могут дать наряд вне очереди, как в армии.

А теперь история о том, как припахивают и как пытаются откосить от послушания. Один семинарист, назовем его Вася, имел освобождение по здоровью от физических работ, связанных с поднятием тяжестей больше двух кгэ. И вот ему дают послушание подмести территорию. Но работать Вася крайне не любил, и он напомнил о своем освобождении помощнику, распределявшему работу. Помощник оказался находчивым детиной и притащил безмен, дабы взвесить метлу. Метла весила ровно один килограмм триста пятьдесят граммов. Ленивому студенту пришлось смириться и приступить к подметанию двора.

Семинарское хозяйство очень большое, к тому же семинария и академия по структуре — маленькое автономное государство, находящееся на самообеспечении. У МДА есть и подсобное хозяйство, проще говоря, колхоз, который обеспечивает столовую частью продуктов. Студенты трудятся на кухне, в котельной, в гараже, водят экскурсии по Лавре. Экскурсии — самое приятное из имеющегося перечня. Одним словом, почти все, как в

армии, кроме туалетов. Вот туалеты воспитанники не моют, для этого имеются наемные уборщицы.

Есть в арсенале послушаний круглосуточные дежурства на вахте — ЧОПов семинария и академия не имеет, поэтому порядок также поддерживается внутренними силами. Круглосуточные дежурства — это психологически одно из самых тяжелых послушаний. Вы скажете: ну а как люди в ЧОПах работают, в больнице и на «скорой помощи»? Но в семинарии есть один нюанс: студент от учебного процесса не освобождается и вынужден зубрить уроки прямо во время вахты, а дежурства бывают даже и сутки через сутки (правда, только на каникулах). Сутки на стуле в семинарском проходняке, как правило, продуваемом всеми сквозняками, — не самое приятное занятие. Спать запрещено, за этим зорко следят помощники и сам инспектор, который может нагряться посреди ночи с проверкой. Зачастую на таких бдениях от безумной сонливости воспитанников спасает только фирменный бурсацкий чифирь: одна маленькая пачка чая «со слоном» (теперь рекламщики назвали его «тот самый» в расчете на ностальгирующую целевую аудиторию) на литр кипящей воды.

Раз уж зашла речь о дежурствах, хочется рассказать о семинарском корпусе; далеко не все знают о его кровавом прошлом. Корпус этот находится возле того самого заброшенного парка, облюбованного воспитанниками для свиданий. Старое трехэтажное здание красного кирпича стоит вне стен Лавры. Их разделяет глубокий овраг с маленькой речкой, а корпус соединяется с Лаврой узким длинным переходом, по которому всегда спешат на занятия и с занятий регентши и семинаристы.

В советское время, почти до конца восьмидесятых в этом корпусе находилась женская консультация с абортарием. Примечательно, что сам абортарий был устроен прямо в храме преподобного Иоанна Лествичника, который находится внутри архитектурного ансамбля. Когда власти передали здание МДЛ, туда почти сразу после спешного ремонта заселили семинаристов, устроили спальни, учебные комнаты. Стали восстанавливать храм. Время, пока храм восстанавливали, было самым страшным для обитателей сего учебного заведения. Дело в том, что в корпусе обитали привидения! Думаете, время гоголевского Вия прошло? Нет. По ночам в длинных гулких коридорах слышны были стуки и странные шумы. Говорят, что иногда даже летали предметы, семинаристы, дежурившие на вахте, видели и призраков, от которых волосы шевелились и мурашки бегали по телу. В те жуткие ночи очень часто иеромонах Ростислав обходил корпус с кадилом и молитвой. После его обхода становилось спокойнее. Эти явления объяснялись тем, что в храме семинарского корпуса многие годы убивали нерожденных младенцев. Кошмары прекратились только после освящения храма и всего здания.

По воспоминаниям студентов первых послевоенных выпусков, им тоже было несладко. Академии отдали лишь половину здания, и храм соседствовал с клубом. Идет всеобщая, а рядом гремят страсти советского фильма первых пятилеток или танцы. А в самой Лавре, на месте трапезного храма, была МТС — не салон сотовой связи, а станция по ремонту тракторов и тяжелой сельхозтехники, что тоже сильно мешало размеренному ритму здешней жизни.

Увольнительные

О, эти долгожданные увольнительные!

Всё как в военном училище. Хотите домой, к друзьям или на свидание — пишете прошение на имя инспектора. С увольнительной семинарист обязан возвращаться строго в указанное время, например, если указано до отбоя, то строго до отбоя. Отбой в одиннадцать часов. Опоздание нещадно карается выговором с занесением в личное дело, регулярные опоздания — исключением. В армии допускается опоздание с увольнительной на три часа, в семинарии никаких опозданий не допускается.

На семинарском сленге простой выговор назывался «величанием», строгий выговор с

урезанием стипендии — «тропарем», а отчисление — «ныне отпускаеши». Кто знаком с богослужебной терминологией, поймет, о чем идет речь. «Тропари» вывешиваются на специальную доску. Любые действия вне регламента положено в обязательном порядке оговаривать с дежурным помощником. Например, если студенту необходимо пойти в библиотеку, положено официально отпроситься. Но на этом контроль не заканчивается. Помощник не поленится сходить в библиотеку и проверить, есть ли там отпросившийся, или, может, он уже слинял по своим делам. Если семинариста не обнаружат, ему светит объяснительная. Каждая объяснительная, как правило, сопровождается профилактической беседой у отца-инспектора.

После двадцати объяснительных студенту вывешивается «тропарь автоматом», то есть уже без прохождения профилактической беседы. И так во всем.

Так что, как видите, у администрации всегда есть действенные рычаги влияния на студентов.

Вспоминается случай из семинарской жизни моего мужа — один из способов избежать «тропаря».

Однажды, будучи студентом третьего класса, он должен был ехать в Москву на венчание к другу. О друге этом еще будет упомянуто, так как именно он стал впоследствии миссионером в Китае.

Но вернемся к нашей теме. Увы, увольнительную ему дали только на утро того дня, на который назначено было венчание. Таким образом, на венчание он или не успевал, или очень сильно опаздывал, что в данной ситуации одно и то же.

Пришлось пойти на хитрость. В Москву мой семинарист уехал вечером перед отбоем, а его соседу по комнате поручено было организовать надежное прикрытие с тыла. Сосед разложил постель, открытую книгу положил на тумбочку, поставил чашку якобы недопитого горячего чая. Для полноты эффекта присутствия положил надкусанное печенье. Во время вечерней проверки на вопрос помощника, где такой-то воспитанник, сосед уверенно, с честными глазами ответил, что в туалет вышел — живот прихватило. Пояснив, что на обед котлеты были не очень, самого весь день мутит. Помощник недоверчиво осмотрел комнату и молча удалился.

Фокус удался на славу.

Семинарский быт

Быт — он и в Африке быт.

Семинаристы живут в комнатах, называемых, как в больнице, палатами, от четырех до пятидесяти человек в комнате. Самым привилегированным считается относительно новый пятидесятиый корпус, «полтинник». С ним связана трагическая история, послужившая поводом к постройке нового здания.

В 1984 году в старом корпусе произошел сильный пожар, унесший жизни пяти студентов. После этого случая на месте сгоревшего общежития и был отстроен новый корпус с улучшенными бытовыми условиями, но память о страшном пожаре по сей день жива.

Комнаты в пятидесятом корпусе рассчитаны всего на четырех человек, в каждой комнате есть туалет и умывальник — ну просто номера «люкс». Проживают в «полтиннике» студенты старших классов и академики, можно сказать, избранные касты. Почему люкс, вы узнаете ниже; все познается в сравнении. Остальные здания очень старые, с «удобствами» на этажах, и о комфорте не может быть и речи.

Самые жуткие комнаты — полуподвальные, они всегда сырые, холодные и темные, как в повести «Дети подземелья». В некоторых помещениях зимой даже появляется иней на стенах. Правда, после случая, когда один студент простыл так, что получил тяжелое воспаление легких, начальство стало более внимательно относиться к условиям проживания воспитанников. Еще одним весьма некомфортным жилищем в семинарии остаются так

называемые «чертоги», расположенные в нижнем ярусе здания академии. В незапамятные времена в «чертогах» располагались конюшни. Слава конюшен жива и по сей день, и вот почему. Они представляют собой анфиладу из шести комнат, каждая из которых размером с малогабаритную «трешку», и там на казарменном положении проживают по двадцать — двадцать пять здоровых мужиков. В среднем во всех чертогах помещается примерно сто восемьдесят человек! А теперь представьте себя на месте сорока счастливиц, живущих в первых двух комнатах, мимо которых каждый день проходят оставшиеся сто сорок человек. Эффект примерно такой, как если ночевать на вокзале в зале ожидания. Утром хождения начинаются с пяти часов. Первыми встают те, кто идет на братский молебен в Лавру и на подработку в лаврскую просфорную. В шесть тридцать поднимаются те, кому надо идти на семинарские послушания, в столовую, петь на ранней службе в семинарском хоре, называемом «десятка», или пономарить. К семи часам дружно поднимаются все остальные. Остается только посочувствовать тем студентам, чья нервная система очень чувствительна. Тяжелее всего приходится ребятам, которые в такие условия никогда до этого не попадали, а жили дома и сладко спали в уютных кроватках, с торшером и мягким пледом. Спать в проходном дворе могут только самые стойкие — те, кто служил в армии или воспитывался в интернате.

В Лавре даже стены обитаемы, поэтому в разговорах можно услышать, например, следующее: «я живу в северной стене». Лавру можно сравнить с маленьким густонаселенным городом или муравейником.

В семинарии есть прачечная, гладильная и баня, которая славится великолепным качеством пара — возведена-то она давно, по всем канонам русского банного строительства.

Насчет глажки... Утюгов на всех, конечно, не хватает, поэтому семинаристы используют метод «безутюжной» глажки, называемый «брюки по-зековски». Вот в чем его суть.

Берутся брюки. От руки на заранее подготовленной ровной поверхности разглаживаются стрелочки. На сетку кровати кладется одеяло, на нем аккуратно раскладываются брюки, сверху мокрая марля, на марлю простыня, на простыню матрас. В течение ночи, под весом семинариста и за счет воздействия тепла его тела, брюки медленно разглаживаются. Наутро под матрасом обнаруживаются идеальные брюки со стрелочками.

Теперь расскажем о бане. Баня — это всегда праздник, одна из редких возможностей отдохнуть и пообщаться с друзьями-однокашниками.

Но растопке бани предшествует целое мероприятие по заготовке дров, которое относится к послушаниям. Раз в месяц воспитанники выезжают в лес, можно сказать на лесоповал, только в отличие от зеков семинаристы это занятие особенно любят. Данное послушание считается одним из самых приятных, так как это выезд на целый день на природу, на свежий воздух. Студенты предоставлены сами себе, без строгого контроля начальства и помощников инспектора, а главное — без нормативов рубки. Одним словом, получается узаконенный выходной на природе. После рубки бревна отбирают, весь брак, годный, пожалуй, только для изготовления Буратино, отправляют на растопку бани, остальные дрова идут в котельную.

Стоит рассказать о семинарских чаепитиях. Поскольку семинаристы, как и студенты всего мира, народ вечно голодный и готовый к общению, они любят собираться в комнатах — попить чаю, отведать домашнего съестного из посылок, а если оно закончилось, то что-нибудь приготовить при помощи подручных средств, своими руками, применив максимум фантазии и изобретательности. Рассказывали про одного студента, который до семинарии работал санитаром на «скорой помощи». Так вот, когда к чаю приносили что-либо вкусненькое, торт, например, народу всегда налетало очень много, и это вкусное приходилось распределять в гомеопатических порциях. Бывший санитар в такой момент начинал рассказывать случаи из своей медицинской практики — про рваные и резаные раны или какого цвета бывают «подснежники» ранней весной в лесу. Желающих остаться на чай становилось сразу на две трети меньше, а лакомства доставались самым невозмутимым.

А теперь приведем рецепты «made in семинария».

Тефаль по-семинарски. Что такое семинарский кипяtilьник? Четыре спички кладут между двумя лезвиями и перевязывают суровой ниткой. К лезвиям прикрепляют два провода, «плюс» и «минус», другие концы проводов прикрепляют к штепселю. Никакой чайник по скорости закипания не сравнится с лезвийным кипяtilьником! За минуту он способен вскипятить трехлитровую банку воды. Несколько раз от применения данного устройства в семинарском корпусе вырубалось электричество, но семинаристы покрутили кое-что в щитках, навсегда устранив возникшую проблему.

А вот шедевр семинарских перекусов.

Суп в бидоне. Берется кипяtilьник, правда не лезвийный, а обычный. На общей кухне добываются несколько картофелин и морковь. Овощи режут в бидон ломтиками, заливают водой. Приправы и соль по вкусу. В бидон опускается кипяtilьник, и примерно через сорок минут суп готов.

И еще один рецепт.

Яичница на утюгах. На нагретую поверхность утюга разбивают одно яйцо (на утюге помещается всего одно яйцо). Соль по вкусу. Приятного аппетита!

Рассказывали случай, как семинаристы устроили короткое замыкание во всем корпусе, пытаясь сварить мидии в консервной банке из-под болгарского компота при помощи все того же кипяtilьника.

Приведем еще несколько семинарских анекдотов на тему съестного.

Великий пост. Семинаристы сидят в комнате и едят курицу. Тут в комнату врывается разъяренный отец-инспектор и кричит:

— Курица великим постом!

— Так она на постном масле, — отвечают находчивые семинаристы.

Но это только анекдот. А вот еще один.

Опять великий пост. Семинарист ходит вокруг корпуса и ест бутерброд с колбасой. Отец-инспектор:

— Что за безобразие, воспитанник?!

— А я путешественник, — отвечает невозмутимый семинарист.

Для тех, кто незнаком с церковными канонами, поясню смысл сего анекдота: посты ослабляются или вовсе отменяются для беременных, кормящих, тяжелобольных и путешественников.

Да, аппетита семинаристам не занимать, едят все по китайскому принципу. Китайцы не едят из того, что летает, лишь самолеты. Из того, что плавает, — пароходы. Из того, что движется, — поезда.

Бурсацкие щи, или Что готовит кухня

Сколько семинариста не корми — он все равно голодный.

А из этого следует вывод, что кормить можно и не так усердно.

Одними из самых голодных годов в новейшей истории МДА можно считать начало девяностых. Тогда, правда, и вся страна не жила в сытости. Стоит только вспомнить бесконечные очереди за самыми обычными продуктами типа сыра и молока. Но студентам в семинарии было особенно тяжело. В то время рацион почти полностью состоял из импортной гуманитарной помощи, — все, наверное, помнят, что это такое. Сама по себе гумпомощь, может, и не плоха, но если ею не питаться постоянно. И не следует забывать, что у православных бывают длительные посты. Многие студенты в то время заработали себе язву желудка, в лучшем случае гастрит. Так чем же кормили, что немудрено было подцепить и язву? По воспоминаниям выпускников того времени, подавали тогда следующие блюда.

«Ядерная свекла» — это маринованная свекла, на концентрированной уксусной кислоте, очень «полезная» вещь для голодного студенческого желудка.

«Музыка», с ударением на «ы». Особая каша, названная так по эффекту,

производимому после ее употребления. «Музыка» — это горох с жареной мойвой, плюс небольшой кусочек соленого огурца. Горох в данном блюде бывает двух видов: либо сырой, так что его приходится разгрызать, либо пригоревший. Огурец, точнее его частица, из-за того, что кладется прямо в горячее блюдо, сам становится горячим и скользким, напоминая мыло.

А одним из коронных блюд была «Пластиковая каша», названная так по аналогии с кушаньем из известного в то время фильма «Кин-дза-дза». С появлением в семинарии «пластиковой каши» — однородной массы непонятного происхождения с искусственным вкусом и запахом и занятным названием «Веджбургер» связан следующий забавный эпизод. Однажды всех студентов словно по военной тревоге сняли с занятий. Воспитанников, на ходу передевавшихся в рабочую одежду, спешно направляли на разгрузку двух иностранных фур, скромно притулившихся у здания семинарского склада. Фуры под завязку были загружены красочными коробками с изображениями улыбающихся людей. Эти радостные люди, по всей видимости, были безумно счастливы от употребления вкуснейшего продукта, поистине — чудеса рекламы. Но вернемся к нашим семинаристам. Уже во время разгрузки самые осведомленные из братии уже знали, что в коробках находятся вегетарианские котлеты, подарок, как шутили позже, «наших меньших братьев по разуму» — не то итальянских, не то германских протестантов. В первую же рабочую смену в столовой готовили первую партию веджбургеров. Как позже выяснилось, деликатес этот нужно просто разогреть в микроволновой печи. Но промышленной микроволновки на семинарской кухне не было. Веджбургеры разморозили и пожарили, как обычные котлеты. Получилась жареная подошва от ботинок. Вторая попытка приготовить веджбургеры так же увенчалась провалом; правда новый вариант оказался все же относительно съедобным. Их решили потушить. В результате получилась та самая пластиковая каша, которую семинаристам пришлось употреблять в течение нескольких месяцев.

Вспоминают также «скоромный» суп, который был подан как-то великим постом. В нем плавало очень калорийное мясо в виде белых крупяных червячков.

А еще тухлая селедка «кремлевского посла». Однажды приходят семинаристы на обед, а запах в трапезной стоит невообразимый. Селедку с душком есть не стали, поднялся бунт. На шум прибежал перепуганный отец-келяр, заведующий семинарской столовкой, и стал уговаривать возмутителей порядка, что селедка эта особого «кремлевского посла», и ничего-де вы не понимаете в деликатесах. Из самого Кремля привезена, можно сказать, от стола самого президента Ельцина отнята, а вы, неблагодарные, есть не хотите.

Но бурсаки его освистали. Нет, они не в прямом смысле освистали, а почти культурно поинтересовались, в какую пятилетку она для Кремля солилась. На это возражение разгневанный отец-келяр обещал вклеить бунтарям по «тропарю», но бунтовали все, и скандал замяли.

Впрочем, в последние годы, говорят, кормить в семинарии стали гораздо лучше.

Из года в год на выпускной вечер, вернее выпускной обед, в трапезной готовят фирменный суп с оливками и нарезанными сосисками и подают по стакану красного вина, но это на выпуск. На том обеде и я была, мед-пиво пила. Выпускной суп вполне приличный.

А еще в семинарии были очень вкусные рыбные котлеты, которые подавали на великие, но «постные» праздники (приходившиеся на великий пост), такие, как Благовещение или Вход Господень в Иерусалим.

Очень туго приходилось тем семинаристам, которым родители не могли материально помогать. К такому контингенту относился и мой будущий муж. Бедная многодетная семья, отец — священник, из таких, которые о благосостоянии своего семейства мало заботятся. Казалось, что родители были только рады избавиться от лишнего рта, отправив сына в семинарию. Эта ситуация напоминает дореволюционные рассказы из жизни бедных слоев духовного сословия. Но это, как вы поняли, происходило совсем недавно, в конце двадцатого столетия. От голодного существования на одних казенных харчах моего семинариста спас только талант. Он стал писать неуспевающим студентам сочинения на заказ. Вскоре его

маленький бизнес в этой области стал настолько успешен, что деньги у него почти не переводились, так как заказов всегда было очень много. И даже когда мы только-только начинали скудную студенческую совместную жизнь, то были моменты, когда мы жили только за счет сочинений, которые писал мой муж. Кстати, на всю семинарию студентов, у коих написание сочинений было поставлено на поток, оказалось всего три-четыре человека.

Дружба народов

Семинария — место многонациональное. Конечно, до советского идеала знаменитых вузов Патриса Лумумбы или Мориса Тореза ей далеко. Это потому, что РПЦ очень мало занимается миссионерством, несмотря на то что православие — религия вселенская, а отнюдь не национальная. В РПЦ есть даже такие архиереи, которые вообще мешают миссионерству, например в Средней Азии, полагая, что православие предназначено для русских, а совсем не для тех, у кого другой разрез глаз или цвет кожи. В далеких странах православным миссионерством занимаются в основном греки и рукополагают аборигенов тоже они. Есть, конечно, исключения и с нашей стороны, но об этом позже. Например, благодаря миссии в Китае сегодня в семинарии обучаются несколько китайцев. Но пока это капля в море. Впрочем, об этих проблемах пусть пишут богословы.

В семинарии учатся представители самых разных национальностей со всего бывшего Советского Союза. Самые многочисленные семинарские диаспоры — это украинцы (в семинарии их называют хохлами) и молдаване с гагаузами. Их можно назвать именно диаспорами, так как они стараются держаться обособленно и нравом отличаются от других студентов. Украинцы почти все националисты, едят сало, но неплохо учатся. Молдаване отличаются крайне низкой успеваемостью и священство воспринимают как ремесло, а не как призвание. Рассказывали про одно село, где все мужское население идет либо в милиционеры, либо в попы. А соответственно, коли священство это ремесло, то молдаване, будучи студентами семинарии, все сплошь занимаются бизнесом. Даже в самой семинарии есть молдавская цирюльня, где парикмахерами работают студенты-молдаване. Кстати, один из выпускников семинарии, а точнее — именно этой молдавской цирюльни, гагауз по национальности, стал известным в Сергиевом Посаде стилистом. Так что из семинарских стен иногда выходят не только генералиссимусы, но и парикмахеры. Конечно, при таком подходе им совсем не до учебы, а семинарское начальство на это смотрит сквозь пальцы, как начальство советских вузов смотрело сквозь пальцы на крайне низкую успеваемость негров из дружественных коммунистических стран.

Брак, семья и семейные ценности Вступление в брак

Итак, большинство священников женатые, только в брак они не вступают.

Почему? Потому, что кандидат на рукоположение должен позаботиться о создании семьи заранее. Скажем так: тот, кто желает принять священный сан, должен либо жениться (если он еще не женат), либо принять монашество, либо остаться холостым (целибат), — но в таком случае он уже не сможет вступить в брак после принятия сана. Сразу необходимо отметить, что целибат нашим священноначалием крайне не приветствуется, поэтому холостых священников в Русской церкви очень мало. В католической же церкви принят обязательный целибат. Отсюда и страсти, дающие богатую почву для творчества писателей и режиссеров — это и школьный «Овод», и популярный женский роман «Поющие в терновнике»; список можно продолжать очень долго. Нам же подобные страсти не грозят, у нас свое, другое.

По правилам Церкви, священник может быть женат только первым браком. Если для мирян допускается второй и даже третий брак, то для духовенства существует только один.

Если священник овдовел или по каким-то причинам расстался с женой, то он уже не может жениться ни при каких обстоятельствах, разве что снимет с себя священный сан. Это незыблемый закон. Иногда на этой почве случаются трагедии. Например, священник овдовел или расстался с женой, но он еще молод и красив. Где гарантии, что он не полюбит другую женщину, а потом не захочет связать с ней свою судьбу? Что делать, жизнь ставит его перед дилеммой: служение Церкви или счастливый брак. Бывали в истории случаи, когда священник не хотел оставлять ни служение, ни любимую женщину. Возлюбленной приходилось становиться тайной женой, а батюшке идти на тяжелый компромисс с совестью. В истории нашего отечества известен поп Гапон, но мало кто знает, с чего началась его жизненная драма. Георгий Гапон был обычным священником и безумно любил красавицу жену. После рождения второго ребенка его жена скончалась. Видимо, это горе и сломило Гапона. Сначала он пытался жить подвижнической жизнью. Однажды отдал свои последние сапоги нищему. А затем началось падение. У отца Георгия появилась тайная сожительница. Потом в его жизни были еще женщины, а за ними пришла и революция.

Еще одна подробность, которая зачастую неизвестна даже православным мирянам. Невеста будущего священника должна быть девственницей. Аналогичные требования предъявляются и к ее жениху.

Этот закон известен с ветхозаветных времен. Кстати, в современном Израиле по сей день действует такой закон для потомков колена Левита (священнического колена). Поэтому израильтяне, носящие фамилию Коган или Коэн, чтобы получить возможность жениться на разведенной женщине в обход строгого закона, вынуждены регистрировать брак, например, на Кипре.

В православии из этого правила существует единственное исключение: если блуд (внебрачные отношения) или первый брак был до принятия крещения. У нас встречаются канонические второбрачные священники, которые приняли крещение в зрелом возрасте и за плечами имели очень много. Крещение дает возможность начать жизнь с белого листа, поэтому такие батюшки и не считаются второбрачными.

Более того, жених и невеста не имеют право вступать в интимные отношения до венчания, иначе путь к священству тоже будет закрыт, особенно если епископ очень строгих взглядов. Семинаристы любят высчитывать, через какое время после венчания у их женатых собратьев родился первый ребенок. Если после венчания не прошло положенных девяти месяцев, то над новоиспеченным папашей начинали дружески подтрунивать: а не было ли у него чего до венчания, а то, глядишь, канонические препятствия появятся.

Так что для принятия сана недостаточно иметь желание, богословские и уставные знания.

Многие читатели, наверное, усомнятся, что столь строгие правила по сей день существуют и даже выполняются. Придется некоторых разочаровать — правила действительно выполняются, нарушения встречаются достаточно редко и остаются на совести либо кандидата, утаившего от епископа свое препятствие (так это называется), либо епископа, знавшего о препятствии, но принявшего решение о рукоположении.

К слову сказать, это только в желтой прессе все священники развратники, а епископы гомосексуалисты. В нашей книге говорится только о реальном положении вещей без прикрас или очернения.

Один наш знакомый, назовем его Костя, женился на разведенной женщине с ребенком. Обычное дело как для православных, так и для светских людей. Но все наши общие знакомые были шокированы, когда Костя заявил, что собирается принимать сан. Все замерли в ожидании и стали следить за развитием событий. Они не заставили себя долго ждать. Его действительно рукоположили в дьяконы (начальная степень священства) и отправили служить в подмосковный приход. Оказалось, он утаил от епископа, что его жена второбрачная. Вскоре у Кости произошел серьезный конфликт с настоятелем. Настоятель затаил обиду. И тут, как нельзя кстати, настоятель узнает, что Костя обманул епископа. Убедившись в достоверности полученной информации, то есть не поленившись для этого

съездить в ЗАГС и навести справки, он незамедлительно докладывает о совершившемся факте в патриархию. Как говорится, все тайное становится явным. Костю быстро лишили сана — в тот момент, когда он собирался подавать прошение о рукоположении в священники.

Как знакомятся в семинарии

Семинария — это не только учебное заведение, но и место, где молодые люди находят невест.

Как правило, семинаристы стараются жениться во время учебы, чтобы закончить семинарию уже в сане. В первом классе студенты привыкают к новому образу жизни, втягиваются в учебу. Во втором, помимо учебы, начинают присматриваться к невестам, в третьем стараются определиться, чтобы в четвертом классе жениться и сразу рукоположиться. Естественно, не у всех все так гладко получается. Не все заканчивают обучение в священном сане.

Есть такая семинарская шутка.

Семинарист подходит к первой попавшейся девушке и говорит:

— Разрешите с вами познакомиться, а то у меня через неделю рукоположение и мне срочно нужна матушка.

Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки, и говорят даже, что этот анекдот взят из реальной жизни.

Знаю даже реальный случай, как один семинарист долго молился у мощей Преподобного Сергия о даровании ему невесты. И вот однажды, помолившись, он про себя решил, что кого первого встретит, та и есть его невеста. Да, для этого нужно было иметь серьезное дерзновение и великую веру, ведь такими вещами не шутят. Но его вера была награждена. Выходит этот семинарист из храма и на пороге буквально сталкивается с девушкой, которая спешит к Преподобному Сергию. Дальше следуют знакомство и счастливый брак.

Считается, что если молодой человек пришел в семинарию, значит, он уже встал на путь духовного служения. Поэтому пробные варианты типа «поучусь, а потом подумаю» здесь не практикуются.

В отличие от светского вуза, в духовном учебном заведении жениться почти необходимо, вернее не жениться, а определиться, то есть выбрать свой путь, — ведь можно уйти и в монахи. Если семинаристы не будут иметь возможность вступить в брак, то откуда в Церкви будут священники? У нас ведь Церковь православная, не католическая, а монашество принимают меньшинство, примерно десять процентов из всех учащихся.

Среди светских людей про семинарию по сей день ходит легенда, что в Троице-Сергеевой Лавре есть так называемая «аллея невест». Всякая девушка, желающая познакомиться с будущим пастырем, может сесть там на одну из лавочек и ждать своего суженого...

В действительности все это не имеет никакого отношения к современной реальности. В пятидесятых годах вновь открывшаяся семинария некоторое время соседствовала с областным педагогическим институтом. Семинаристы стали знакомиться с будущими советскими учительницами. Власти быстро пресекли столь пагубную традицию, переведя пединститут в город Орехово-Зуево, подальше от религиозного дурмана. Может, именно в те времена и была похожая традиция, но реальных подтверждений этому нет. Да и зачем эта аллея, если в самой семинарии полно барышень, жаждущих выйти замуж?

В семинарии есть две женские школы: регентская и иконописная.

Регентши

Регентские классы при семинарии были созданы специально для того, чтобы дать

возможность семинаристам, что называется, без отрыва от производства спокойно подыскивать себе невест. Здесь священноначалие поступило очень мудро, убив при этом как минимум трех зайцев.

Во-первых, студенту не нужно искать невесту вне стен духовной школы, отвлекаясь от учебы и тратя на этот процесс массу драгоценного времени.

Во-вторых, девушки, поступающие на регентское отделение, как правило, изначально религиозны и сознательно стремятся стать женами священников, а это дает хоть какие-то гарантии, что жена не сбежит от мужа, столкнувшись с тяготами поповской жизни.

В-третьих, для Церкви очень удобно, когда батюшка в алтаре, а матушка на клиросе. Она разбирается не в рекламе и маркетинге, а в богослужебном уставе, песнопениях, гласах, кондаках и тропарях.

Представьте, что священника посылают куда-нибудь в жуткую деревенскую глушь или в занюханый районный городишко Тмутаракань, а там на приходе три дремучие старухи, которые не то что о богослужении знать ничего не знают, но и толком не представляют, во что сами верят. Вот тут батюшку и выручает матушка — не с тремя высшими образованиями, а простая, окончившая регентскую школу.

Как уже говорилось выше, в регентскую школу поступают в основном девушки, желающие стать женами священников, или, говоря церковным языком, матушками. Вообще в церковной среде быть матушкой почетно, но это не главная причина, по которой верующие девушки хотят быть матушками. Для них это в первую очередь особое служение Богу, которому они хотят посвятить свою жизнь.

В регентскую школу конкурс как в престижный вуз — так много желающих. Поэтому с каждым годом условия отбора ужесточаются. Если лет десять-пятнадцать назад набирали почти всех, лишь бы слух был, то сейчас приветствуется наличие качественного музыкального образования.

Белый верх, черный низ

«Белый верх, черный низ» — такова форма воспитанниц регентской школы.

Причем черный низ должен быть всегда длинный, а на голове обязателен платок.

Когда светская барышня ищет супруга или просто сексуального партнера, она выглядит и ведет себя соответствующим образом, всем известно каким. По крайней мере, ей никогда не придет в голову надеть длинную черную юбку и повязать платок. В церковной жизни все наоборот, здесь совсем другие ценности и представления. Если девушка мечтает о христианском браке, особенно о муже-священнике, она должна показать, что называется, товар лицом — максимум благочестия и смирения. Правда, со смирением некоторые перебарщивают. Таких проницательные семинаристы называют «мисс смирение».

Юноши-семинаристы выбирают себе не секс-символы и партнерш, а в первую очередь матушек, то есть помощниц, хозяек и матерей будущих детей. Это не значит, что за церковными стенами обитают одни расчетливые прагматики, которые не способны просто влюбиться и потерять голову.

Но речь идет о выборе на всю жизнь. Не следует забывать, что для священника невозможен второй брак и ошибка, допущенная один раз, может стоить очень дорого. Поэтому у семинаристов страх допустить ошибку в выборе спутницы особенно велик. Тогда как в светском обществе этого практически не боятся, ведь никто не запрещает разводиться и вступать в брак, пока не надоест, а возможно и сожительство в так называемом гражданском браке, который вовсе ни к чему не обязывает, по принципу «поживем, притремся, а потом и посмотрим». Свобода, одним словом.

Как говорят — любовь зла... Народная мудрость зачастую бывает очень точна.

Эта история произошла с одним нашим хорошим другом, назовем его Кириллом. Будучи семинаристом, полюбил Кирилл девушку-работницу с кухни и поспешно, как бывает в таких случаях, сделал ей предложение, а она с радостью согласилась. Девушка была

дочь протоиерея из Челябинска, то есть поповной. Однако звание поповны не гарантия благочестия девушки. Одноклассники отговаривали несчастного влюбленного от столь необдуманного шага, так как девица эта имела неблагоприятную репутацию; во всяком случае, ходили о ней не самые лучшие слухи. Предостережениям одноклассников он не внял, как опять же бывает в подобных случаях. Вскоре молодые сыграли свадьбу на родине невесты. После свадьбы новоиспеченный муж уехал доучиваться, оставив молодую жену с ее родителями. Но когда Кирилл приехал на каникулы, то горячо любимая супруга своего благоверного даже на порог не пустила. Уходи, и всё.

Несчастный отверженный муж понял, что явился не вовремя, у жены был любовник. Бедолагу ждала холодная ночь на вокзале с бомжами и спешное возвращение назад в общем вагоне.

Через несколько лет он женился повторно, на хорошей девушке, с которой обрел счастье. Из-за столь неудачного первого брака ему пришлось забыть мечту о священстве. Конечно, он мог принять монашество и только в таком случае стать священником, но молодой человек хотел семейной жизни, а когда женился повторно, путь в священство для него закрылся навсегда.

Зная столь трагические примеры, семинаристы очень боятся вляпаться в подобную историю, но выбор все равно делать надо, никуда от него не денешься. Так что иногда за красивой внешностью и благочестивым поведением может скрываться совсем не благовидная сущность.

Объектам же этого выбора все равно приходится прихорашиваться. Но как прихорашиваться, когда юбка длинная, а на голове платок? Проблема с платком у регентш решается просто, как все гениальное, — он может превратиться в элегантный прозрачный шарфик, замысловато и кокетливо повязанный на тонкой изящной шейке. А вот волосы показывать в православии не возбраняется. Только, опять же, в церкви ценится все естественное, поэтому стрижки и «химии» считаются дурным тоном, как и открытые колени. Как говорится, коса — девичья краса. Чем длиннее и толще коса, тем девушка считается красивее. Поэтому воспитанницы регентской школы и отличаются особо длинными косами.

Длинная юбка в церковной среде совсем не помеха. Колени демонстрировать считается верхом неприличия, а, как уже говорилось выше, девушка должна показать себя особенно целомудренной. Поэтому если жениху с невестой не довелось сходить вместе на пляж (если их знакомство пришлось не на летний сезон, а летом не сложилось), то ее колени он увидит только после свадьбы. «Гулять», то есть ухаживать за девушкой, в семинарии принято примерно год, так советуют многие духовники, но в жизни бывает очень по-разному — от нескольких месяцев до нескольких лет. Девушка считается невестой после того, как ее избранник сделает ей предложение, на которое она даст положительный ответ.

В семинарии есть и свой стандарт красоты, ничего общего не имеющий с пресловутым 90/60/90. Красавица скорее должна походить на пушкинскую царевну-лебедя:

Днем свет Божий затмевает,

Ночью землю освещает,

Месяц под косою блестит,

А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,

Выступает, будто пава;

А как речь-то говорит,

Словно реченька журчит.

Вспоминается история одной такой красавицы, которая соответствовала всем стандартам семинарской красоты.

Василиса Прекрасная

Василиса была студенткой регентской школы, дочерью очень известного и очень

многодетного протоиерея, младшая из дочерей или предпоследняя, точно не знаю.

По семинарским меркам была красавицей неопишуемой: правильные черты лица, таинственная бледность, высокий открытый лоб и длинная толстая русая коса ниже пояса. Ходила она степенной походкой, высоко подняв голову, взгляд имела несколько надменный, полный осознанного достоинства и превосходства. От ее ослепительной красоты многие семинаристы буквально сходили с ума, вождедея заполучить Василису Прекрасную в невесты. Очень многие делали ей предложения и признания в любви, пытались ухаживать, а другие молча страдали, боясь быть отвергнутыми. Всех своих женихов, даже тех, с кем вроде бы начинала дружить, в скором времени она бросала. Однокурсницы откровенно ей завидовали, что и естественно, ведь далеко не каждая девушка пользуется таким успехом и вниманием. Да и умом она тоже не была обделена. Злые языки поговаривали, что она с таким нравом никогда замуж не выйдет и останется в старых девах, что ждет ее судьба «синего чулка». Сравнивали ее с одной наставницей в регентской школе, которая в молодости всех женихов отвергла, а когда спохватилась, то было уже поздно, и от досады она превратилась в классическую злюку, воспитанниц третировала и держала в черном теле да в ежовых рукавицах. Другие пророчили, что красота ее мимолетная, и если еще годика два потянет она с замужеством, то вся ее свежесть увянет, а кому нужна увядшая красавица? Другое дело девушка простая и неказистая, она всегда неказистая и в красавицы не метит, поэтому спрос на нее одинаков, а красавица — она как цветок: продавай, пока свеж. Словом, о ней было принято говорить, о ней было принято спорить, ведь она была звездой. Но вопреки злым языкам Василиса Прекрасная через пару лет после окончания регентской школы вышла замуж и стала матушкой, родила троих детей. Но жениха она нашла не в семинарии, а на приходе у отца.

Регентши и правда ступают будто павы — таковы требования стандартов красоты.

Регентскую моду создают в основном девушки-провинциалки, коих среди студенток всегда большинство. Отсюда и любовь к нелепым деревенским блузкам со множеством безвкусовых рюшек и кружев и к бабским юбкам. Несколько лет назад у регентш была очень смешная мода на высоко зачесанные челки, которые семинаристы между собой в шутку называли «коконами».

Правда, в последние годы в регентской моде наметились сдвиги под воздействием последних московских веяний — это и модные стрижки, и элегантная одежда. В последнее время белый верх начальство отменило, обрядив регентш во все черное, оставив только белый платочек.

Регентш всегда можно опознать по одежде, прическе, по белому платку, сильной бледности, по высоко поднятой голове, по осанке и стремлению всеми силами показать себя.

Иконописки

В семинарии есть еще и иконописная школа, где девяносто процентов учащихся составляют девушки. На местном сленге воспитанниц иконописной школы называют иконописками.

Они, наоборот, всем своим видом и поведением показывают, что мужеский пол им совершенно безразличен и пришли они учиться иконописному делу, а не женихов искать. Они сутулятся, мимо ребят пробегают с поспешностью, опуская глаза в пол, подчеркивая свое глубокое безразличие. Многие иконописки действительно не собираются замуж и мечтают о монашестве. Для них это особый образ жизни и серьезное призвание. В школу приходят и зрелые женщины, с серьезным художественным образованием, решившие посвятить жизнь исключительно иконописи, но такие в качестве невест вообще не рассматриваются. Некоторые девушки из иконописной школы ведут откровенно подвижнический образ жизни: встают ежедневно в половине шестого (за полтора часа до официального подъема) и идут в Лавру на братский молебен. Некоторые отказываются от употребления мясной пищи, подражая древним иконописцам, таким как преп. Андрей

Рублев или Феофан Грек. Поэтому в трапезной семинарии предусмотрен отдельный монашеский стол (без мясного).

Одеваются они совсем не так, как регентши. Для иконописной школы не существует правила «белый верх, черный низ». Поэтому головной платок обычно темных тонов, совсем непрозрачный и туго затянут вокруг шеи, как у колхозниц из довоенных фильмов. Юбки, как правило, особенно длинные, почти до пола. Вместо блузок — свободные кофты и свитера навыпуск, так называемый хиппи-стиль. Из-за непрístupного вида многих студенток семинаристы побаиваются с ними знакомиться или знакомятся через посредников, тщательно разведав, желает девушка замуж или готовит себя к монашеству и ухаживать за ней бессмысленно. Тем не менее, матушками иконописки становятся часто.

Кстати, студентки регентской и иконописной школ могут снимать жилье в городе, если материальное положение позволяет. Семинаристам же проживать в городе разрешается только в случае женитьбы.

Иконописки по студенческим меркам, в отличие от бедных регентш и семинаристов, всегда считались самыми обеспеченными. Еще во время учебы многие из них находят рынок сбыта для своих работ. Поэтому хитом сезона в иконописной школе середины девяностых (не знаю как сейчас) являлось, например, приобретение дорогой шубы — символа устойчивого и независимого материального положения. Но чтобы успешно находить покупателей, необходимо обладать определенными коммерческими способностями, которые есть далеко не у всех. Я была знакома с двумя такими преуспевающими студентками. Обе они были поповнами из многодетных семей, не избалованными материальными благами в родительском доме. Но коммерческий талант у них был недюжинный, что позволяло им не только безбедно существовать и снимать квартиры в городе, но и приобретать вожделенные предметы роскоши, о которых говорилось выше, и которые были, конечно, поводом для зависти коллег по цеху. Обе они по окончании иконописной школы вышли замуж и стали матушками. С будущими мужьями они познакомились здесь же, в семинарии, по традиционной схеме. Самое интересное, что обе ныне живут за границей, правда в совершенно разных концах мира.

А как быть тем, у кого нет шансов попасть ни на регентское отделение, ни в иконописную школу, а познакомиться с семинаристом и выйти замуж ну очень хочется? Здесь есть еще несколько вариантов — например, устроиться на работу в семинарию: уборщицей, посудомойкой, библиотекаршей, гардеробщицей или медсестрой. Конечно, семинаристы все равно более охотно выбирают себе невест из регентш, так уж повелось, но шанс есть, особенно если девушка красива и умна.

Как знакомятся на семинарской кухне

Эта тема заслуживает особого рассказа. В семинарской столовой развернут запасной плацдарм для знакомства с учащимися, поэтому устроиться туда на работу сложнее, чем в кремлевскую. А для чего еще там работать?

Это единственная столовая в России, куда приезжают работать девушки со всей страны, в том числе из бывших союзных республик. Представляете, посудомойка из Челябинска или из маленькой молдавской деревушки. Удивительно, но факт. Как уже говорилось, в столовой семинаристы не только трапезничают, но и проходят послушания по чистке овощей и отмыванию грязных котлов. Это романтическое занятие может повлечь за собой романтические отношения, но не с котлами, конечно. Казалось бы, идиллическая картина: драит воспитанник жирный котел, ныряет туда почти с головой, только пятки сверкают, а мимо проплывает, словно пава, с тележкой, доверху наполненной грязной посудой, красавица-посудомойка. В белом халатике, кружевном платочке, брови черные, глаза задорно горят, кудри вьются — ну как тут не познакомиться и не пойти на свидание после тяжелого трудового дня?! Но... По правде говоря, семинаристы с посудомойками и официантками знакомятся совсем не так. Драя котел или чистя тонну картошки, воспитанник

совсем не обращает внимания на прекрасный пол; в такие моменты жизни бывает только одно желание — скорее доползти до койки. Но, учитывая, что семинаристы, как спаниели, хронически голодны, то они стараются дружить с прекрасными работницами семинарской кухни... со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Раз уж зашла речь о знакомствах на кухне, придется рассказать об одном достаточно удачном кухонном знакомстве.

Несостоявшаяся невеста

Познакомилась я с Оленькой в пригородной электричке — мы возвращались вместе из одного известного монастыря, куда ездили в паломничество. Разговорились: оказалось, что обе мы были студентками первого курса: она — престижной финансовой академии, а я — чуть менее престижной медицинской. У нее родители были верующими, но из тех, кто только-только пришел к вере. Мои же родители были неверующие. Ее отец — начальник крупного предприятия. Мой отец — бизнесмен. Так что у нас ней было много общего. А еще у нее был жених в семинарии, а у меня жениха не было, но я тогда уже хотела, чтобы был, и именно в семинарии. Стали мы с ней дружить и вместе ездить то в паломничество в тот известный монастырь, то в Лавру к ее жениху. А познакомилась она с Георгием (так звали жениха) у себя на приходе, рядом с домом. Рассказывала, что он некоторое время прислуживал в алтаре и как-то раз сам подошел к ней и предложил дружбу. Сказал, что поступил в семинарию и собирается стать священником. Вот она теперь регулярно к нему в семинарию на свидания и ездит. До семинарии закончил Георгий Нахимовское училище, выправку имел военно-морскую и очень любил строгость и дисциплину, был весь правильный до скрежета зубовного и любил тельняшки носить.

А Оленька, хоть и была студенткой финансовой академии, но строгостью и дисциплиной иногда тяготилась. Так они дружили года три, но когда дело дошло до предложения, Оля очень сильно засомневалась. И не столько потому, что ей не нравилась его дисциплинированность и правильность, сколько потому, что не могла без любви замуж идти. За эти годы, признавалась она, Георгия полюбить так и не смогла, а врать самой себе не умела. Георгий все настойчивее торопил ее с ответом, а она и отказать не могла, и согласиться не решалась. Так, в сомнениях и мучениях, прошло еще какое-то время. В то время Оленька мне говорила, что если она его бросит, то он сразу в монахи пойдет. И так она это говорила, что создавалось впечатление, что она сама его хочет отправить в монахи, ей от этого как бы легче становилось. Говорила, что патриарха Тихона в свое время тоже невеста бросила, а в результате какой великий святой вышел.

Но случилось совсем наоборот. Когда она Георгию отказала и уверила его, что решение ее окончательное и обжалованию не подлежит, то он не пошел в монахи, а быстренько нашел себе другую невесту — черноглазую Ульяночку, работницу с семинарской кухни. Ульяна эта имела четырех старших сестер и была в семье пятой. Все сестры ее уже были замужем за священниками. Вот и она, следуя их примеру и семейной традиции, устроилась работать в семинарию, дабы найти себе жениха достойного. Ольга, узнав, что Георгий ее собрался жениться, да столь скоро после разрыва с ней, была просто в недоумении, говоря, что все его слова о великой к ней любви были пустым звоном, что потрясена, как быстро он себе другую нашел. А Георгий очень торопился жениться, так как ему нужно было срочно рукополагаться.

После рукоположения его распределили проректором в семинарию в старинный русский город. Мы с мужем, когда увлекались автомобильными путешествиями по России, приезжали туда однажды. Отец Георгий был счастлив со своей супругой, она оказалась тихой и кроткой и родила ему двух дочерей. Оля же через несколько лет вышла замуж за хорошего человека и тоже очень с ним счастлива, так что ни о чем не жалеет и за все благодарит Бога.

Невесты со стороны

Меньшинство семинаристов все же находят невест вне семинарских стен. Как правило, это знакомые из досеминарской жизни, по предыдущей учебе, девушки из прихода, обычно из того, откуда семинарист получал рекомендацию для поступления. Зачастую знакомство происходит во время каникул и увольнительных поездок домой или на отдых. Вариантов множество, и каждый из них по-своему уникален. Поэтому у священников встречаются матушки с самыми разнообразными специальностями, а не только регентши и иконописки. Ну а раз уж речь у нас зашла о знакомствах семинаристов со своими будущими матушками, расскажем абсолютно правдивую историю.

В нашей жизни по сей день встречаются истории, напоминающие по сюжету мексиканские сериалы. Слушая подобные рассказы, невольно убеждаешься в том, что создатели бредовых мыльных опер многое все же черпают из жизни. Итак, одна матушка (хотя она очень не любит, когда ее так называют) поведала о себе вот что.

Очень часто меня спрашивают, как же я познакомилась со своим будущим супругом, ведь я выросла в семье очень далекой от церкви и церковной жизни. Итак, происходила я из семьи совершенно не религиозной, но необычной, совершенно нестандартной по советским меркам, к коим мы в застойные социалистические времена привыкли. Мать моя, добрая и тихая женщина, родом с юга России, дочь простых учителей, родила своему мужу четверых детей, я же из них была старшей. А вот папа — юрист, как говорил один одиозный политический деятель. Конечно, это шутка, он не был юристом (оба родителя закончили геологоразведочный институт), но его происхождение весьма загадочно. В его семье куча легенд и преданий о собственных предках: это и незаконнорожденный сын Петра I, и знаменитая боярская ветвь митрополита Филиппа, и известные купцы, державшие лесосклады в Москве, там, где ныне Лесная улица. И прадед, тот самый держатель лесных складов, женившийся на богатой еврейке, якобы чтобы поправить материальное положение, а еще некий разбойник, спрятавший несметные сокровища где-то в непроходимых рязанских лесах. О разбойнике и о Петре I, скорее всего, выдумки, а все остальное почти правда. Но вернемся к нашему повествованию. Отец мой был человеком незаурядным и весьма одаренным — тайным диссидентом и спекулянтом: гены деда-купца все-таки. Но началась перестройка, бизнес стал легальным, отец организовал весьма успешное предприятие, быстро пошел в гору и через несколько лет, к началу девяностых, стал создателем одного из известнейших в России брендов.

Вот так, отец занят бизнесом, мать — детьми и хозяйством, и не знают они, что послушная дочка, которая нянчит младших брата и сестер, прилежно учится и ходит не на дискотеки, а на концерты органной музыки, давно занята поиском высшего духовного смысла бытия. Любимым занятием, ее в то время было уединенное созерцание. Правда, в детстве она была очень непослушной и шкодливой девчонкой, похожей на Пеппи Длинныйчулок, хотя в уединенное созерцание, внешне похожее на аутизм, она впадала еще с раннего детства. О ее сокровенной жизни родители, скорее всего даже не догадывались.

Крестилась я в восемнадцать лет по вдохновению. Почему по вдохновению? Потому что существуют такие тайны, которые и близким друзьям не рассказывают. Поэтому назовем это вдохновением.

Внезапное и сознательное крещение повергло ее родителей в шок, встретив, мягко говоря, сопротивление и недовольство с их стороны. Но родители успокаивали себя тем, что религия — лишь очередное увлечение их странной дочери. У нее было много увлечений, которые всегда быстро проходили.

Через три года по тому же вдохновению решила я поехать в Израиль, слезно испросив у отца денег на столь дорогое путешествие. Вообще поездка в Израиль стала для меня вожделенной мечтой сразу после крещения. А ехала я туда с определенной целью — испросить на Святой Земле у Господа жениха, да не просто жениха, а такого, чтобы стремился к священству. Обыкновенного жениха я и без Израиля могла найти, да не

простого, а богатого. Отец давно подыскивал мне достойную партию — для слияния капиталов, так сказать. А поскольку я была студенткой медицинской академии, а не регентских курсов в семинарии, то шансов найти подходящего жениха у меня практически не было.

Иными словами, наша героиня возжелала стать женой священника; как она выражается: по некому вдохновению желала этого. А еще она поняла, что там, на Святой Земле, скрыт некий магнит, который притягивает тех, кто принадлежит по крови к потомкам Авраама.

И действительно, через месяц после этой поездки я познакомилась со своим будущим мужем, тогда еще студентом семинарии. Знакомство с ним было очень банальным: друзья предложили мне познакомиться с хорошим молодым человеком и просто привезли его ко мне домой — я тогда устроила что-то вроде посиделок или вечеринки по случаю начала самостоятельной жизни. Родители к тому времени купили себе большую квартиру и переехали туда, оставив меня в нашей родной коммуналке на Маяковке, где нам принадлежали две комнаты. Вернее, я сама пожелала остаться в коммуналке: хотелось самостоятельности, да и устала я к тому времени от своего многочисленного семейства.

Но молодой человек понравился мне не сразу. Внешне он был не красавец или просто не подходил он под мои представления о мужской красоте, хотя был замечательно умен и эрудирован, память имел энциклопедическую и огромную искреннюю веру и любовь к Богу.

Вот так, вначале испросила, даже поехала с этой просьбой за тридевять земель, а теперь носом завертела. Но молодой человек ей не понравился. Она не представляла его в роли мужа и отца семейства и потому вскоре отшла.

Через неделю после того, как я его отвергла, я поехала в Лавру — очень любила туда ездить, да и дело у меня там одно было. И когда шла из Троицкого Собора, на дорожке между Успенским Собором и Академией повстречала его, спешащего в Троицкий Собор. Мы встретились так, как будто между нами вовсе не было того разговора, когда я ему отказала.

Они пошли в семинарскую столовую, а потом отправились гулять в Гефсиманский скит близ Сергиева Посада.

Была осень, мое любимое время года, желтая листва толстым ковром лежала под ногами, тихий прозрачный воздух, кривые старинные улочки с деревянными домами, мы о чем-то разговаривали и в какой-то момент я поняла, что мы внутренне очень похожи и никто и никогда меня так хорошо не понимал, как он.

Мы стали встречаться. Он не делал мне предложение, и так все было ясно, просто и очевидно, это было опять вдохновение. Я регулярно моталась на электричках к нему в Сергиев Посад, мы встречались и подолгу гуляли в городе и его окрестностях.

Но близился тот страшный момент, когда нашей героине предстояло рассказать все родителям. Ее отец, узнав, что дочь собирается замуж за семинариста, сына какого-то бедного московского попа, собирается стать попадьей, впал в ужасную ярость и страшный гнев. Его дочь, на которую он возлагал столько надежд, — и замуж за попа, за нищего семинаристишку! Это никак не укладывалось в его голове, привыкшей к четким и выгодным бизнес-схемам, он даже и представить не мог, что в его семье может произойти такое. Он пытался разговаривать с дочерью и по-плохому и по-хорошему, но чем больше он возражал и запрещал, тем более непоколебимую позицию занимала его дочь. Ведь она была его дочерью и унаследовала от него настойчивость и упрямство.

Его родители тоже были не в восторге, но к решению сына отнеслись более демократично.

Мама моя пыталась понять нас обоих, найти компромисс, хотя больше склонялась на сторону отца. Уговоры и скандалы меня не образумили, и тогда отец перешел в наступление, взявшись за «тяжелую артиллерию». Он решил напугать наглого жениха, посягнувшего на руку и сердце его дочери, которого в зятя совсем не приглашали. Отец заявил, что если мой жених не оставит меня в покое, то его (жениха) найдут в канализации, и отцу это будет

недорого стоить.

Жених оказался неробкого десятка; он и сейчас никого не боится, — такой вот уродился.

Эти угрозы только укрепили нас в решении в тайне от родителей обвенчаться, но поскольку шел Рождественский пост, сделать это можно было только в конце января.

А тем временем отец, убедившись, что угрозы не возымели ни малейшего эффекта, перешел в наступление. Однажды, приехав в коммуналку на Маяковке, он в очередной раз застал у дочери упрямого жениха.

— Собирайся, поедешь со мной, — грозно приказал мне отец. — Я забираю тебя под домашний арест. В институт и обратно тебя будут возить на машине под охраной.

Это была катастрофа, допустить домашний арест было невозможно. Помните песенку: «Такая-сякая сбежала из дворца, такая-сякая расстроила отца»?

И это в Москве, в конце двадцатого века, только потому, что дочь бизнесмена самовольно решила выйти замуж за семинариста.

Я испросила разрешение у отца попрощаться с женихом и проводить его на лестничную площадку и, воспользовавшись некоторым замешательством, сбежала вместе с ним, схватив при этом первое попавшееся под руку пальто.

Отец был в ярости от такой наглости, но решил, что дочь скоро вернется: ведь убежала она без денег и документов в легком пальтишке. Поэтому в квартире выставил пост, поселив туда временно своего младшего брата, которому было приказано блудную дочь арестовать и вернуть отцу. В семье отца было три брата, как в сказке: «Старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак». Итак, старший отправляет в засаду младшего. А младший Рудольф был совсем не бизнесмен, а большой любитель тусовок, ночных клубов и прочих радостей. А поскольку дело было первого января, то дядя, вместо того чтобы бдеть и ждать сбежавшую племянницу, созвал кучу гостей из своей музыкальной тусовки и устроил грандиозную пьянку. Соседка тетя Таня (забыли мы сказать о коммунальной соседке) не возражала против пьянки, так как сама не просыхала вот уже неделю в связи с любимым народом праздником.

В день побега я отправилась ночевать к своей очень надежной подруге.

Но на завтра решила съездить за вещами — ночью сильно похолодало, а я сбежала в демисезонном пальто и легких сапогах. Итак, открываю дверь своим ключом, дверь закрыта на цепочку, что делать — не знаю, что в квартире творится — тоже еще не знаю. На мое счастье, в коридоре на полуразвалившемся кресле спал один из гостей дяди Рудика — гитарист и алкоголик Олег. Он открыл дверь и заговорщическим шепотом сказал, что папа велел Рудику меня арестовать, поэтому возьми что нужно тихо и быстро. Впрочем, Рудольф все равно не способен был меня арестовать, так как был мертвецки пьян и дрых в большой комнате на диване прямо в сапогах. В квартире я застала «погром в Жмеринке» — везде валялись пустые бутылки, остатки закуски, на всех кроватях и диванах спали многочисленные пьяные гости. Я вошла в свою комнату. Там в моей кровати, на моей подушке, под моим одеялом спала некая девица. Ну просто сказка «Маша и медведи». Я остановилась в недоумении. Девица открыла глаза и спросила:

— Вы Люда?

— Да, — ответила я, — а вы кто?

— Я Лена, Лена Зосимова.

Я собрала вещи и удалилась. Кажется, Лена Зосимова — это эстрадная певичка, — думала я, спеша к метро.

Через неделю беглянка вернулась домой, целый день убирала квартиру после погрома и попойки. Родители отказались от затеи с домашним арестом и на какое-то время даже оставили ее в покое, опять надеясь, наверное, что увлечение дочери пройдет само собой. Но через несколько недель состоялось венчание. После свадьбы молодожены сняли квартиру в Сергиевом Посаде, молодому мужу предстояло еще шесть месяцев учиться в семинарии. Отец ослушницы лишил ее материального содержания, вероятно, надеясь, что дочь

образумится и, наголодавшись со своим нищим, приползет просить прощения. Прошло десять лет, но она так и не образумилась. Конечно, за десять лет дочь с отцом помирились, правда оставшись каждый при своем мнении. Эту историю они не любят вспоминать — слишком много пережито. Да и через столько лет наша героиня смотрит на свой поступок другими глазами.

Хочу быть матушкой

Желающих стать матушками всегда намного больше чем нужно. В приходской жизни матушкой быть почетно, престижно. Ее любят, уважают, ей помогают, перед ней заискивают. К священническим семьям вообще особое отношение, ведь считается, что духовенство — это люди, особо избранные Богом. Поэтому среди верующих барышень всегда было предостаточно желающих стать женами священников.

На эту тему есть следующая церковная шутка: барышня с синдромом ХБМ (хочу быть матушкой). Шутка достаточно точная, так как это стремление, будучи нереализованным, у некоторых религиозных девиц превращается в ярко выраженное болезненное состояние. Девушка с синдромом ХБМ готова на все, лишь бы добиться заветной цели, и ее не пугает, что жизнь жены священника полна тягот и лишений. Но далеко не у всех желающих исполняется эта заветная мечта.

Под венец

Православная свадьба достаточно сильно отличается от светской.

В первую очередь — иными ценностными акцентами. По церковным канонам жених становится мужем, а невеста женой только после венчания, соответственно и супружеские отношения допускаются только после венчания.

Для религиозных пар приоритетным является венчание, а не регистрация брака в ЗАГСе, которая воспринимается ими как пустая, но необходимая государственная обязанность, например получение нового паспорта. Из-за регистрации не устраиваются гуляния с гостями, рестораном и автоэскортом. Поскольку поход в ЗАГС не приурочивается к венчанию, он может произойти раньше или позже религиозного таинства. Регистрация происходит обыденно, без торжеств и брачных нарядов. Обычно православные пары отказываются от тетки, которая объявляет их мужем и женой, считая это профанацией таинства венчания, поэтому регистрация происходит не в зале бракосочетаний, а какой-нибудь боковой комнатке, где никто ничего торжественно не объявляет и не поздравляет.

А вот таинству венчания уделяется особое внимание. Для верующих важен сам духовный, или сакральный смысл сего великого таинства, а стол, гости, эскорт и подарки считаются внешним, второстепенным атрибутом, как бы данью требованиям мира. Вообще словами «мир» и «мирское» у верующих обозначается масса понятий, связанных со светской жизнью. Мирского принято чуждаться.

Послевенчальный банкет в первую очередь зависит, конечно, от материального благосостояния родителей брачующихся и от степени их воцерковленности — во вторую. Зачастую в церковных семьях, особенно священнических, брачные торжества отличаются консервативностью и строгостью. Но когда брачующиеся имеют множество невоцерковленных родственников, им приходится идти на некоторые уступки ради родных, максимально приближая свадьбу к общепринятым светским традициям.

Очень часто банкет заменяется праздничной трапезой при храме, а самим брачующимся в данном случае не нужен даже автомобиль для совершения вояжа к месту проведения банкета. Вместо тамады — батюшка, вместо музыки и танцев — церковные песнопения. Свадьбы изобилуют большим количеством речей и тостов. Практически вся свадьба состоит из речей, так как все, начиная с батюшки и родителей, хотят сказать молодым много теплого, умного и поучительного. Первое слово всегда предоставляется

священнику, и сидит он рядом с молодоженами, а потом уже идут родители, бабушки, дедушки и все остальные. На некоторых свадьбах отменяется даже традиционное «горько», правда, до этого доходит редко — все же «горько» на Руси любят.

Перегибы радикальной религиозности создают ощущение скуки и грусти на подобных мероприятиях.

Во всем должно придерживаться принципа золотой середины. Вот какую историю на тему перегибов мне довелось услышать, хотя, конечно, этот пример скорее из области приходских приколов. Итак, свадьба проходила на приходе. Закончилось венчание, голодные гости в трапезной расселись за столы, предвкушая скорый обед, — знаете, как бывает на свадьбах, гости приходят с пустыми желудками: зачем есть, когда кормить будут! Да и венчание бывает сразу после литургии, а многие на службу приходят вообще натошак.

Сначала все ждали задержавшегося настоятеля — духовника молодоженов, ведь без него начинать никак нельзя. Когда он пришел, все, помолвившись и еще раз благословив молодоженов, схватились за ложки и вилки, но вместо долгожданной еды, ко всеобщему удивлению, батюшка предложил гостям пищу духовную, а именно — просмотр фильма о паломничестве, совершенном всем приходом этим летом по святым местам. Гости, истекая слюной за накрытым столом, с важными минами в течение часа мужественно изображали неподдельный интерес, еле сдерживая зевоту и урчание в желудках. Говорят, что гости на той свадьбе чуть не умерли со скуки, что даже «Многая лета», которое обязательно поют молодоженам, случайно исполнили в миноре, на мотив «Вечной памяти».

Отличительной чертой православных торжеств является отсутствие упившихся «в дрова» гостей. Все проходит чинно, благоговейно: в салате никто не спит, в уборной никого не тошнит и на перекуры народ не бегаёт. Поздравив молодых, скромно посидев за праздничным столом, умеренно выпив и попев народные или церковные песнопения, гости вовремя, никого не задерживая, удаляются по домам. Многие свадьбы обходятся даже без танцев, считается, что это грех, хотя непонятно, на чем основано такое мнение.

Но чинно и благоговейно празднование проходит на тех религиозных свадьбах, где количество приглашенных на торжества семинаристов не превышает определенную критическую массу. Ведь семинаристы — они как тараканы: пока мало — не видно, а как много — так из всех щелей лезут и никого не стесняются. Происходит это потому, что семинаристы, все почти с мощными голосами, очень любят попеть, да погромче, особенно если хорошо выпьют. Голоса семинаристов могут соперничать с лучшими оперными голосами. И чем больше выпито, тем громче свадьба — прямо пропорциональная зависимость. Поэтому через какое-то время свадебное торжество начинает напоминать сцену Большого театра в разгар оперы «Борис Годунов».

Раз уж вспомнили сию знаменитую оперу и помянули голосовые данные семинаристов, сделаем небольшое лирическое отступление. Этот курьезный случай произошел с одним нашим знакомым, отцом-дьяконом, славившимся прекрасным и мощным голосом еще с семинарских времен. Отец Константин (кстати, тезка великого архидьякона Константина Розова, который в свое время соперничал с не менее великим Шаляпиным) служил в то время в Елоховском соборе. Однажды настоятель, протопресвитер отец М., проводил в соборе экскурсию для иностранцев. Группа заморских туристов усиленно знакомялась с росписями и богатым убранством собора, как вдруг из бокового придела громогласно раздалось: «Обидели юродивого, украли копеечку». (Видимо, отец-дьякон только что получил зарплату и был ею недоволен.) Зарубежные гости оказались продвинутыми в русском языке, но совершенно не знакомыми с русской оперной культурой, поэтому реплику «украли копеечку» поняли по-своему. Они решили, что в соборе (и это в святом-то месте) среди бела дня кого-то обокрали! Безобразия! Схватившись покрепче за тугие барсетки, иностранцы высказали свои опасения отцу-настоятелю. Естественно, батюшке пришлось их успокаивать, объяснять, что услышанное — это всего лишь партия из знаменитой оперы, и так далее и тому подобное. Не знаю, поверили ли иностранцы, но известно, что после этой злополучной экскурсии отца-дьякона перевели в другой собор.

Но вернемся к свадебной теме. С каждым тостом семинаристы разгораются все больше и больше и уже начинают устраивать соревнования по громкости и длительности взятой ноты, а то и целой партии. А потом они вскакивают, все вместе или по очереди, размахивая наполненными бокалами, и громогласно орут молодоженам «много лет», так что стены и люстры угрожающе содрогаются, а гости морщатся от сотрясения барабанных перепонок.

Рассказывали мне про свадьбу одного семинариста. Дело было в начале девяностых. Отмечалось все с большим размахом, но не в финансовом отношении; с финансами как раз все было очень скромно. Стол был уставлен приходскими заготовками, пирожками и прочей домашней снедью, с любовью приготовленной прихожанками. Свадьбу готовили не столько родители молодых, сколько весь приход. «Горючее», положенное для проведения торжества, собиралось, что называется, с миру по нитке. Была даже экзотическая по тем временам банановая водка, но о ней потом. Размах заключался в количестве гостей, в основном шумной семинарской братии, причем многие из них в прошлом были музыкантами и исполнителями фольклорных номеров. Количество поздравлений превосходило все мыслимые границы. Настоятель прихода, как ребенок, искренне радовался за молодоженов. Ну и конечно, как строгий и любящий отец, внимательно наблюдал за семинарскими друзьями жениха — как любой нормальный родитель, интересующийся друзьями своего ребенка.

За два часа веселья было выпито все. В ближайший магазин послали машину. Потом она ездил еще раз (но уже с другим шофером), а потом еще. Здесь стоит заметить, что именно та свадьба не была похожа на занудное приходское собрание, и, несмотря на количество выпитого, она не перешла в разряд стандартной русской пьянки с разбиванием лбов. Ощущение веселья и радости побывавшие на свадьбе вспоминают до сих пор. И отца-настоятеля, сумевшего так организовать торжество и искренне радовавшегося за своего духовного сына. А вот те, кто пил эту самую заморскую банановую водку, наутро страдали тяжелейшими головными болями. Не помогали ни рассол, ни минералка, ни другие средства народного опохмелина. Правильно говорят: что русскому здорово, то немцу смерть. И наоборот, наверное, тоже.

Получается, что религиозные свадьбы бывают двух видов: либо скучными до зубовного скрежета, либо очень веселыми.

В отличие от старообрядческих свадеб, у православных венчальная одежда жениха и невесты ничем не отличается от общепринятых европейских норм: жених в строгом костюме, невеста в белом платье с традиционной фатой на голове.

Старообрядцы же брачуются всегда в национальных, народных одеждах: жених в косоворотке и сапогах, невеста в красном сарафане и кокошнике. Непонятно, правда, почему старообрядцы принимают за эталон именно крестьянский костюм, тогда как на Руси существовала и дворянская, и боярская, и купеческая одежда. Это необходимое лирическое отступление от темы, так как очень часто путают православные религиозные обряды со старообрядческими.

По церковным канонам венчание не совершается в посты и великие праздники, а также под воскресенье (то есть в субботу), во вторник и в четверг (перед постными днями). Как-то раз в одной художественной книжке я прочитала абсурдную фразу: «В эту субботу у батюшки назначено два венчания». Думаю, что авторам, прежде чем писать, следует знакомиться с канонами и не путать церковь с ЗАГСом. Поэтому если вам приспичило обвенчаться, а идет пост, то извольте подождать до его окончания. И еще одно замечание: по церковным канонам первая брачная ночь должна проводиться в целомудрии...

На приход, или Распределение

После того как студент семинарии или академии обретает свою вторую половину, он автоматически подпадает под прицел начальства как определившийся. А в нашей книге речь

в основном идет о тех, кто женится во время учебы. Далее следует почти неминуемое принятие сана, называемое рукоположением. Первая ступень иерархической лестницы — это дьяконство, вторая — священство. Третья, епископство, доступна только для монахов. Женатому дальше священства путь закрыт — таковы неоспоримые каноны Церкви.

Если женитьба произошла во время учебы, то студент имеет право покинуть семинарское общежитие и снимать квартиру в городе; почти все это делают с превеликим удовольствием. Жить под постоянным контролем начальства очень сложно. Для многих семинарских супружеских пар семейная жизнь начинается со съема квартиры и переселения из общежития на свободу. На семинарском сленге их называют «женатиками». С этого момента студент посещает занятия, как в обычном институте, и даже освобождается от многих послушаний. Правда, питаться семинаристы вместе с женами продолжают в семинарии — как правило, из-за скудости материальных средств. Если такой семье родители не помогают, им приходится очень туго.

Священники никогда не носят обручальные кольца, их снимает епископ в момент рукоположения в дьяконы в знак обручения с церковью, которая для священника важнее, чем семья. Кстати, епископ кольцо себе не оставляет, а возвращает законному владельцу, и с этого момента оно либо хранится в семье, либо его носит супруга священника вместе с собственным обручальным кольцом.

В семинарии и академии по сей день сохраняется строгое распределение по окончании обучения. Поэтому момент выпуска в духовных школах для студентов не только радостное событие, но и судьбоносное. Помнится выпуск в 1995 году. На торжественном собрании выпускникам выдают дипломы вместе с указом Патриарха о распределении на приход. По мере выдачи дипломов в зале начинается шевеление и шушуканье, нетерпеливые выпускники узнают друг у друга, кому что досталось. Заканчивается собрание, все срываются с мест и шумно выясняют, кого куда распределили. То тут, то там слышны возгласы типа: «Кошмар, вот не повезло!» или «Повезло же, здорово, поздравляем!».

Большинство выпускников до момента вручения диплома даже не знают, на какой приход будут посланы. Диплом вручается вместе с указом (направлением на приход) Патриарха. Далеко не все направляются в родные края, особенно если не похлопотали об этом заранее. Например, если выпускник из города Красноярск, то для него велика вероятность попасть не в родной город, а в какой-нибудь отдаленный районный центр или село необъятного Красноярского края, куда добраться можно только на вездеходе или на оленях утром ранним.

Церковные епархии соответствуют административным областям. Согласно правилам, выпускник направляется в ту епархию, из которой пришел, но если он не желает возвращаться в свою епархию, он может, договорившись с начальством, перейти в епархию жены.

Перейти из епархии в епархию крайне сложно. Необходимо брать отпускную грамоту оттуда, откуда собираешься уходить, при этом нет никаких гарантий, что епископ ее даст. В отпускной грамоте могут отказать без объяснения причин — нет, и всё.

Учитывая, что жен семинаристы почти всегда находят во время учебы, то супруга его может быть с севера, юга, запада или востока нашей необъятной родины, а это несет еще больше дополнительных трудностей для молодой семьи. Это отрыв от родного дома и родителей. Многим молодым священническим семьям приходится начинать жизнь с нуля, без помощи родителей, родных и близких. При этом какой бы то ни было материальной помощи от Церкви новоиспеченные пастыри не получают. Если выпускник недоволен своим распределением, проситься на другой приход не принято. Здесь, как у военных — в какой гарнизон послали, туда и ехать служить. Недаром у священников работа, как и у военных, называется службой. Приходится терпеть и смиряться.

Поверьте, чтобы быть готовым к такому, нужно быть поистине зрелой личностью.

Ну а дальше, после распределения, выпускники, теперь уже батюшки, со своими молодыми матушками разъезжаются по приходам начинать новую жизнь и новое служение.

«Родина, пусть кричат „Уродина!“, а она нам нравится...» Кажется, так в известной песне поется. Но в жизни далеко не всегда как в песне, хоть слов из нее не выбросишь...

Пресловутое распределение. В некоторых случаях это и своеобразный отбор, можно сказать, экзамен на решимость в любых обстоятельствах служить Церкви и Богу, даже если условия этого служения совсем неподходящие. В связи с этим мне вспоминается один печальный пример. Студент второго класса семинарии, назовем его Рома, всего восемнадцати лет от роду, надумал жениться. Даже по семинарским меркам рановато, все же семинаристы предпочитают жениться ближе к окончанию курса. А невеста его в то время была совсем еще ребенком, всего шестнадцати или даже пятнадцати лет. Оба они родом из Дагестана — горячая точка и по сей день. Познакомились на каникулах на берегу Каспийского моря. Рома и Света обвенчались на родине черной икры и элитного коньяка и вернулись в Сергиев Посад, сняв обшарпанный угол в городе. Роме необходимо было учиться. Тем временем родители обоих молодоженов переезжают в Подмоскovie — начинается Чеченская война, русские бегут из тех мест. Как принято в семинарии, Рому как женившегося и определившегося, хотя сам он еще ни с чем толком не определился, быстренько рукополагают в дьяконы. И новоиспеченный отец дьякон продолжает мирно учиться и служить в семинарском храме. Гром грянул в день распределения. Рома за учебой, семейными хлопотами и рождением ребенка попросту забыл, что является клириком Ставропольской епархии, в которую входит и его родной Дагестан, и по распределению обязан вернуться в распоряжение своего архиерея и, конечно, начать там служение. Обязан, ведь Рома уже не просто Рома, а священнослужитель-солдат, а у солдат мнения и желания никто не спрашивает. Солдат идет туда, куда приказывают, и, если надо, ложится на амбразуру. Но ни Рома, ни тем более его жена категорически не желают туда ехать — в разгаре первая Чеченская война, в самой Чечне к тому времени уже убито несколько священников. А они совсем молоды, только жить начали. Да и к кому туда ехать, родители давно продали квартиры и уехали, Света недавно родила первенца, а там война да ни кола ни двора. Однокурсники сочувственно советуют отцу Роману поехать к владыке и уговорить его дать отпускную грамоту в связи со сложившимися семейными обстоятельствами и решительным отказом супруги ехать в горячую точку с грудным младенцем. Рома поехал, описал ситуацию архиерею, но владыка не пожелал его отпускать — дескать, священников не хватает, все норовят удрать куда подальше. Мол, бери семью и приезжай служить, а не захочет жена, так мы тебя и в монахи постричь можем, невелика беда. Но и Рома решил удрать, подальше от Чечни и своего архиерея. К родителям и жене Рома вернулся ни с чем, все еще надеясь, что сможет со временем переубедить епископа. Служить без отпускной грамоты архиерея он не мог, а семью кормить надо, поэтому пришлось Роме топтать на светскую работу, всячески скрывая от начальства и окружения свой священный сан. Пришлось незадачливому дьякону то книги продавать, то телевизоры, то пылесосы. А тем временем его семейный корабль дал серьезную течь, можно сказать пробоину, и пошел ко дну. Но прежде у них со Светой успел родиться второй ребенок. Уж не знаю, что у них произошло, но Рома Свету покинул, оставив с двумя малыши детьми. А через некоторое время все наши знакомые с ужасом и удивлением узнают, что Рома женился! Второй брак для священнослужителя равносителен потере сана, своим поступком он сжег все мосты, возможность вернуться к священнослужению. Новая жена родила Роме еще троих детей, а по последним данным ждет уже четвертого. А вот с работой Роме не везет, нигде он долго не задерживается, — священный сан-то он с себя официально не снимал, да и с первой женой официально не разводился. Говорят, что с саном шутить нельзя, лучше снять, раз уж так в жизни вышло. Вот такая повесть — грустная, пожалуй.

Рождение детей и многодетность

Ни для кого не секрет, что у большинства священников многодетные семьи. Во-первых, в религиозных семьях вопрос аборта даже не поднимается, такого понятия для

христиан просто не существует. Более того, к аборту приравниваются и контрацептивы abortивного механизма действия. Во-вторых, неабортивная контрацепция тоже запрещена, особенно для священства.

По неофициальной статистике, в среднем у священников от четырех до шести детей, меньше трех детей встречается крайне редко, больше шести тоже уже нечасто, наверное потому, что здоровье современных женщин, в том числе и матушек, оставляет желать лучшего. Хотя встречаются семьи, в которых больше десяти детей, но такие в той же Москве по пальцам пересчитать можно.

Первый ребенок в семье обычно появляется в первый или второй год супружеской жизни, за ним с небольшими перерывами, в год или два, рождаются второй, третий и т. д. Для священнической семьи первые годы совместной жизни, как правило, самые тяжкие — это маленькие дети, жилищная неустроенность, разруха в храме и постоянные материальные затруднения. Легче жить становится примерно лет через десять, когда старшие дети подрастают и становятся няньками для младших, квартирный вопрос обычно решается, храм постепенно восстанавливается, а материальное положение семьи становится более устойчивым.

Рожают жены священников в обычных родильных домах. В отличие от некоторых своих прихожан, которые любят экспериментировать с домашними и подводными родами, священники более консервативны и предпочитают отправлять своих жен в роддома. К тому же по церковным правилам священник не имеет права принимать роды у женщины, кроме экстремальных ситуаций, также как не может забивать домашний скот.

Кстати, о роддомовских воспоминаниях. Попала я в сие заведение со вторым ребенком, и еще в родильном отделении услышала разговор двух акушерок о том, что накануне принимали они седьмые роды, событие не то чтобы сенсационное, но редкое для российского родильного дома. Я этот разговор запомнила. И вот, благополучно родив дочку, я вместе с ней оказываюсь в общем отделении, но в одиночной палате. Все женщины думали, что я «платная», хотя я была «бесплатная». В первый же день я оказалась в идиотской ситуации, так как не могла позвонить домой — мобильный родные не передали, таксофон в коридоре карточный, а карточку мои «чуткие» родственники тоже не догадались купить. И я решила найти эту «семидетную» маму, так как была почти уверена, что она православная и поможет мне в моей беде, да и просто познакомиться с ней было интересно. Стала я наблюдать за женщинами, выглядывая из своей одиночки в коридор, дабы вычислить нужный мне объект. Первый объект я вычислила неудачно. Когда я аккуратно поинтересовалась, не она ли родила седьмого ребенка, «объект» очень обиженным голосом ответил: «С чего это вы взяли? Я что, похожа на женщину, родившую седьмого ребенка?!» В этой фразе отразилось негативное отношение, возвращенное в нашем народе по отношению к многодетным и многодетности. (Впоследствии выяснилось, что «обиженный объект» выглядел гораздо хуже, чем «семидетная» мама.) «Зачем плодить нищету» — вот как это у нас называется.

А вот в Израиле к ним нормальное отношение, там у религиозных ортодоксов культ семьи и они просто обязаны иметь много детей, для них это благословение Бога. Вспоминаю эпизод на иерусалимской автобусной остановке. Религиозная еврейка, обвешанная кучей мелковозрастных детей, младший из которых сидит в коляске, ждет автобус. Подходит автобус, и стоящие рядом мужчины начинают без подсказки дружно загружать в автобус ее детей вместе с коляской и авоськами. Через несколько остановок геверет (дама) собирается выходить, но не заранее, как у нас положено, а когда автобус останавливается на нужной ей остановке. Мужчины опять дружно выгружают всех ее детей, раскладывают коляску, при этом водитель ждет, когда добровольные помощники вернутся на свои места. А при необходимости водитель может и сам выйти помочь. Вы у нас такое часто видели? Для израильтян это норма жизни, а у нас в аналогичной ситуации если и догадаются помочь, то окружающие еще и охают: мол, нарожали и прутся, и так далее, и тому подобное. У нас за многодетность хаотят везде.

Мне рассказывали про одну матушку, у которой дети рождались каждый год, так ее в женских консультациях до того доунижали, что она туда приходила перед самыми родами, только чтобы оформить карту в родильный дом. А последнего ребенка и вовсе родила дома, подальше от наших родовспомогательных учреждений. А если бы она приходила каждый год делать аборт, ей бы не сказали ничего, только посочувствовали. Я хотя и не многодетная, но с системой сталкивалась и чувствовала себя белой вороной. «Аборты были?» — «Нет, и не собираюсь». Удивление. «Какую контрацепцию используете?» — «Никакую». Еще большее удивление. Ох и люблю я себя чувствовать белой вороной! Еще в раннем детстве, когда меня дразнили «рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой», это было поводом не поплакать в углу, а броситься в бой. «Ах, ну да, вам же запрещено», — слышу в ответ. «Нам не запрещено, просто мы детей не убиваем», — пользуясь случаем, иду я в наступление.

Но вернемся на наблюдательный пункт. Итак, первая попытка закончилась неудачей, но я продолжаю наблюдение. И вот я ее вычислила по телефонному разговору. Она звонила мужу и давала множество ЦУ, а мужа называла «папочкой». Вот по этому «папочке» я ее и вычислила. Завязался с нею разговор, оказалось, что муж ее священник, у них дети рождаются почти каждый год. Предпоследнему, шестому ребенку всего полтора года, а старшей тогда было восемь. Я всегда восхищалась такими женщинами: мне так слабо, — но и ужасалась, глядя на их тяжкую жизнь. Она сказала тогда такую восхитительную фразу: «А что делать, рожать-то надо». Вот так, естественно и просто. Для таких людей это просто и естественно. А недавно я узнала, что у матушки Ольги (так звали мою собеседницу) родился восьмой ребенок.

Воспитание детей

Батюшки бывают радикальными, либеральными и такими, которые придерживаются золотой середины. Строгость воспитания детей и вообще строгость религиозных традиций зависит от того, насколько радикальна или либеральна семья в своих воззрениях.

Но существуют и общепринятые нормы.

Девочек не принято стричь. Они не носят брюки, единственным исключением считается нежный возраст или катание зимой на санках. Во многих особо радикальных семьях (не обязательно священнических) девочек с младенчества приучают носить платок и длинную юбку, отчего они становятся похожими если не на маленьких старушек, то на Машеньку из сказки «Гуси-лебеди» точно.

Телевизор для многих семей тоже является камнем преткновения и темой многих споров. На тему допустимости и недопустимости телевизора написано множество православных книг, начиная от категорически запрещающих присутствие этого монстра в благочестивом доме и заканчивая вполне лояльными изданиями. Наиболее радикально настроенные считают телевизор абсолютным злом, которому не место в православной семье. Поэтому в таких семьях его просто нет. Я знала семью, где телевизор очень долго не покупали именно по религиозным соображениям, но потом родители вынуждены были его приобрести, так как дети постоянно пропадали у друзей и соседей. Пусть лучше дома под контролем смотрят, нежели непонятно где, решили родители. Есть семьи, где телевизор используется только для просмотра видеокассет и передач православной направленности. Более либеральные сим достижением цивилизации вовсе не гнушаются, устанавливая минимальную цензуру на просмотр некоторых передач и фильмов. Во многих семьях не принято смотреть телевизор постами и перед великими праздниками. Одно объединяет священнические и мирянские семьи — это то, что дети телевизор никогда не смотрят бесконтрольно. Книги тоже подвержены строгой цензуре. Например, «Гарри Поттер» вызвал в православных кругах далеко не однозначное отношение. Одни называют эти книги откровенно бесовскими, другие же считают, что чтение подобной литературы вполне допустимо.

Игрушки подлежат строгому отбору. Родители никогда не купят ребенку агрессивную игрушку. К запрещенным игрушкам традиционно относят чертиков, роботов-трансформеров, инопланетян и прочую нечисть. К куклам-Барби тоже всегда сохранялось настороженное отношение, так как православные считают ее сексуальной, а следовательно, она автоматически попадает в запрещенные списки. Разрешаются только такие куклы, которые воспитывают в девочке материнские чувства, а у «Барби» это не предусмотрено. Из компьютерных игр допускаются только игры развивающей направленности, никаких «стрелялок» и «бомбилек». Многие православные семьи присутствие компьютера в доме вообще не допускают. То, о чем светские люди даже не задумываются, вызывает жаркие споры среди православных.

Учатся священнические дети, как правило, в обычных школах, хотя родители по возможности стараются отправлять своих чад в православные гимназии. Но такие гимназии есть не во всех городах, а там, где они есть, их не хватает или они находятся далеко от дома. Вообще, разговор о православных гимназиях — это отдельная тема, болезненная для многих православных, так как в этих гимназиях полно проблем, да и обучение в них недешево и многим родителям просто не по карману. За обучение в гимназии надо платить, а православные, как правило, не самые обеспеченные и платежеспособные люди. В Москве самая дешевая гимназия стоит от ста условных единиц, а если в семье трое школьников — это уже минимум триста зеленых американских рублей; для многих это почти целая зарплата. В отличие от «мирянских», священнические дети обычно имеют в гимназиях различные льготы или вообще обучаются бесплатно. Но и в священнических семьях родители зачастую все же не желают или не могут возить детей на другой конец города только ради православного обучения. На селе, конечно, все гораздо проще. Там выбирать не приходится, довольствуются тем, что есть. Во многих селах церковь даже сама создает школы по типу старых церковно-приходских.

Как уже говорилось, религиозные люди стараются отделять себя от светской жизни, поэтому и детям пытаются дать как можно более религиозное образование, то есть поместить их в наиболее приемлемую для семьи среду, к своим. Более того, наши общеобразовательные школы в нравственном отношении оставляют желать лучшего, и православные родители, отправляя свое чадо в школу, очень боятся, что оно научится не тем наукам, за которыми его туда отправили. Вот научится курить да матом ругаться, а еще опасность сексуального просвещения, которое из подворотни приползло и в школу, и уже на уровне министров обсуждается возможность введения в школьную программу подобных «предметов»...

Православные семьи, как правило, многодетны. Общаясь с ними, зачастую приходится слышать фразу: «У нас пока только трое». Тогда как в светском обществе семья с тремя детьми вызывает изумление: «Как, у вас трое детей!» Православные помешаны на воспитании детей и строго следят за их нравственным обликом, в отличие от светских людей, которые больше заботятся, во что одеть и чем накормить драгоценного отпрыска. Поэтому и разговоры православных мамочек на детской площадке или возле храма все сплошь о воспитании детей, проблемах в школе, детских садах, кружках и прочем. Мамочки вряд ли будут обсуждать, какую новую курточку или сапожки приобрели на прошлой неделе своему ребеночку, если и затронут материальную сторону жизни, то только чтобы пожаловаться друг другу, что денег на курточку и сапожки не хватает.

Воспитанием детей в основном занята мать, посвящая детям и хозяйству все свое время. Но несмотря на это в священнической семье почти всегда царит патриархат. Отец благословляет или не благословляет те или иные занятия и увлечения детей. Отец решает, в какой школе будут учиться дети, какие фильмы им смотреть, какой длины будут носить юбки его дочери и так далее. Его слово — закон и обсуждению не подлежит. Мне рассказывали про одну священническую семью из Тульской области, в которой росли четыре дочери. Отец был очень строгих нравов и, навярно, опасаясь, что в девочках начнет развиваться кокетство и самолюбование, убрал из дома все зеркала. (Вспоминается фильм

«Завтра была война» — про сталинскую эпоху, где завуч школы тоже ликвидировала все зеркала, дабы в девочках не развивать «кукетство».) Однажды девочки пришли в гости в дом, где были огромные зеркала. Маленькие леди обомлели, увидев себя в полный рост, изумлению не было предела. Вот такие примеры встречаются иногда в нашей жизни.

Жизнь жены священника — это постоянное ожидание мужа; муж всегда так занят, что ему обычно не до детей. Эта занятость, конечно, никак не мешает заводить все новых и новых детей. Кстати, священнических детей очень редко отдают в детские сады. Считается, что мать, отдавшая ребенка в садик, совершает чуть ли не грех, отказываясь от своих прямых обязанностей по воспитанию чада. Это происходит оттого, что жене священника вообще не пристало работать. Одной из причин, почему матушки не работают, является, конечно же, многодетность. Какая работа, если дети рождаются в среднем раз в два года!

Парадоксы священнического воспитания, или Поповские дочери

Незнающие люди думают, что поповские дочери отличаются особой религиозностью, такой, что всем своим видом похожи на монашек. Это совсем не так. Судя по студенткам регентской школы, именно поповны и отличаются от всех остальных наиболее либеральными нравами. Они чаще всех используют запрещенную декоративную косметику, делают прически и носят джинсы в свободное от занятий время. Это происходит отчасти оттого, что, обретая самостоятельность, девушки вырываются из-под власти и давления своих строгих отцов. Многие поповские дочери учатся в регентской школе только по благословию отцов, а не по призванию. Воспитываясь дома, они не имели возможности ходить в брюках, краситься и предаваться прочим мирским удовольствиям. Они с пеленок росли в вере и благочестии и, покинув родной дом, как голодные, с аппетитом начинают пробовать запретные плоды всего мирского. Того мирского, которого в их семьях всегда принято было чуждаться. Зачастую они не хотят повторять судьбу своих матерей, измотанных многодетностью и одиночеством при живых мужьях, и пытаются выбирать мужей, не имеющих отношения к церковному служению.

У меня есть знакомая матушка. Видимся мы с ней раз в году, когда я приезжаю летом на Кубань навестить дедушку с бабушкой. Вот что она рассказывала о своей семье. Родом она из Мариуполя. Отец — священник, у нее три сестры и один брат. Родители воспитывали детей в строгости. Телевизора не имели принципиально. В пионеры не вступали, девочки не знали, что такое брюки и косметика...

Каждую из дочерей по окончании десятого класса отец благословлял поступать в регентскую школу, дабы все шли по церковной линии и становились матушками. Дошла очередь и до Лиды, третьей сестры. Она очень хотела поступить в медицинский институт, и регентское ремесло ее в то время совсем не привлекало. Но нарушать или обсуждать благословение отца ни она, ни ее сестры не смели. Поэтому мечта юности так и осталась мечтой.

Все четыре сестры действительно стали матушками. Все четыре очень любят подкрашивать и завивать волосы и пользоваться косметикой, и даже брюки все же позволяют себе носить — в будние дни, конечно.

Есть семьи, где патриархальный уклад жизни передается из поколения в поколение, и женщине из такой семьи даже не придет в голову выйти на улицу без платка, тем более накрашенной. Но все же стремление к либеральности у священнических детей зачастую достаточно сильное.

Мода поповских жен

Некоторые считают, что матушка — это такое странное бесформенное существо в сером старомодном платье покроя прошлого века, в стоптанных туфлях типа «прощай молодость», со старушечьим пучком волос под простеньким платочком. Причем это

существо имеет отношение к женскому полу только потому, что рождает детей, а в остальном — это замученная жизнью амеба. Странная — потому что решила стать женой священника, бесформенная — потому что от многочисленных родов фигура ее расплзлась, а следить за внешностью и одеждой ей якобы запрещает религия. Конечно, родив пятерых и более детей, любая женщина рискует превратиться расплывшуюся тетку, безразличную к своей внешности.

Православие не запрещает женщинам следить за собой и хорошо выглядеть.

Матушки бывают разные, начиная с описанной выше и заканчивая ультрамодными и современными, почти светскими львицами. (Правда, львицами они бывают тоже редко.) Но когда окружающие видят элегантно, со вкусом одетую и ухоженную женщину, то, узнав, что она жена священника, выражают неподдельное удивление, так как такой образ совершенно не увязывается с привычными для них представлениями.

Существуют общие традиционные представления о внешности православной женщины, особенно матушки, которых большинство все же придерживается.

Не принято стричь и красить волосы; матушка, которая это делает, вызывает неодобрение прихожан. Не принято ярко красить ногти. Да, и конечно, это традиционно покрытая голова. Считается, что носить платок — это не столько религиозная, сколько поведенческая привычка. Тем не менее, платок некоторыми рассматривается чуть ли не как догматический атрибут православной жены. Поэтому часть православных жен особо ортодоксальных взглядов решают для себя носить платок всегда и везде, даже дома, придавая этому почти сакральное значение. Более прогрессивные носят головной платок исключительно в храме.

Не принято носить брюки, короткие юбки и юбки с разрезом. Высокие каблуки тоже считаются неприличными. Не принято пользоваться декоративной косметикой, допускается только применение лечебной или гигиенической. Но опять же наиболее прогрессивные матушки ее (декоративную) все же применяют, в умеренных количествах, конечно. Другие же, ортодоксальные, отрицают применение любой косметики. Подозреваю, что автора сих строк легко обвинят в феминизме.

В представлении прихожан матушка не должна модно и современно одеваться или стремиться к какому-либо самовыражению, подчеркиванию своей индивидуальности, она должна быть стандартной — носить платок и длинную одежду а-ля «баба на чайнике». Если можно так выразиться, она должна соответствовать определенным церковным стандартам, как колбаса соответствует ГОСТам.

Матушка на приходе — это все равно, что первая леди в государстве. И как обсуждают наряды жен президентов, так и на приходе могут обсуждать наряды матушки, — что простительно любой другой женщине, то ей не простительно. Поэтому очень многие, выйдя замуж и обретя статус жены священника, превращают себя в молодых старух, нося жуткие «теткинские» юбки и кофты навыпуск, превращая себя в оплывших, малоподвижных клуш, упорно следуя непонятным внутрицерковным предрассудкам, не желая или боясь их разрушить.

Знаю другие примеры. У меня есть знакомая — дочь преуспевающего бизнесмена (о ней пойдет речь ниже), с блестящим образованием МГУ, которая, став женой священника, сохранила свою индивидуальность и одевается так, как она считает нужным, а не так, как диктуют церковные предрассудки, найдя в себе силы и мудрость не превратиться в «бабу на чайнике».

Вспоминаю другую свою знакомую — очень привлекательная, утонченная девушка, компьютерный дизайнер по специальности, лучше других поэтому разбирающаяся в стилях и гармонии, став женой священнослужителя, начинает культивировать в себе совершенно не соответствующий ее внутреннему настрою образ «стандартной» матушки. Она навсегда облачается в платок, а в ее гардеробе появляются длиннущие потертые обвислые юбки и дешевые свитерочки с соседней китайской барахолки. На вопрос, что это на ней надето, она, отмахиваясь, отвечает:

— Да какая разница?

Потом я поняла, что такая одежда — это выражение ее личных представлений о внешнем образе православной христианки, она должна придавать скромности и благочестия. У нее даже походка изменилась. Кто знаком с неопитами, прекрасно знает эту семенящую, робкую, вперевалочку, как бы всего стесняющуюся и комплексующую походку. А потом мне показалось, что за этой робостью и видимым благочестием скрывается очень строптивая и своенравная натура, эдакая «Катенька — великого гнева женщина» из «Братьев Карамазовых». Но это совсем не значит, что за подобным образом всегда скрываются строптивные и своенравные характеры.

Три «К» — образ жизни

Кстати, стиль «баба на чайник» порожден особым образом жизни, который условно можно назвать «Три „К“».

Три «К» — это уклад жизни православной жены, зачастую усиленно культивируемый ее мужем. Три «К» — это Kinder, Küche, Kirche — дети, кухня, церковь. Это не столько образ жизни, сколько состояние души, ведь православие — это не только три «К».

Некоторые священники и домостроевски настроенные миряне считают, что женщина просто создана исключительно для семьи, детей и кухни и любые отступления от этого стандарта наносят непоправимый ущерб семье, особенно детям. Стоит заметить, что такое мнение является сугубо частным. Православие не запрещает женщинам реализовывать себя в других областях жизни, в том числе и профессиональных. Хотя среди матушек не принято работать, она должна полностью посвящать себя детям и семье. А поскольку этот процесс длится лет двадцать, то ни о каком карьерном и профессиональном росте не может быть и речи. Матушка может заняться надомной работой или какой-нибудь церковной деятельностью, например преподавать рисование в воскресной школе или заниматься сбором пожертвований для нуждающихся (благотворительность).

Работающих матушек, особенно на светской работе, очень мало. Я оказалась в том самом меньшинстве — работаю в сфере рекламы. Реклама для жены священника, мягко скажем, далеко не традиционное занятие. Учитывая негативное отношение многих православных к рекламе как таковой. Конечно, я никогда и не предполагала, что придется заниматься этим. Но, пожалуй, только благодаря моей специальности эта книга появилась на свет. Я подумала: а почему бы не написать о жизни священнослужителей, это очень интересно и мало известно. Не мне судить об успешности этого проекта, но не работай я, ничего и не написала бы. Когда сидела дома с детьми, я даже с людьми разучилась разговаривать, не то что вести переговоры или письменно излагать свои мысли.

Прозябая на кухне, приходится забыть обо всех своих дипломах и способностях. А далее следует погрязание в быту и безразличие ко многим сторонам жизни, не касающимся церкви и семьи, когда кроме кастрюль, бесконечных стирок, детских уроков и походов в церковь ничего больше нет. Я, конечно, знаю матушек поэтесс или певиц, которые просто сидят дома с детьми и ни на какую работу не ходят — и при этом пишут стихи, поют песни и даже выпускают собственные диски.

Я знаю матушку, мать пятерых детей, художницу по профессии. Семья живет в Подмосковье, муж служит в Москве. Ее жизнь — это постоянное ожидание супруга, который появляется дома раз в несколько дней. Тем не менее она пишет замечательные картины и расписывает матрешек в своем собственном стиле. Но таких единицы. Для остальных повседневная жизнь — это дом, семья, дети, церковь, дом, семья, дети, церковь. Не подумайте, что я это считаю зазорным, у каждого человека свой путь, свое развитие, своя реализация. Кому-то рожать по десять детей, а кому-то необходимо еще что-то. Тут я упомянула лишь собственный опыт, не ставя его в пример. Я только против стрижки всех под одну гребенку, против православных книг, в которых говорится, что православная женщина-мать должна сидеть дома. В одной такой книге, написанной священником, мне

довелось прочесть, что мать, пошедшая работать, приравнивается к матери-алкоголичке, бросившей детей. Вот такой радикализм.

В силу этих причин жене священника тяжело найти в себе силы, дабы сломать устоявшийся стереотип домашней квочки.

Но вернемся к другой стороне нашей медали. Жизнь жены священника можно охарактеризовать кратко. Помните народную мудрость: «*Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик*»? Так вот — это про жен священников, хоть и придумана поговорка про советскую женщину. Образ жизни «Три К» — это для многих еще и своеобразный защитный комплекс, раковина для нежной улитки. Мол, у меня есть «Три К», и не хочу ничего знать, хочу быть женщиной! А сантехнику покупать, ремонт в квартире делать, полки прибавить — не мое, не женское это дело, и если мужу не до этих забот, он все время на приходе да на приходе, то пропади это все пропадом, нет — и не надо. И если унитаз течет или книги с полок на голову валятся, то я ничего этого замечать не буду, а наступит время, придут добрые люди, сжалются над матушкой — и унитаз поставят, и полки повесят. Вот такая проза жизни: либо жена священника — «Три К», либо и лошадь и мужик в одном флаконе; третье дано, но редко. Но если она и лошадь и мужик, тогда она имеет право и на машине ездить, и работать, и одеваться прилично, ломая стереотипы. Так что, люди добрые, не смотрите, что матушка за руль влезла, и туфли на каблуках надела, и на деловой фушет укатила, — имеет право, и нечего здесь осуждать.

Хотя, к сожалению, иногда женщина от такой жизни превращается просто в заезженную лошадь.

Например, мне всю мужскую работу в доме приходится контролировать самой. Я конечно, не штукатур и не электрик, нужно постоянно кого-то искать, нанимать, платить деньги. Если у меня ремонт, то строительные рынки и работники полностью на моей шее. Машина — тоже моя забота, поэтому мне приходится ездить в автосервис и заниматься всеми муторными и малоприятными мероприятиями по ее техобслуживанию. Когда у меня была отечественная машина, я даже умела на ней менять свечи, коммутатор и прочую ерунду. Такое дело, как покупка машины, мне приходилось делать исключительно в одиночку, тогда как для других семей это семейное событие. У меня (а я трижды покупала машины) — не сразу, конечно, — было так: когда обновка уже с номерами и сигнализацией стояла во дворе, приходил муж и говорил: «А где твоя новая машина? Покажи ее». Дача тоже полностью на мне, поэтому если там что-то ломается, я везу туда монтеров и занимаюсь прочей суетой, дабы у детей была возможность побыть на свежем воздухе. А вот женщина в стиле «Три К» не станет заниматься решением подобных проблем — она просто сядет и будет ждать у моря погоды. Конечно, верующая еще и помолится. Есть у меня одна такая знакомая. Муж-священник ни дачей, ни домом не занимается — не будем осуждать, занят батюшка хронически. Итак, у них на даче в одно прекрасное лето окончательно истлевает газовая плита тридцатилетней давности. Купить новую не на что, и вот находятся добрые люди и отдают матушке подержанную, но вполне добротную плиту; правда, привозят ее не на дачу, а на приход, дабы батюшка сам доставил ее на собственную дачу. До дачи плита так и не доехала. Батюшка просто забыл, что плита предназначена для него, и уехала она совсем в другом направлении. А бедная матушка по сей день варит детям кашу на кривой электроплитке.

Матушка за рулем

Никого не удивляет монашка за рулем трактора или грузовика. Естественно, мужиков в женском монастыре нет, а пахать на монастырь дядя Вася из соседнего развалившегося колхоза не будет. Сейчас никого не удивит и православная дамочка в элегантном платочке, ловко выпрыгивающая из своей новенькой иномарки, дабы посетить храм. Но матушка за рулем почему-то до сих пор шокирует окружающих, причем не столько малоцерковных людей, сколько вполне воцерковленных прихожан, своих, так сказать. У которых где-то в

подсознании укоренилось мнение, что жена священника и автомобиль — это несовместимые вещи. Женщина, сев за руль, покушается на сугубо мужское занятие, но с обычной бабы что взять — ей простительно и рулить, и на работу ходить, ей и штаны простить могут. А вот жене священника ни штаны, ни место за рулем православные уже не простят, к ней другие требования. Она жена священника и должна вести строго православный стандартный образ жизни — «Три К». Все, что выходит за рамки «Три К», — неправославно, а следовательно, непозволительно, такую матушку могут заподозрить в феминизме, модернизме и прочих смертных грехах. Все эти представления относятся к внутрицерковным предрассудкам, коих в Церкви, как и вне Церкви, всегда было предостаточно. Бедные матушки! Их со всех сторон окружают мифы.

Не каждая это выдержит

Жизнь жены священника трудна, не каждая выдержит.

Во-первых, матушка почти всегда одна, она редко видит мужа. Батюшки все свое время проводят на приходе, особенно если идет стройка или восстановление храма. Есть ученые батюшки, которые не строят, но постоянно где-то преподают, читают бесчисленные лекции, а есть еще и такие, которые умудряются совмещать и то и другое. Но те, другие и третьи всегда настолько заняты и настолько не принадлежат ни семье, ни себе, что жены их почти не видят.

Типичная ситуация: жена ждет мужа дома, целый день крутятся с детьми. Поздно вечером наконец долгожданный благоверный приходит со службы; жена разогревает ему ужин, и тут телефонный звонок.

— Будьте добры отца N.

Начинается телефонный разговор минут на сорок минимум. Жена разогревает ужин вторично, батюшка уже садится за стол, отправляет первую ложку в рот, и вновь телефон.

— Простите за поздний звонок, — на часах уже пятнадцать минут двенадцатого, — а можно услышать батюшку?

И опять начинается разговор минут на тридцать. Жена терпеливо разогревает ужин еще раз, телефонный разговор наконец закончен, все проблемы звонившей дамы улажены. Телефон замолкает на какое-то время, матушка собирается обсудить с супругом свои собственные дела — и опять звонок. Срочно вызывают причащать умирающего. Батюшка на ходу проглатывает ужин и убегает. Первый час ночи — опечаленная жена домывает посуду и собирается ложиться спать одна. Муж явится теперь среди ночи, и поговорить с ним, наверное, удастся только следующим вечером. Ничего, потерплю, думает матушка, такая у меня участь, — и, помолившись Богу, мгновенно засыпает от навалившейся усталости.

Может, кто-то и скажет, что у бизнесменов точно такая же жизнь — они с телефоном и спят, и едят, и с женами общаются, и рабочий день у них тоже ненормированный. Но не забывайте, что жена бизнесмена, терпя, знает, что все это только ради материального блага ее и детей, и занятый муж дает семье возможность по крайней мере безбедно существовать и позволять себе отдых на Канарах или в Турции, на худой конец. Она прекрасно знает, что если ее муж будет приходить домой в шесть вечера и на диване валяться, то не только на Канары и на шубы не хватит, но и на стиральный порошок. Кроме того, и сам бизнесмен иногда все же может отвлечься от дел и полностью посвятить себя семье, что не случается со священниками.

А жена священника ради чего терпит? Только ради славы Божией. Особых материальных благ она не видит. Многодетная семья вряд ли сможет позволить себе отдых за границей, лето в очередной раз будет проведено на даче, если семья проживает в городе. А сельские семьи вообще невыездные.

Кстати о материальных благах. Если любая другая жена, недовольная заработком супруга, имеет право требовать, чтобы он пошел на более высокооплачиваемую работу, то

жена священника такого права просто не имеет. Ее супруг находится в послушании у епископа, и в какой приход он священноначалием назначен, там ему и быть, пока начальство не передумает.

И даже в супружеских отношениях она не всегда может от мужа требовать внимания, так как перед службой священник не имеет права на физическую близость с женой. В некоторых священнических семьях доходит до того, что супруги спят на разных кроватях и в разных комнатах, видимо, как-то по-своему интерпретируя вышеописанный запрет. Как правило, мать переходит к детям, а отец остается либо отдельно, либо с кем-то из старших сыновей. Недаром при рукоположении снимают обручальное кольцо: церковь встает на первое место, а только потом семья и все остальное. Иногда такая расстановка акцентов заканчивается разводом.

Развод

Все слышали о католических страстях по разводу. В православии с разводом дела обстоят проще. Конечно, развод в религиозной семье — это всегда большая трагедия, и сопровождается он некоторыми каноническими затруднениями, например, при желании одной из сторон вступить в повторный брак.

Один наш знакомый священник работает в Патриархии в канонической комиссии, которая занимается, в частности, и бракоразводными делами. В эту комиссию в основном приходят женщины (большинство из которых нерелигиозные), некогда венчавшиеся со своими мужьями и желающие получить церковный развод. Беседа происходит примерно так:

— Батюшка, мне необходимо развенчаться.

Батюшка отвечает, что такого понятия, как «развенчание», в Церкви не существует.

— Как не существует, — недоумевает барышня, — но мне надо развенчаться!

Батюшка отвечает, что Церковь не развенчивает, но существует благословение на второй брак.

Такие беседы происходят каждый раз, когда наш знакомый дежурит в Патриархии.

Существует множество причин для развода, перечислять их мы не будем, так как все это прописано в специальных документах, одним из которых являются «Основы социальной концепции РПЦ».

В отличие от мирян, священник в случае развода во второй брак вступить не может. Правда, в единичных случаях (а иногда и не в единичных) в отдаленных епархиях и на Украине встречаются неканонические второбрачные священники. Архиереи, допускающие подобное в своих епархиях, объясняют это так называемой икономией (послаблениями). Мол, приходится снисходить и на многое закрывать глаза, а что делать, когда служить некому. Когда служить некому — это проблема серьезная. В середине девяностых во всех епархиях массово открывались храмы, а священников катастрофически не хватало. Тогда-то и нарукополагали кого попало — и второбрачных, и юнцов, у которых молоко на губах не обсохло, и прочих сомнительных личностей, — а потом расхлебывали. Что было, то было, чего греха таить.

Нарушение канонов в православии считается тяжким грехом, поэтому оставим его на совести тех, кто его совершает.

Очень часто задают вопрос, может ли жена священника вступить в повторный брак. Конечно, она может выйти замуж и во второй, и в третий раз, но вернуться обратно к супругу-священнику не сможет, а если он пожелает принять бывшую супругу, то по канонам он должен оставить священство. То же касается и супружеских измен. Если жена изменила мужу-священнику, то муж больше не сможет с ней жить. А супруги-миряне в аналогичной ситуации вполне могут простить друг друга, помириться и жить долго и счастливо. Всякое же в жизни случается.

Я знаю случай, когда жена оставила мужа буквально в день перед рукоположением — не хотела разделять с ним «прелести» поповской жизни. Вот и поставила супругу

ультиматум: либо она, либо сан. Муж выбрал последнее. Батюшка так и остался один, и уже лет десять служит в одном очень известном московском приходе.

Еще одна история — про бракоразводный процесс в гражданском суде, еще в советское время. Судья спрашивает матушку, почто она желает с мужем расстаться. А жена отвечает: мол, я же женщина, мне, дескать, и как женщине тоже хочется. А у них (у попов) все службы, им, видите ли, не всегда можно. Вот такие курьезы бывают в поповской жизни, ничего не поделаешь.

Но все же развод в священнической среде большая редкость. Многие супруги, у которых отношения не сложились и давно перешли в разряд, мягко говоря, совсем не теплых, все же предпочитают терпеть друг друга. Проще разойтись по разным комнатам и заниматься каждому своими делами, чем идти на столь непопулярные в духовной среде меры. И таких семей, именно священнических, очень много. Внешне они могут выглядеть вполне счастливо и благополучно, так что даже самые близкие люди зачастую не знают, как на самом деле у супругов обстоят дела. Внешне благочестивая семья, множество детей, дом полная чаша, про них могут даже в газете написать как про образец для подражания. Вот, мол, сколько лет, сколько лет вместе, поднимем за них кружки с парным молоком, а реально у супругов давно уже нет ничего общего, кроме детей и служения на приходе.

Конечно, есть и очень счастливые исключения, есть и любящие супруги, дружно преодолевающие все тяготы совместного и священнического бытия, но, увы, много и печальных примеров.

Все знают, что в советское время, если дипломат или партийный работник разводился с женой, то на его карьере можно было ставить жирный крест. Похожая ситуация существует и в церковных кругах, но только похожая. Церковное начальство всегда учитывает обстоятельства развода. В тех случаях, о которых я говорила выше, священнику в плане карьеры ничего не грозит. Более того, избавившись от жены, батюшка, наоборот, может рассчитывать на серьезный карьерный рост, если примет монашество. Женатому священнику дальше священства путь закрыт, а вот для монаха открываются серьезные горизонты. В Русской Церкви есть архиереи (очень и очень известные и высокопоставленные), которые в свое время, разведясь с женами, приняли монашество. А не развелись бы они — так и оставались бы в попах на своих приходах. Так что для священника развод — это палка о двух концах.

Теоретически существует и канонический развод, правда стоит оговориться сразу — канонические разводы в истории практически не случались. Канонический развод — это когда священник обязан оставить жену ради Церкви, например, если его выбирают в кандидаты на епископство. В таком случае после развода оба бывших супруга должны постричься в монашество, а затем новоиспеченного монаха рукополагают в епископы. С бывшей супругой он обязан прекратить даже дружеские отношения, дабы избежать соблазнов. Но, повторяю, история канонических разводов практически не знает; видимо, для кандидатов в епископы хватало и неженатых претендентов.

А вот если священник пил горькую и жена оставила его на почве пьянства, и об этом узнает начальство, то священнику грозит если не запрещение в служении, то в лучшем случае «заштат». Что такое «заштат»? Это лишение прихода.

«Заштат» далеко не всегда является наказанием. Как правило, клирики уходят за штат по болезни или по старости, — такого понятия, как пенсия, в Церкви не существует. Хотя пенсия ему в таком случае положена. Ныне, в новой экономической системе, каждый гражданин имеет право на пенсионное обеспечение. Любой приход, как и любая организация, обязан производить отчисления в государственный пенсионный фонд. В советское время Церковь имела собственный пенсионный фонд, который обеспечивал служителей пенсиями, а вдов клира — пособиями в связи с потерей кормильца.

Встречаются заштатные батюшки, которые ранее служили в некоей своей епархии, а потом ушли по собственному желанию без отпускной грамоты архиерея, вот и оказались «за штатом». В таком случае священник лишается права самостоятельного служения, несмотря

на то, что священный сан за ним сохраняется. На церковном сленге таких еще называют «шаталова пустынь». Не путать с теми, которые ушли за штат по благословию архиерея.

«Шаталова Пустынь»

«Шаталова пустынь» в церковной среде явление патологическое. К представителям сего класса относятся заштатные клирики, болтающиеся из храма в храм и непонятно чем занимающиеся, или запрещенные в служении за различные провинности, но при этом дерзающие служить, проповедовать и заниматься духовничеством. Обычно такие люди находятся на грани раскола и ереси. Кроме запрещенных встречаются самозванцы и сумасшедшие. К «шаталовой пустыни» относятся и монашествующие обоих полов, не приписанные ни к какому конкретному монастырю, так называемые монахи в миру, или тайные монахи. Как правило, все они собирают вокруг себя достаточно приверженцев и адептов, именуют себя старцами, провидцами, прозорливцами, духовниками, представляя собой большой соблазн для людей неискушенных.

Несколько лет назад на Болгарском подворье в Москве произошел курьезный случай. В алтарь во время службы вошел человек в священнической одежде. Представился каким-то там священником, сказал, что ему срочно нужны Святые дары (причастие), дабы причастить тяжелобольного, и вытащил из кармана майонезную баночку с крышкой! Увидев эту банку для причастия, служители алтаря выгнали самозванца, не став разбираться, кто он и откуда пожаловал.

Для несведущих поясню, чем вызвана такая реакция клириков. Святые дары, то есть причастие, священник может взять только в своем храме — это первое. Я уже не говорю о том, что каждый клирик имеет удостоверение, подтверждающее его сан, где указано, клириком какого храма он является.

Второе — причастие помещается в специальный ковчежец, называемый дароносицей. Но и это не все; дароносицу носят только на груди и только поверх епитрахили (часть облачения, без которого не совершается никакое священнодействие), ее не кладут ни в карман, ни в портфель, так как Святые дары являются величайшей святыней.

Мне кажется, что подобные явления встречаются еще и потому, что на них существует определенный спрос, ведь спрос рождает предложение.

В конце девяностых на Волгоградском шоссе, в районе Кузьминок, один ловкий пройдоха открыл маленький духовный бизнес. Прямо на трассе стояли будка с крестом и рекламный щит с надписью «Освящение машин». Рядом носился человек в облачении и с кропилом, и, похоже, клиентов, желающих освятить машину прямо на обочине, у него было предостаточно. Хорошо еще, что там не отпевали и не венчали, — а то как удобно, в церковь заезжать не надо.

Еще один пример самозванства и «шаталовой пустыни». В метро Коломенская, в подземном переходе, на простой кухонной табуретке несколько лет восседала одна очень колоритная личность. Она была одета в куцый линялый подрясничек, имела огромную лохматую бороду, такую же шевелюру, эффектно сбившуюся в причудливый колтун, и испитое лицо. На коленях у нее стоял деревянный резной ящичек для подаваний. Глядя на подобный типаж, понимаешь, что имиджмейкеры отдыхают. Человек поминутно протягивал руку и громко театрально произносил: «Падайте на храм Божий». Меня всегда удивляло не то, что ему подавали (у нас в стране подают всем, кто просит, такая традиция), а то, что к нему постоянно подходили люди, преимущественно женщины, и подолгу беседовали, советовались, брали благословение...

Чиновники, или VIP-попы

Может, эта глава и покажется суховатой, но на взгляд автора она необходима.

Любая организация, общественная структура и, конечно, само государство не может

существовать без чиновников. А учитывая, что Церковь — это государство в государстве, то и чиновников в ней предостаточно. Только они не надевают официальные костюмы и галстуки, а носят, как и все остальные священнослужители, рясы и бороды.

Обратимся к истории. Патриаршество на Руси было упразднено Петром I, а восстановлено в ноябре 1917 года, когда в России грянул большевистский переворот. Во времена упразднения патриаршества Церковь обросла различными чиновничьими структурами. Именно тогда культивировалась главная болезнь Церкви — сословность. Функции патриархии выполнял постоянно действующий Синод. Интересно, что в бывшее здание Синода собирается переезжать Конституционный Суд. С восстановлением патриаршества Синод был упразднен.

Ныне управленческая структура РПЦ построена следующим образом: это, говоря светским языком, головной офис — патриархия, во главе с патриархом, и региональные представительства — епархиальные управления, во главе с правящими епископами. Правящие епископы подчиняются непосредственно патриарху, а клирики, в свою очередь, подчиняются епископам. Существуют еще викарные епископы, которые являются помощниками и замами правящих. Министерство иностранных дел в Церкви называется Отделом внешних церковных сношений (ОВЦС). Хозяйство огромное, нужны чиновники. Чиновники в церкви — это священники, которым приходится заниматься не столько своим служением и паствой, сколько бюрократическими делами. Без этого никак. Начнем с того, что у любого епископа должен быть секретарь, референт, специалист по связям с общественностью — пиарщик проще говоря, и т. д. В Церкви существует свой суд, который занимается рассмотрением различных канонических преступлений со стороны клира — например, нарушения устава, второбрачие священства, совершение таинств над лицами, не принадлежащими к православной церкви, и многое другое.

Епархиальный совет решает вопросы о рукоположениях. Ведь прежде чем получить решение о рукоположении, будущему ставленнику необходимо пройти епархиальный совет; не факт, что его пропустят, это как экзаменационная комиссия в вузе. Каноническая комиссия ведет бракоразводные процессы, то есть дает разрешения на повторные браки, решает вопросы со спорными отпеваниями, например самоубийц. Комиссия собирает материалы к канонизации, то есть прославлению в лике святых.

Ну и конечно, церковные чиновники, как и все чиновники в мире, должны получать свои блага. Это банкеты с официальными приемами, поездки с различными визитами и на различные мероприятия, должность настоятеля богатого храма (это уже только церковная специфика). А что делать? Такова жизнь. Кто такой настоятель кафедрального собора? Это, как правило, чиновник, особо приближенный к своему архиерею.

Дела меркантильные Материальный вопрос

Стоят ли попы в метро с ящиками? В метро священники не стоят никогда! Все, кто там стоит с крестами и в рясах — стопроцентные самозванцы. Как известно, в больших городах это целый бизнес, контролируемый преступными группировками, и к Церкви он никакого отношения не имеет. К этому бизнесу относятся и так называемые монахи, круглогодично подпирающие могучими спинами стены, например, Троице-Сергиевой Лавры и собирающие деньги якобы на нужды дальних монастырей. Некоторые вообще воспринимают священника как хронического попрошайку.

В связи с этим вспоминается забавный эпизод. Как-то на автобусной остановке к нам с супругом подошел мужик, деловито вытащил из кармана десятку и стал ходить вокруг, что-то разыскивая. Не найдя то, что искал, он, показывая нам десятку, спросил: «А куда кидать?» В ответ на наше удивление воскликнул: «Как, у вас должен быть ящик!»

Почему некоторые считают, что в Церкви должно быть все бесплатно? Полный абсурд!

А чем должны кормить батюшки свои многодетные семьи, во что одевать и обувать детей, платить за квартиру, школу, транспорт?...

Какова же заработная плата современных священников, и существует ли она вообще?

Зарплата существует, но крайне мизерная — не больше, чем у врачей и учителей. А если в семье много детей и жена не работает, то уровень жизни может опуститься ниже, чем у любого учителя и врача. Один мой знакомый священник, который служит в известном московском многоштатном храме (где много священников), рассказывал, что его жена всегда без денег. В кошельке у нее бывает максимум пятьсот рублей, и на питание они тратят в месяц примерно пять тысяч. И это по московским-то меркам! Единственное, что спасает от крайней нужды и нищеты — это добровольные пожертвования прихожан за требы: освящение квартир, машин, причащение больных. Эти деньги идут непосредственно священнику, на его личные нужды, если только прихожанин не оговаривает, что его пожертвование на храм, — тогда оно действительно идет на храм: утварь, облачения, стройку... В общем, чем больше треб, тем легче жить семье.

На больших приходах финансами занимаются старосты, в светском понимании это кто-то вроде финансового директора. Есть священники, которые в финансовые дела даже не вникают, другие же, наоборот, дотошно контролируют своих старост. Староста на приходе — достаточно независимая фигура. Официально староста выбирается приходским собранием. Зачастую старосту на приход назначают свыше, то есть из патриархии. Кстати, матушка не может быть старостой у мужа на приходе, дабы избежать свояченичества.

Есть священники, настолько поглощенные служением, что зачастую забывают о собственной семье, живущей подчас на грани или за пределом бедности. В таких семьях носят обноски с чужого плеча, перебиваясь, как раньше говорили, с хлеба на квас. Одна матушка рассказывала, как ей приходилось бегать по соседям и занимать рубли до полочки, а батюшка об этом даже и не знал; более того, все деньги, полученные за требы, он тратил исключительно на нужды восстанавливавшегося храма, отдавая жене только официальную зарплату.

Так что аргумент, что в Церкви многое делается ради корысти, не имеет под собой основы. Этот стереотип укоренился в умах наших граждан после «Двенадцати стульев», где отец Федор оставляет службу, надевает светское платье и бросается в погоню за бриллиантами. Не стоит забывать, в какое время писалась книга Ильфа и Петрова и почему в ней описан именно такой православный священник. Конечно, Церковь заполнена не одними святыми «бескорыстцами» с нимбами и крыльями, случаются и отцы Федоры, но, поверьте, на данный момент таковых действительно меньшинство. Большинство Ее служителей думают только о духовном. А потом, зачем становиться священником в погоне за наживой, когда сейчас есть масса перспективных возможностей в бизнесе, времена-то другие. А священники в условиях нового экономического порядка живут гораздо беднее, чем раньше. В советское время священнослужители действительно жили в материальном достатке. Церквей было мало, то, что было, не восстанавливалось, почти никогда не ремонтировалось, священников тоже было мало, а прихожан на один приход было гораздо больше, чем сейчас. Среди священства в то время было больше таких, которые рассматривали свое служение как ремесло, ведь бизнеса в стране не было, а хорошо жить хотелось. Да и достойному пробиться в священники через кордон уполномоченных по делам религий было очень сложно.

Сегодня особенно тяжело живется сельским батюшкам: храм в разрухе, прихожане — пенсионеры, считающие копейки до пенсии, надежда только на огород и пожертвования от спонсоров.

В начале девяностых наша страна переживала период массового обращения к вере. Институт уполномоченных был упразднен, Церковь освобождена. И, конечно же, в то время среди новообращенных, то есть среди неопитов, стало появляться много желающих принять сан. Как правило, это были представители интеллигенции и богемы — различные деятели культуры, художники, научные сотрудники. Но поскольку эти люди не имели специального духовного образования, то рукоположиться в Москве или другом крупном городе для них

было несколько затруднительно; многие и не желали оставаться в мегаполисе, а стремились в глушь и лесные дебри. Кто-то такую тенденцию называл модой. Может, это и мода, но скорее — стремление особым образом послужить Христу. Такие люди рукополагались в далеких епархиях, где их с радостью принимали местные архиереи за неимением своих кандидатов, получали полуразрушенные приходы в глухих деревнях. Самоотверженно боролись с мерзостью запустения, преодолевали бездорожье и неустроенность. С тех пор прошло не меньше десяти лет, изменились люди и времена, меньше стало максимализма и экзальтации. Многие из уехавших так и остались там служить, но кто-то вернулся в родные шумные и пыльные города.

На эту тему хочется рассказать одну историю. Конечно же, имена, географические названия и некоторые биографические детали мне пришлось изменить.

Когда-то, еще в неофитской молодости, пела я в церковном хоре. Была у нас в хоре девушка — Катя, которая очень переживала, что не получается найти жениха достойного. Когда у меня появился жених-семинарист, Катя восторгалась, что мой будущий муж станет священником, а я матушкой.

Вскоре я вышла замуж, наши пути разошлись, мы больше не виделись. Через пару лет от общих знакомых я узнала, что Катерина вышла замуж, ее муж рукоположился. Правда, живут они теперь в жуткой глуши, восстанавливают полуразрушенный храм Преображения Господня в селе Устиново. Когда-то это было большое торговое село на берегу судоходной реки. Теперь оно не столь большое и совсем не торговое, а река давно перестала быть судоходной; в советские времена по ней сплавляли лес, и дно ее теперь сплошь в топляках, делающих ее непригодной к проходу судов. Батюшке с матушкой достался храм в ужасающем состоянии — без крестов, от куполов остались одни остовы, с веселыми березками на крыше.

Как мне рассказали, через несколько лет церковь было не узнать — поставили купола, кресты заблестели золотом. Конечно, работы и по сей день еще очень много, стены все еще в лесах, иконостас не готов.

Катя познакомилась с Сергеем на своем московском приходе. Кате было тридцать лет (собственно, поэтому она и переживала, что нет у нее жениха), а Сергею тридцать пять, когда они поженились. Оба москвичи, оба единственные дети у родителей. Почему Сергей выбрал путь священства, я не знаю, а в открытую спрашивать о таких вещах как-то не принято. Знаю одно — что в Москве работал научным сотрудником в каком-то НИИ, параллельно алтарничал в том приходе, где познакомился со своей будущей супругой. Катя вообще никогда не предполагала, что жизнь сложится так, что придется жить в деревне, да еще в такой глухомани. Но от наших предположений или планов зачастую мало что зависит.

Выросла Катя под постоянной усиленной опекой мамы, которая всю жизнь тряслась над единственной и очень болезненной дочерью. Опекаль дочь для матери было чем-то вроде культа, доходившего до фанатизма, даже маразма... Катя до тридцати лет, до самого своего замужества, посуду никогда не мыла, сахар в чае ей размешивала мама, а если мама забывала, то Катя и не догадывалась сделать это самостоятельно.

Поэтому, когда Катя объявила, куда она собирается последовать за своим супругом, маму чуть инфаркт не хватил. По крайней мере, сценарий с тяжелой истерикой, «скорой», обмороком и капельницами был сыгран виртуозно. Но как только маме стало «легче», Катя с мужем уехала в намеченном направлении.

К деревенской жизни оба были совершенно не приспособлены. Отец Сергей с трудом представлял, как держать топор, а для Кати топка русской печи по сложности была равносильна управлению космическим аппаратом.

Пару лет назад наши московские прихожане подарили батюшке Сергию подержанный, но вполне добротный «жигуль». Узнали, как батюшка мотается по приходу радиусом в 10 километров, собрались и сделали доброе дело.

Слышала я историю, как однажды зимой отца Сергия чуть было не загрызли волки. Дело было так: возвращался он поздно вечером с требы — причащал умирающую старушку.

Самая распространенная треба для сельского священника, на таких приходах в основном старики, доживающие свой век, дети и внуки которых давно перебрались если не в областной центр, то хотя бы в районный. Вот стоял наш батюшка после требы на автобусной остановке (а она была не в деревне, а среди леса), ждал последнего автобуса, переминаясь с ноги на ногу. Мороз в тот вечер был особенно трескучий и все крепчал — казалось, с каждой минутой. Луна освещала бледным светом изгиб дороги и верхушки мрачных елей. А дальше все как в фильме ужасов: луна и жуткий вой вожака голодной стаи.

Батюшка спасся на крыше автобусной остановки, которую в один миг окружила голодная свора, злобно щелкая зубами. Стая исчезла так же быстро, как и появилась, едва заслышав звук приближающегося автобуса.

Самым трудным для молодоженов был первый год жизни в деревне, особенно первая зимовка. Сейчас они вспоминают эти времена с улыбкой, а тогда в промерзшей избе было вовсе не до смеха. Отец Сергей говорит, что чувствовали они себя робинзонами на необитаемом острове, была одна мысль — выжить. Приехали они в Устинове в конце августа, как раз на престольный праздник своего храма. Местная администрация выделила им дом, в котором, правда, лет десять никто не жил, а если и жили, то только летом — приезжающие на практику студентки сельхозакадемии да еще какие-то ботаники. Но дом с виду был еще очень крепким и добротным, поэтому незадачливым москвичам в голову не пришло, что хорошо бы печь проверить да стены проконопатить. Отец Сергей бросился маломальски приводить церковь в порядок. За осень поставили двери, окна затянули полиэтиленом, выгребли два грузовика «культурного слоя». Под «культурным слоем» обнаружился вполне прилично сохранившийся плиточный пол. Так, за церковными хлопотами, незаметно подкатила промозглая осень с затяжными дождями и порывистыми ветрами. Вот тут молодая семья с ужасом обнаружила, что печь в доме не столько дает тепло, сколько дымит, а ветер нагло дует изо всех щелей. Местный печник вынес неутешительный вердикт: поздно печь перекаладывать, придется ждать до весны — и развел руками.

Наступила первая кошмарная зима. «Было ощущение, что мы попали на северный полюс, в доме холод, в храме холод, — вспоминала матушка Катя. — От печного дыма ело глаза, першило в горле и текли слезы. Спали в пальто и валенках, вода в ведрах к утру замерзала почти полностью, а температура в доме при самой активной топке не поднималась выше десяти градусов. Безумно хотелось хоть раз нормально поспать в постели, просто без пальто и обуви. Тогда мы и научились ценить такие простые вещи, которых просто не замечаешь в обыденной жизни. Но самым тяжелым был даже не холод, а полное одиночество и отсутствие какой бы то ни было помощи или поддержки со стороны жителей. Храм стоял пустой, служили вдвоем, даже любопытные почти не заглядывали. Отец Сергей прерывал службу, что бы погреть руки над железной буржуйкой. Осипшие голоса и постоянная простуда — все, что было. Если бы не денежные переводы от родителей, то, может быть, с голоду бы в тот год загнулись».

Катина мама на дочь тогда очень обиделась — мол, как она с матерью могла так поступить, — и впервые приехала погостить через два года после рождения первой внучки.

Конечно, была вера, но об этом специально никто не говорит.

Теперь, конечно, жизнь наладилась. Храм восстанавливается, появились прихожане, дом отремонтировали, троих детей родили, бабушки из Москвы на лето приезжают, с внуками нянчатся. Правда, хозяйством Катя так и не обзавелась, огород ей из жалости прихожанки сажают. Она про себя смеется, говорит: «Увидела однажды рекламу по телевизору, как там дочка у мамы по телефону спрашивала, каким концом лук сажать. Так это про меня».

Я никак не могла понять, что же могло в их жизни произойти, что они решились вот так вдруг, неожиданно для всех окружающих, порвать с привычным образом жизни, с друзьями, с Москвой, оставить все и уехать в глухую деревню. В деревню, с которой они раньше никак не были связаны и которая, казалось, к их жизни не могла иметь никакого отношения. Я

думала, что они вот так до конца своих дней проживут там, вместе состарятся, умрут и будут похоронены там же, рядом с церковью. Но я ошиблась. Год назад я узнала, что они вернулись в Москву и назад больше не собираются. Я позвонила матушке Кате, надеясь между делом узнать о причинах их столь внезапного возвращения. Но мне явно не собирались говорить всего. Матушка сказала, что старшая дочь в этом году пошла в школу, а в деревне образование никакое, школа там не школа, а жалкий «ликбез», и так далее и тому подобное. Владыка отца Сергия отпустил «домой», а на его место прислал молодого, только что закончившего Костромскую семинарию священника, с такой же молодой матушкой.

— Они из местных, молодые и энергичные, — добавила матушка Катя, — к деревне им не привыкать, да и храм мы почти отстроили, и дом.

Наверное, просто отец Сергей с матушкой Катей за все эти годы так и не смогли прижиться, как не может прижиться растение, пересаженное из чужой земли.

Хороший доход имеют настоятели больших богатых храмов. По доходности настоятеля такого храма можно сравнить с бизнесменом средней руки. То есть на евроремонт в квартире, хорошую иномарку, дачу и регулярные поездки семьи в Турцию хватит вполне.

У рядовых священников, в том числе и священников тех же богатых храмов, и настоятелей бедных храмов достаток средний, если не низкий, а таких на сегодняшний день большинство. В богатом храме рядовой священник сидит на обычной зарплате, которая потрясает убожеством, обратно пропорциональным роскоши и убранству храма. Уровень жалования штатных священнослужителей определяет приходское собрание сообразно с ежемесячными доходами храма; собранием руководит староста или сам настоятель. А поскольку финансовый директор в храме староста, то последний себя не обижает. Как говорится, первым делом самолеты, ну а священники потом... Но такая ситуация возможна только в богатых храмах, в которых староста и настоятель не бедствуют.

Надо помнить, что священник человек подневольный и жаловаться ему особенно некуда. Светский человек, еще раз повторимся, если его не устраивает уровень заработной платы или отношения с начальством, может поменять работу. Священнику поменять приход самостоятельно невозможно. В крайнем случае батюшка имеет право пожаловаться своему архиерею, но и это не всегда помогает. Архиерей может сказать — терпи, смиряйся, и все тут. Да и не принято проситься на более выгодный приход по материальным соображениям. Священник служит не ради того, чтобы кормить семью! Хочешь кормить семью — иди на работу, а не в священники. У нас был знакомый дьякон, который имел неосторожность просить своего архиерея о рукоположении в священники, так как дьяконского жалования ему не хватает на содержание семьи. Что из этого получилось, нетрудно догадаться — священства он после этого так и не дождался. Вот и вся мораль.

Но основной статьёй расходов всех современных храмов в первую очередь являются отнюдь не зарплаты священнослужителям и работникам, а коммунальные платежи. Электроэнергия для современного прихода стоит столько же, сколько и для коммерческой организации. Если подсчитать средний доход среднего (не богатого) московского храма, то коммунальные платежи занимают больше половины всех доходов вместе взятых, тут уж не до жиру. Например, если среднемесячный доход в храме составляет пятьдесят тысяч рублей, то «коммуналка» обходится в тридцать шесть тысяч. А еще зарплату нужно платить — бухгалтеру, сторожам, певчим, уборщицам и прочему рабочему люду, который тоже почему-то хочет свои семьи кормить. Кроме зарплаты и коммунальных платежей существуют и бытовые расходы, как в любом хозяйстве.

Агрессивно настроенные против Церкви граждане считают священников ханжами, откровенно думая, что Церковь проповедует абсолютное нестяжание: мол, ходить надо в рубище и лаптях, а жить в коробке из-под телевизора. А уж иметь личный автомобиль — это просто криминал, все равно что торговля наркотиками и оружием.

Церковь никогда подобный бред не проповедовала. Вопрос в отношении к материальным ценностям, а не в их наличии. Никому не запрещено иметь приличную машину или хороший дом, или несколько приличных машин и несколько приличных домов,

но целью жизни это не должно становиться ни при каких обстоятельствах. Привязываться душой к этому нельзя. Как говорил царь Давид (а он был далеко не бедный человек, по нашим меркам просто олигарх), богатство еще течет, не прилепляйтесь сердцем.

А могут ли священники работать на светской работе или заниматься бизнесом? В России это не принято и не соответствует церковным правилам. А учитывая круглосуточную занятость, священнику работать просто нереально. В России батюшки заняты служением практически круглосуточно, в отличие от священников зарубежной церкви. Почему? Так сложилось. Наверное, наша страна все еще остается православной, хотя в это уже верится с трудом. Священника, вдруг дерзнувшего заняться бизнесом, могут вызвать на ковер к его правящему архиерею и поставить перед выбором: либо бизнес, либо священный сан. Наказать могут серьезно. Поэтому открыто священники бизнесом не рискуют заниматься, да и, если честно, редко кто им занимается. Мне рассказывали про одного краснодарского батюшку, который держал несколько колбасных ларьков на Черноморском побережье. Так он так увлекся этим делом, что службу и приход совсем запустил. Наконец об этом узнал его архиерей и быстренько отправил его под запрет. За рубежом в Русской православной церкви, наоборот, священники вынуждены работать на светской работе, чтобы прокормить себя и семью. Я подчеркиваю, именно в русской церкви, в других же поместных церквях дело обстоит иначе. Во-первых, тамошние прихожане не содержат священника, так как он воспринимается равным. Здесь есть некое влияние протестантизма — ведь протестанты священства вообще не признают. С пастырями прихожане общаются на равных. А коли он такой же, как и все остальные прихожане, то почему приход обязан его кормить?

У нас к священникам иное отношение. В России все же сохранено почитание священства как особого благословенного дара, который не каждому дается.

Батюшка на личном авто

Многие агрессивно настроенные против церкви граждане считают священников ханжами, искренне думая, что Церковь проповедует абсолютное нестяжание: мол, ходить надо в рубище и в лаптях, а жить в коробке из-под телевизора. А уж иметь личный автомобиль — это вообще криминал, все равно что торговать наркотиками и оружием. Церковь никогда подобный бред не проповедовала.

Итак, поскольку многие считают, что Церковь проповедует нестяжание, то, видя священника на автомобиле, очень любят бросить в его адрес пару обличительных фраз типа:

— Что это вы, батюшка, на машине ездите, не положено по религии-то!

Или еще, глядя на задрипанные «Жигули»:

— Разъездились тут попы на «Мерседесах»...

Кстати, о «Мерседесах». Помните знаменитый фильм советского времени «Берегись автомобиля»? Главный герой картины Юрий Деточкин очень любил угонять элитные по тем временам автомобили «Волга». Но это было, кажется, в конце шестидесятых. А теперь представьте точно такой автомобиль, доживший до начала двухтысячных. Представили. Итак, камера режиссера переносится в две тысячи первый год, на оживленную московскую магистраль, именуемую Варшавское шоссе. На обочине, мигая аварийкой, стоит несчастная двадцать первая «Волга», из под открытого капота которой, как из прорвавшей тепломагистрали, густо валит пар. А рядом прыгают батюшка с матушкой, пытаясь охладить пылкий нрав не на шутку разгоряченного двигателя.

Абсолютно достоверный случай из жизни, который я имела удачу созерцать, проезжая на машине по Варшавке.

Вот вам и «Мерседесы»! А говорят, попы только на новых иномарках ездят...

В очередной раз приходишь к выводу, что зависти нашему народу не занимать, а уж попа обличить в стяжании и лицемерии — «святое» дело, — надо же вывести на чистую воду торговца опиумом для народа.

Однако для священника, как и для многих, автомобиль — это прежде всего средство

передвижения, а зачастую просто жизненно необходимое средство передвижения. Священнику постоянно приходится ездить по трем. Представьте, если на селе приход состоит из нескольких мелких деревень, стоящих друг от друга в нескольких десятках километров и не связанных между собой каким-либо сносным автобусным сообщением... Как передвигаться по такому приходу?

Один батюшка жил в такой глуши, где по приходу можно было перемещаться только на трех видах транспорта — это военный «Урал», трактор «Беларусь» и народный «УАЗ». Из этих трех видов батюшка выбрал скромный «УАЗик». Так до местного архиерея, находящегося в пятистах километрах от батюшкиного прихода, доползли слухи, что батюшка-де хорошо зажил, на джипе разъезжает. Когда же архиерей удостоил этого батюшку своим посещением, то они вместе посмеялись, глядя на батюшкин «джип», похожий на спортивного мустанга из гонок на выживание. А еще больше посмеялись, когда батюшка рассказал, как однажды к ним пожаловали бандиты из соседнего районного города. Приехали они, конечно на импортных «уазиках», в народе называемых «джип широкий», но «джип широкий» сел по брюхо там, где наша народная техника легко проходит. Пришлось местному трактористу их выручать за ящик водки.

Еще случай из сельской поповской жизни. Купил один батюшка «девятку», старую и гнилую, но очень дешево, — денег на нормальную машину не было, а ездить надо. Проездила эта «девятка» сколько-то километров и сдохла. Привез ее батюшка к мастеру, тот вскрывает мотор и достает — что бы вы думали? — деревянные поршни! Оказывается, местные умельцы убитой машине провели профессиональную «предпродажную» подготовку, выточив на токарном станке деревянные поршни. Удивительно, что машина с ними даже поехала. Да, не перевелись еще на Руси мастера — золотые руки.

В городе машина тоже необходима. Взять, к примеру, московский микрорайон Ясенево, в котором у священника может быть в один день несколько треб в разных концах. Не очень-то пешком находишься или на автобусе наездишься. У участкового врача участок гораздо более плотно упакован. Если машина духовному лицу необходима по долгу службы, скажем так, почему же он не может иметь собственный транспорт просто как человек? Разве Церковь запрещает передвигаться на машине? Другие на дачу ездят, на работу, за покупками, детей в школу отвозят. Почему если священник имеет машину, то это лучший повод перемыть ему кости? Многие священники, боясь пересудов и осуждения, сознательно не приобретают иномарки, довольствуясь продукцией нашего отечественного автопрома. В некоторых епархиях архиереи запрещают священникам приобретать иномарки, даже старые и потрепанные, дабы людей не соблазнять.

Но машина для священника таит в себе и другую опасность: всякий раз, садясь за руль, батюшка рискует лишиться сана, если собьет человека насмерть. И вот почему: по церковным канонам священник, совершивший невольное убийство, извергается из сана. Конечно, любой водитель в данной ситуации может угодить за решетку, но если он виноват, конечно. Это очень тяжелая тема, любой нормальный человек, даже если он трижды невиновен, будет тяжело переживать такую трагедию. В отличие от светского закона, церковные законы иные: священник, сбивший человека, кроме личной трагедии, вне зависимости от своей вины, еще и понесет строжайшее церковное наказание.

Придется рассказать еще одну, на этот раз грустную историю, происшедшую не так давно.

Один священник в некоей епархии ночью в ненастную погоду сбил пьяного, внезапно выскочившего из-за припаркованного грузовика. С юридической точки зрения водитель был абсолютно невиновен, так как пьяный пешеход переходил дорогу в запрещенном месте и так далее. Но церковный суд был иным — священника лишили сана. Епископ в данном случае поступил строго по канонам. Стоит сказать, что запрет в служении — это временная мера наказания, причем священник остается священником, он просто не имеет права служить, а извержение из сана — это навсегда, второй раз стать священником, естественно невозможно.

Хочется все же сказать, что большинство священников боятся потерять сан больше

смерти, хотя за руль садятся сегодня почти все, — наверное, надеясь на милость Божию. В связи с этим на одном московском епархиальном собрании владыки даже уговаривали батюшек за руль сажать своих матушек, но это предложение было воспринято без особого энтузиазма.

Квартирный вопрос

Как известно, квартирный вопрос испортил москвичей.

Портит ли он священников? Скорее, он портит им жизнь. А дело с ним обстоит в большинстве случаев скверно. Как говорилось выше, многим изначально выпадает жребий служить вдали от родного дома; в таком случае возникновение квартирного вопроса гарантировано. В отличие от армии, где офицерам всегда предоставляют жилье, пусть даже и неважного качества, Церковь жилье священникам не предоставляет вовсе, за редким исключением, когда у прихода имеется собственный церковный дом или квартира. Если церковный дом находится в плохом состоянии, семья священника вынуждена будет ремонтировать его за свой счет, при этом, сколько бы они этот дом ни отстраивали, собственностью семьи он никогда не станет.

Одного нашего знакомого священника назначили на служение в одну из кубанских станиц. Сам он родом из далекого Магнитогорска. Уж не помню, почему он не угодил в родной город, но судьба занесла его с семьей на Кубань. В этой станице временно, до постройки постоянной, церковь располагалась в простом доме или, как там говорят, в хате, а при церкви имелась крошечная сторожка, не больше десяти метров общей площади, где и должен был жить священник. Конечно, сторожка для жилья была совершенно непригодна, в ней мог только сторож ночевать, а жить семье с детьми просто немыслимо. Первые два года семья снимала квартиру, пока сторожку перестраивали. Дом, построенный полностью за счет священника, все равно остается церковным, и своей собственности у них так и не появилось. Если его переведут на другой приход, то в этом доме поселится новоназначенный священник.

Другие люди за свои деньги строят собственные дома, которые перейдут к детям и внукам, то священнические дети ничего из этой недвижимости не получают.

Единственный путь оставить что-либо детям — это приобрести свою недвижимость, а не отстраивать церковную.

Нам повезло, в том смысле, что у меня есть квартира, — во многом благодаря родителям. А если бы этого не было, то скитались бы мы по съемным квартирам, так как у мужа ничего похожего на недвижимость нет.

Удивительно, как у некоторых хватает терпения не просто выносить жилищную неустроенность в отсутствии элементарных бытовых условий и собственного жилья, но и рожать детей, продолжать жить и терпеть. Я вспоминаю одного многодетного священника, который с матушкой и детьми много лет живет в абсолютно нечеловеческих условиях, при этом у них уже восемь детей и это, по всей видимости, для них не предел. Поистине подвиг. (Назовем этого батюшку отцом Григорием, так будет удобнее.) Отец Григорий командирован в Московскую епархию. Что значит — командированный священник? Это священник, которого архиерей направляет служить в другую епархию, при этом он остается клириком своей родной епархии и в любой момент может быть отозван обратно. Какое-то неопределенное состояние, ведь командированным можно быть много лет, не получая по месту командировки священнических наград и первенства чести, вне зависимости от выслуги лет. Так и отец Григорий — сколько лет служит, а ни одной священнической награды не имеет. Конечно, земные награды это не главное, награждает Бог, но иногда почести здесь тоже приятны.

С будущей женой он познакомился, учась в семинарии, на легендарной семинарской кухне. Матушка Зоя сама из священнической семьи, уроженка одной из кубанских станиц.

Детство ее прошло в многодетной семье, где всегда много тяжелой домашней работы. После школы Зоя уехала работать в семинарию, где и нашла супруга, повторив судьбу своей матери. После окончания семинарии отец Григорий уехал служить на родину, в одну сибирскую епархию. Но дома жизнь не складывалась — вроде его родители не приняли молодую невестку, или еще что-то, история об этом умалчивает. Тогда батюшка отпросился у своего архиерея в Москву, но, как уже было сказано, владыка священника только командировал, не отпустив окончательно. Поселились они с матушкой в Сергиевом Посаде, сняв убогий угол.

Этот городок по праву можно считать поповским. Священников там проживает больше, чем где бы то ни было. В Сергиевом Посаде очень трудно снять жилье из-за большого количества учащихся духовных школ. Ситуация с арендой жилья в Сергиевом Посаде всегда напоминает положение в городе Сочи в разгар сезона.

На службу в Москву отцу Григорию приходится ездить на электричке, автомобиля у него нет. В семье друг за другом рождаются дети. Раньше им постоянно приходилось переезжать, сменяя одни трущобы на другие. Нам посчастливилось побывать в одной из съемных квартир батюшки. Это была картина в жанре «Трущобный Петербург Достоевского». Семья снимала одну полуподвальную комнату. Подвал, пропитанный запахами гнили и сырости, почти постоянно подтоплялся. Чтобы пройти к жилищу отца Григория, не промочив ног, нужно было наступать на деревянные решетки, как в бане. Все семейство помещалось в одной комнате, — к тому времени у батюшки с матушкой было уже четверо детей. Вместо обоев на стенах были газеты, посреди комнаты стояла настоящая железная буржуйка времен Гражданской войны, с выведенной в форточку трубой. Кухня (если этот закуток можно так назвать) отделялась от спальни то ли шкафом, то ли фанерной перегородкой. Никакого водопровода там не было отродясь, поэтому в кухне находился умывальник с помойным ведром под ним. Во дворе дома была большая куча угля, в которой копошились дети отца Григория, напоминая шахтеров, только что вышедших из забоя. Вот такая обстановочка. Романтично, не правда ли? И это в конце двадцатого века!

Через некоторое время отец Григорий приобрел в собственность полдома. По комфортабельности это жилье не очень сильно отличалось от предыдущего, разве что сырости в нем было значительно меньше. Полдома состояли из комнаты, сеней и веранды, где предполагалось расположить кухню. Ни воды, ни газа там не было, отопление простое печное, правда не «буржуйское», туалет деревянный, во дворе на грядках. Дом был ветхий, очень старой постройки, постоянно требующий ремонта и денежных вложений. Тем не менее у них с матушкой родилось еще четверо детей. Когда я у них побывала в последний раз, то была сильно удручена окружающей обстановкой. Единственная жилая комната походила на армейскую казарму, всю сплошь заставленную железными двухъярусными кроватями, на которых лежали и сидели многочисленные дети. Под потолком — веревки с развешенными на них пеленками. Фанерная перегородка, отделяющая спальню от обеденного стола... Вот такой квартирный вопрос.

Уклад и традиции Истории из жизни

Прежде чем перейти к новой теме, чтобы повествование наше было наиболее полным, хочется рассказать несколько историй из жизни самых обычных священников, просто о том, как они живут.

Отец Майкл

У отца Михаила матушка регентша. Познакомились они в семинарии, куда будущая матушка поступила в регентскую школу, сразу после восьмого класса. Тогда, в начале

девятиклассных, в регентскую школу еще принимали девушек с незаконченным средним образованием. Родом она из Подмосковья, из простой семьи, а отец Михаил родом из Мордовии, и тоже из простой рабочей семьи, а по национальности мордвин или наполовину мордвин, веселый, но не такой простой, как кажется на первый взгляд. Женится он сразу после третьего класса семинарии — летом, потом, с началом учебного года, снимали они с молодой супругой перекошенную избенку в Сергиевом Посаде возле самой железной дороги. От каждого проходящего поезда избенка эта охала и вздрагивала, как дряхлая старушка. Первое время у них даже посуды не было, поэтому ели они из одной тарелки. Но заканчивался курс семинарии, и впереди маячила перспектива распределения в Мордовскую епархию, куда ни ему, ни его жене совсем не хотелось. В отличие от своего неудачливого однокурсника, о котором речь шла выше, отец Майкл поступил мудрее, правда, пришлось пойти на хитрость: оставить семинарию, дабы избежать жесткого распределения и иметь возможность рукоположиться по желанию в подмосковной епархии, поближе к любящей теще. Ничего противозаконного в этой схеме нет, в конце концов, это его право. Ведь семинарист еще не священнослужитель и может выбирать. Ну а семинарию пришлось окончить позже, заочно.

Хитрость удалась, служить его отправили в Ступинский район, вначале в храм к благочинному, а затем дали настоятельство в церкви маленького поселка при птицефабрике, где местная администрация выделила семье священника однокомнатную квартиру в двухэтажном блочном бараке.

Почти все жители поселка работали на птицефабрике, которая активно испускала на всякого проезжающего вблизи нее нестерпимые миазмы.

В первое лето служения в семье отца Майкла родился первенец.

С этим поселком у отца Майкла связан один смешной случай, после которого местная шпана его сильно зауважала. Дело было так. Поводилось местное хулиганье его матушку дразнить. Когда она мимо проходит, они ее дразнят и обзывают нецензурно. Надоело это безобразие отцу Михаилу, поймал он зачинщика, местного авторитетишку, взял за грудки при всей честной компании.

А отец Михаил сильный, плечистый, вырос он в пьяном пролетарском городишке, поэтому со шпаной разговаривать умел виртуозно на понятном для них языке. Они-то думали, что попик к ним интеллигентный заехал и будет смиренно терпеть от них всякие безобразия и глазки в пол опускать.

И вот поднял он смиренно этого авторитетишку за грудки и говорит:

— Вот видишь палец? — и направляет свой указательный палец зачинщику прямо в глаз. Зачинщик весь изогнулся, побледнел, задергался. — Я тебе этим пальцем глазик-то щас выдавлю, и он вытечет, а мне за это ничего не будет, ничего.

И аккуратно поставил авторитета на землю. С этим и расстались. Говорят, что этот авторитет потом приходил прощения просить за недостойное свое поведение.

Через несколько лет отца Майкла перевели в более веселое место и дали восстанавливать очередной храм. Местная администрация опять предоставила жилье, на этот раз бывшую сельскую амбулаторию, без отопления и с прогнившими полами, да еще с бормашинами и допотопными зубо-врачебными креслами впридачу. Сказали, что бормашины вскоре заберут. Как известно, дареному коню в зубы не смотрят. Батюшка амбулаторию отремонтировал, провел газ, отопление, удобства. Бормашины так никто и не забрал, стоят они у батюшки в сенях как главное украшение. Вскоре у них родился и второй сын. Отец Михаил восстанавливает храм, служит, а матушка регентует хором, бабушки же прихожанки во время службы нянчат младшего мальчика, а старший в алтаре уже прислуживает отцу.

В славном городе Ростове

Отец Александр познакомился с матушкой в Москве, у себя на приходе, в Ан-вом монастыре. Оба они из коренных московских интеллигентских семей. Матушка вообще дочь

дипломата. Отец Александр до семинарии служил в армии, в войсках ГУИНа. Вернулся из армии покалеченным — горбатым, без нескольких зубов, — однажды зэки взбунтовались и учинили жестокую расправу над конвоирами. Будущий отец Александр получил перелом позвоночника.

После семинарии и рукоположения отца Александра распределили в славный город Ростов Великий, на патриаршее подворье в полуразрушенном Авраамиевом монастыре, для восстановления там духовной жизни и богослужений.

Монастырь этот имеет славную историю. В одиннадцатом веке на месте нынешнего главного Богоявленского собора стоял идол Белее — бог плодородия, мерзость языческая. Идол этот наводил ужас на всю чудскую окраину. Говорят, что ему приносили даже и человеческие жертвы. И вот в то страшное время поселился там смиренный монах по имени Авраамий и вступил в неравную борьбу с темными языческими верованиями. Но язычники только высмеивали Авраамия и новое учение не принимали. Тогда Авраамий слезно призвал на помощь Господа и святого апостола Иоанна Богослова. В ответ на молитву Апостол Иоанн явился монаху во сне и повелел ему идти в великий город Константинополь, Авраамий безропотно отправляется в далекий путь. Но не успел Божий угодник дойти до реки Икши, как сам Апостол встретил его, вручил тоненькую тросточку и повелел сокрушить ею мерзкого идола. Вернувшись в Ростов, Авраамий, подошедши к идолу, ударил по нему тросточкой, и в тот же миг могучий идол рассыпался в прах, язычники же повержены были в страх и трепет перед чудом. На месте сего великого чуда позже и был основан монастырь. Находится он и ныне на самой окраине города, и экскурсии к нему не возят.

На протяжении многих веков Ростов был еще и кафедральным городом ростовских митрополитов, но мало кто знает, что город этот имел дурную экологию. Живописное озеро Неро, на берегах которого раскинулся сей древний город, совершенно гнилое, и испарения его крайне вредны для здоровья, не говоря уже о полчищах злобных комаров, которые нещадно атакуют жителей от первого тепла и до белых мух. Поэтому назначение на Ростовскую кафедру архиереи всегда воспринимали как ссылку и немилость начальства, некоторые даже всеми правдами и неправдами старались проводить в городе только зимы, когда дыхание замерзшего озера становится наименее ощутимым. Были среди архиереев в славном городе и подвижники, например святитель Дмитрий Ростовский, собравший свод житий святых, аналогов которым по сей день не существует.

Первое наше посещение отца Александра состоялось более десяти лет назад. Перед нами предстала картина: полуразрушенный монастырь, в котором монахов еще не было, а служба шла в наспех отремонтированной надвратной церкви. Ветхое, полуразвалившееся здание бывшего братского корпуса, с клопами и тараканами, населенное в то время разношерстной публикой, большинство которой к церкви отношения не имели и беспробудно пили горькую. В этом убогом здании и жила семья отца Александра. Занимали они одну комнату с печкой, с собственным отдельным входом и с удобствами на улице, ну просто номер «люкс». Матушка Ирина ждала тогда второго ребенка, а первому едва исполнился год. В хлеву они держали коз, которых матушка сама доила; выросла она в Москве и представления о домашней скотине в принципе не имела, но на удивление всем крестьянские премудрости освоила достаточно быстро. В следующий наш приезд к ним, примерно через два года, матушка ждала третьего ребенка. Из бомжацких апартаментов они перебрались в простую деревенскую избу подле монастыря, которая была куплена церковью. Этот дом они ремонтировали много лет; как настоящие москвичи, не привыкшие к деревянным сортирам во дворе, создали в нем все удобства с ванной и горячей водой. Во второй наш приезд у отца Александра в хлеву бляели многочисленные овцы, а во дворе стояло надежное транспортное средство — настоящий сивый мерин, впряженный в телегу. На этот «мерседес» он нас погрузил и повез на экскурсию по городу.

В один из следующих наших приездов матушка ждала четвертого ребенка. Но отец Александр сильно изменился — устал или постарел, да и загрустил он сильно, не было уже

былого азарта и веселости. В хлеву на этот раз уже никто не блял, в доме появился компьютер с Интернетом, а во дворе вместо мерина стоял старый раздолбанный «Опель» неопределенного цвета. Батюшка про свое новое транспортное средство сказал загадочно:

— Цивилизация.

Правда, «Опель» этот вскоре благополучно отправился на свалку, так как оказался вконец убитым и не подлежал восстановлению.

Несколько раз отец Александр пытался вернуться в Москву, но каждый раз возникали непреодолимые препятствия. Жилья своего у них нет, а перспектива жить в одной квартире с родителями и четырьмя детьми не радовала ни родителей, ни самого отца Александра.

Вскоре и в Ростове жить им стало негде. В монастыре стала возобновляться монашеская жизнь, появилась настоятельница и монахини с послушницами. Мать-настоятельница от священноначалия потребовала себе другого священника — отец Александр ей чем-то не угодил. Да и не удивительно — зная его столько лет, можно с уверенностью сказать, что человекоугодием он заниматься не будет. А игуменьи у нас на Руси, как правило, считают себя умнее священников, несмотря на апостольское повеление женам в церкви молчать. Поэтому дом, который отец Александр с матушкой столько лет ремонтировали, буквально отстроили заново, пришлось передать вновь прибывшему священнику. А отцу Александру предложили настоятельство в полуразрушенной церкви в городе. Семья вынуждена была срочно приобрести квартиру в городе, где периодически не бывает то холодной, то горячей воды.

Миссионеры

Наверное, многие и не знают, кто такие миссионеры. Многие думают, что священники у себя в храмах только требы исполняют, службы служат, проповедуют иногда, кто может, конечно, проповедовать, а кто не может — проповедь по бумажке читает или просто молчит, да и все, пожалуй. А в наше время тоже есть миссионеры — мало, но есть, — и служение это приравнивается к равноапостольскому, да не побоимся этого слова. Ведь первыми миссионерами были сами апостолы. Миссионер — это тот, кто непрестанно обращает в свою веру неверующих и заблудших, тот, кто проповедует иноплеменикам, и тот, кто не стесняется идти к сектантам и иноверцам. Миссионеру неинтересно быть просто требоисполнителем, читать по бумажке и заниматься проблемами исключительно своего прихода. Он ищет большего, он жаждет проповедовать тем, кто не слышал проповеди.

В девятнадцатом веке был один семинарист, который, проходя мимо дверей одной из «занятых» комнат академии, прочел объявление с предложением отправиться кому-нибудь из окончивших курс в Японию — настоятелем посольской церкви в Хокодате. Этот семинарист был будущим святителем Николаем Японским, основателем Японской православной церкви, отдавшим всю свою жизнь Японии и ее народу. В то время подобных судеб было много. Миссионеры бросали столицы, выгодные приходы, оставляли родных и близких и отправлялись на другой конец мира проповедовать веру Христову диким и забитым племенам, страдая от лишений, голода и болезней. Они любили грязных и неотесанных дикарей, делили с ними свою скудную трапезу, учили их грамоте и лечили их, и радовались как дети, когда дикари отвечали взаимностью.

Но и в двадцать первом веке встречаются миссионеры.

Несколько лет назад в Китае один московский священник организовал Китайскую православную миссию.

А началось все с китайца, которого отец Дионисий (так зовут этого священника) крестил еще в Москве. Потом появились другие китайцы, желающие принять от него святое крещение, потом отец Дионисий принялся изучать китайский язык, китайскую историю и культуру.

Отец Дионисий происходит из старой московской интеллигентской семьи, а его жена — дочь крупного преуспевающего бизнесмена. Познакомились они в собственном подъезде

— оказались соседями по лестничной площадке. Семинарию отец Дионисий закончил за два года, сдав курс экстерном. Несколько лет он служил на одном московском приходе. За это время в семье родились два сына. Тесть подарил им роскошную четырехкомнатную квартиру. Казалось бы, чего еще в жизни не хватает? Служи себе и радуйся жизни. Так нет, Китай звал к себе своего миссионера, и семья уехала в Гонконг. Жена его не колебалась ни минуты и отправилась вместе с мужем, — вот вам и избалованная дочка богатых родителей. Эта семья — наши близкие друзья, отец Дионисий венчал нас и крестил нашу младшую дочку, но видимся мы теперь очень редко; нас разделяют тысячи километров и несколько часовых поясов.

Отец Хулагу

Так называют его один близкий друг; и мы не будем называть его настоящее имя. Отец Хулагу — еще один современный миссионер, один из немногих священников, преподающий прихожанам толкование Библии и бесстрашно сражающийся с разномастными сектантами. Сейчас редкий священник регулярно и всерьез занимается столь неблагодарным делом. Отец Хулагу не женат, но и не монах — довольно редкое явление для православного священника. Не будем объяснять, почему батюшка холост; так у него в жизни сложилось — вероятно, какая-либо печальная история. Он рано остался без родителей, они погибли в автокатастрофе, и воспитывала его бабушка.

Своего жилья у него тоже нет, несколько лет жил он в сторожке при храме, в котором служил, затем ушел за штат по состоянию здоровья и был приглашен одним игуменом на свой приход, где поселился при храме и при кухне.

Когда-то, еще в советское время, он учился в семинарии, из которой его благополучно выгнали по требованию уполномоченных — за публичную проповедь в центре Москвы, у памятника Юрию Долгорукому.

Он очень крупный и полный, но полнота его вовсе не от многоядения и хорошей жизни. Он тяжело болен сахарным диабетом, страдает одышкой и отеками, но несмотря на это несет свое миссионерское служение.

Он не боится вести диалог с сектантами и очень многих вывел из сект и буквально спас от гибели и разорения. За это сектантские главари ненавидят его лютой ненавистью.

Лет десять назад с отцом Хулагу произошел курьезный случай. В то время в России открыто действовала небезызвестная секта Аум Сенрике. И вот однажды сектанты решили похитить надоевшего попа — видимо, очень сильно он их допек, многих адептов увел, бизнес им испортил, сколько квартир и материальных благ не успели из-за него захватить.

Кстати, известно, что из этой секты мало кто выходил живым.

Как-то раз сектанты подогнали к храму, где служил батюшка, свой «микрик» (знаете, есть такие микроавтобусы японского производства). Итак, сектанты дождались, пока батюшка выйдет из храма. Взяли его два огромных качка под белые ручки и повели к автобусу, батюшка не сопротивлялся, а даже посмеивался над ними: «Ну-ну, посмотрим, что у вас получится». Но, подведя его к распахнутым дверям «микрика», сектанты поняли, что в автобус его затолкать просто не удастся: батюшка большой и грузный, руки-ноги растопырил, как в сказке про Бабу-ягу и Иванушку, и смеется над ними. Сектанты его и так и смяк, а он никак. Тут посланники Асахары поняли, что надо смываться, пока не поздно; прихожане, увидев происходящее, уже бежали на помощь и милицию успели вызвать. Сектанты батюшку бросили, погрузились в машину и укатили.

Во время чеченской войны много раз ездил отец Хулагу в Чечню, там многих крестил, напутствовал раненых и в тылу не сживал, все ему надо было на передовую, под пули, туда, где все. У нас есть его фотография: улыбающийся отец Хулагу на танке, с автоматом Калашникова в руках. Конечно, из «калаша» он не стрелял, но попозировать попозировал.

Еще один примечательный случай из его жизни. Отец Хулагу был однажды в Индии в городе Бенаресе — с неофициальным визитом, но, наверное, тоже с целью проповеди. А как

проповедовать, когда язык и нравы местного населения не знаешь? Батюшка гениально вышел из положения. Он купил цимбалы, сел на главной площади города и запел: «Jesus Christ, Alleluia!» Стала быстро собираться толпа зевак и интересующихся, ведь индусы любят потанцевать; затем нашелся переводчик — врач, некогда учившийся в Советском Союзе. Он и стал переводить проповедь, а так как народу собиралось очень много, перевод тут же дублировали добровольцы, так, чтобы всей толпе было слышно. В результате этой проповеди отец Хулагу крестил трех человек.

Имеет он одну слабость (правда, последнее время ему здоровье не позволяет) — любит хорошо выпить в компании друзей, а когда выпьет, начинает распевать песни на иврите, а то и в пляс пойдет, и тоже по-еврейски, так, что мебель сотрясается, как положено. Однажды на именинах моего мужа выпил, да так развеселился, что выпросил у нас себе в подарок израильский семисвещник. Пошли мы его провожать к метро. Он был со своим другом дьяконом. Дьякон его с одной стороны подпирал, мы с другой, а он идет, менорой размахивает и во весь голос поет на иврите, периодически нас расталкивает и приплясывать начинает; уж не помню, что за песня была, я все на прохожих оглядывалась и думала, за кого нас принимают. А песен он много знает и ивритом довольно свободно владеет, и все знают: коли батюшка с русского на иврит перешел — значит, совсем готов, и подливать ему больше не следует.

Посты

Постам в религиозных семьях придают огромное значение, можно сказать, почти сакральное. В православной церкви в году четыре больших поста, различающихся между собой по строгости. Первый и самый наиглавнейший пост — Великий. Его начало зависит от даты Пасхи. А дата православной Пасхи определяется первым полнолунием после еврейской пасхи. Сложно, но не очень, — вся пасхалия рассчитана на много лет вперед.

Великий пост обычно начинается в конце февраля — начале марта, длится пятьдесят дней и завершается самым главным праздником — Воскресением Христовым, или Пасхой. Великий пост самый строгий. Запрещается употреблять пищу животного происхождения и рыбу. Рыба тоже продукт животного происхождения; тем не менее, ее нельзя есть только в особо строгие посты. Великим постом рыба разрешается только два раза — на праздник Благовещения и на праздник Входа Господня в Иерусалим. Наиболее строгими неделями считаются первая и последняя, или страстная.

Следующий пост — Петровский. Его продолжительность всегда варьируется и зависит от даты Пасхи. Если Пасха была поздняя, то есть приходилась на конец апреля — начало мая, то Петровский пост будет коротким. Самый длинный Петровский пост — сорок дней, а самый короткий — восемь. Заканчивается Петровский пост двенадцатого июля, на праздник апостолов Петра и Павла.

Далее идет Успенский пост, даты его начала и окончания всегда фиксированы — с четырнадцатого по двадцать восьмое августа, он такой же строгий, как и Великий.

И последний пост в годовом цикле — Рождественский, также с фиксированными датами. Начало поста двадцать восьмого ноября, окончание — седьмого января. Рождественский пост менее строгий.

Кроме длительных постов, есть еще и однодневные — это среда и пятница. Если посчитать общее количество всех постных дней, то их окажется гораздо больше, чем скоромных. Так что христиане в постах проводят гораздо больше времени, чем вне их.

Кроме гастрономических ограничений постами запрещается посещение различных развлекательных заведений: театров, кинотеатров. Постами не женятся. Дозволяется из уважения посещать свадьбы, например, неверующих родственников или близких друзей, но при этом из угощения можно будет выбирать только постное, да и засиживаться особенно не придется. В любой праздник надо помнить, что идет пост и необходимо во всем себя ограничивать.

Новый год всегда приходится на Рождественский пост, поэтому в религиозных семьях, особенно священнических, его почти не отмечают, а если и празднуют, то послабления в посте опять же никак не допускаются. Для православных существуют свои Новые годы — это не оговорка, у православных два признанных Новых года. Первый — это по старому стилю с тринадцатого на четырнадцатое января, второй — по церковному летоисчислению — первого сентября по старому стилю, то есть с тринадцатого на четырнадцатое сентября. Вместо Нового года широко отмечается Рождество.

В священнических семьях принято полностью соблюдать все установленные посты. По церковным нормам постами желательно воздерживаться и от супружеских отношений, по обоюдному согласию супругов, конечно. Но во многих семьях рекомендательный характер этой нормы воспринимается как жесткий запрет. Поэтому нарушение супружеских постов считается серьезным грехом, а зачатие детей во время постов — безблагодатным. Причем некоторые священники эту норму применяют не только к себе лично, но и к своим прихожанам, что зачастую осложняет семейную жизнь последних.

Постная трапеза. Заговенья и разговенья

Что же представляет собой постный стол и что такое заговенья и разговенья?

Как уже говорилось, постами разрешена только пища растительного происхождения. Многие православные хозяйки очень серьезно подходят к этому запрету и, придя в магазин, тщательно вычитывают на этикетках состав продукта, подолгу простаивая у прилавков. И если продукт содержит, например, яичный белок, сухое молоко или сыворотку, то он нещадно выбраковывается. Продукты, содержащие компоненты животного происхождения, называются скоромными — например, скоромный майонез, скоромное печенье, скоромный шоколад и так далее.

Постами особое предпочтение отдается грибам, орехам, бобам — всем тем продуктам, которые восполняют недостаток белка.

Растительное масло не всегда разрешается. Постами бывают особо строгие дни, когда даже эта последняя радость запрещается. Правда, столь строго постятся только в особенно радикально настроенных религиозных семьях.

Многие постами набирают лишний вес, так как скудный рацион, особенно в малоимущих семьях, где не могут позволить себе особое разнообразие овощных блюд и фруктов, с лихвой пополняется большим количеством хлеба, картошки и макаронных изделий.

Постная еда уже примерно через месяц начинает сильно приедаться и надоедать. Тем не менее многим посты очень нравятся.

Детей принято постить только с семи лет. До этого возраста для них не существует никаких запретов. Хотя, опять же, в некоторых радикально настроенных семьях детей приучают к посту с младенчества, для начала исключая только мясные продукты. Пост разрешается ослаблять беременным и кормящим женщинам, а также больным. Но в радикальных семьях беременные и больные зачастую постятся наравне с другими членами семьи.

День пред началом поста называется заговеньем и приравнивается к праздничному. Заговенье — это всегда хороший повод устроить семейный праздник или посиделки с друзьями, выпить, закусить и приятно провести время за увлекательной беседой, так как впереди длительный пост и развлечения будут сведены к минимуму. Скоромные блюда, оставшиеся после заговенья, нельзя употреблять на следующий день, а поскольку в России на праздники принято готовить обильный стол, то на заговенье существует реальная опасность переест. Правда, эту угрозу могут устранить вовремя подоспевшие гости. А если переедание все же случилось, то впереди длительный пост — хороший повод устроить себе разгрузку.

Особой торжественностью отличаются трапезы на разговенья, так как они приходятся

на самые большие праздники, особенно на Рождество и Пасху. На Пасху традиционно готовят куличи, крашеные яйца и пасхи — творожное блюдо, название которого часто путают с самим куличом.

У каждой хозяйки есть собственный фирменный рецепт приготовления кулича и пасхи, которым она всегда готова поделиться. Для православных хозяек, особенно священнических жен, неделя перед Пасхой является, пожалуй, самой тяжелой в году. Кроме многочасовых каждодневных богослужений, необходимо убрать дом, не просто убрать, а провести генеральную уборку, дабы встретить праздник в чистоте и уюте. Необходимо приготовить традиционную пасхальную трапезу, без которой праздник немислим. А в семьях священников всегда готовятся к большому наплыву гостей; пекут огромное количество куличей — на раздачу прихожанам, на подарки... Хорошо, если матушке в такой ситуации помогают прихожанки. В общем, к концу страстной недели прихожанки и матушки валяются с ног от усталости; единственное, что укрепляет и ободряет — это приближающийся всеми любимый праздник.

Разговляться положено после торжественного богослужения. Во многих приходах принято разговляться всем вместе в трапезной при храме. Поэтому в трапезных перед праздником кипит бурная работа.

Батюшка всегда садится во главе стола. Если батюшек несколько, они располагаются по старшинству. Если на трапезе присутствует епископ, то первенство чести переходит к нему.

Трапеза начинается с общей торжественной молитвы, затем священник благословляет стол, и только после этого все приступают к еде.

Многие думают, что священники пьют исключительно кагор. Это совсем не так. Священники не любят кагор и крайне редко его пьют. Но этот стереотип настолько сильно укоренился в умах, что если священнику хотят подарить вино, то это обязательно кагор. Батюшка, принимая в дар бутылочку кагора, с трудом сдерживает кислую гримасу. Священнику лучше всего дарить красное сухое виноградное вино.

Раз уж зашла речь о винопитии, то стоит заметить, что употреблять спиртные напитки в православии не запрещено. Как говорится, «вино веселит сердце человека». Вопрос в количестве выпитого. Праздничный стол у православных, как правило, не обходится без спиртного, в том числе и крепкого.

Килограммы конфет и тонны печенья

Любой человек, хоть раз бывавший в храме, наверняка обращал внимание на столик, скромно стоящий в боковом приделе, куда некоторые прихожане зачем-то кладут продукты. По традиции продукты приносят на поминовение усопших. Возле этого столика служат панихиду, называется он на церковном языке «канун», или, как говорят некоторые бабушки, «канон». Традиционно принято приносить конфеты, печенье, муку и хлеб, а также крупы и сладости. Нельзя приносить мясо. В храм запрещено даже входить с мясом, поэтому если вы купили батон колбасы и хотите зайти в церковь, лучше этого не делать или купить колбасу после посещения храма.

Возникает вопрос — а куда идут принесенные продукты? В первую очередь — на общую трапезу. Как известно, ныне редкий храм не имеет своей трапезной, где питаются не только батюшки, но и все служители и работники, включая сторожей, уборщиц и нищих. Часть продуктов идет лично священникам, остальное работникам. Мука идет на выпечку просфор, без которых не совершается литургия — главное таинство церкви. Для многих священнических семей сей продуктовый паек является хорошей поддержкой семейного бюджета. То, что продукты достаются лично священникам, утверждено канонами Церкви, которые берут начало с седой древности: в Писании сказано, что священники и их домочадцы питаются от алтаря Господня.

Конечно, если продукты предназначены для поминовения родных и близких и

являются материальной жертвой к алтарю Божьему, то и приносимое должно быть лучшего качества, таким, какое сам будешь есть. Но у нас в церкви, как и везде в жизни, нищему можно отдать тряпку, в которой на даче навоз возить не будешь, а в церковь можно принести пожертвование по принципу «на тебе, Боже, что нам не гоже». Иногда доходит просто до смешного — муку несут с жучками и червячками, батоны с плесенью, а конфеты десятилетней давности, пропахшие нафталином. В церкви никто не принуждает делать пожертвования и приношения, поэтому если что-то надо отнести на помойку, лучше туда это и отправить.

Учитывая эти обстоятельства в семьях священников детям просто нереально запретить есть сладкое: его всегда так много, что не есть просто невозможно. Но даже если матушке удастся контролировать процесс потребления сладкого в своей семье, все равно на приходе детям священников прихожане всегда пытаются сунуть как можно больше сладостей и конфет. Горы печенья и шоколада матушки постоянно раздают соседям и друзьям, но все равно оно сыплется отовсюду, как из рога изобилия, заполняет все пространство в кухонных шкафах. В семье может не хватать денег, овощей и фруктов, но макароны, хлеб и конфеты есть почти всегда, и никуда от них не денешься; священника, как врача, народ задаривает конфетами, конфетами и ведрами кагора. А матушки на любой праздник, в свою очередь, одаривают в школе всех учителей, в поликлинике всех врачей, а также своих подруг и соседок огромными коробками конфет.

Эти бесконечные гости

Гости в священнической семье явление практически постоянное, можно сказать — стихийное бедствие, и ложится это явление-бедствие дополнительным грузом на плечи супруги священника. Представляете, вечер, детей надо накормить, помыть, уложить, у старших проверить уроки, а тут толпа гостей: «Мы к батюшке, мы вот и торт принесли». И начинается чай, еда, разговоры до полуночи, а жене — принеси, подай да с нами посиди. «Ой, а можно ложечку, сахар размешать, а где у вас здесь туалет, руки помыть, а можно позвонить», — и так далее, и тому подобное.

А бывает и такое: приходит матушка с работы (если она, конечно, работает), вваливается с сумками в квартиру, а там гости: «А мы отца N ждем. Он скоро подъедет? Он нас к семи пригласил, и нет его до сих пор». Вопрос: кто гостей пустил? Дети дверь открыли, привыкли уже.

Но гости запланированные еще большее стихийное бедствие. Тут уже жене необходимо готовить праздничный стол, причем количество персон почти всегда является математической неизвестной. Как правило, количество гостей превышает максимально допустимый объем народа на метраж квартиры.

Например, на именины батюшки поток посетителей с поздравлениями может быть почти непрерывным. Приходит кто угодно, в любое время, хоть к шапочному разбору, — и опять тащи тарелку, доставай закуски. Прихожая заваливается горами шуб и курток, километрами обуви, с которой натекают лужи грязи (если дело происходит зимой), букетами, которые занимают всю мыслимую и немыслимую тару...

Жить на виду у всех, при постоянном присутствии людей непросто, иногда это начинает серьезно утомлять.

Одна матушка рассказывала нам, что, когда они с семьей жили в селе рядом с известным монастырем, не было ни дня, что бы в доме не ночевали малознакомые или совершенно незнакомые люди, от одного-троих в будни, до пятнадцати-двадцати по праздникам.

Приезжали люди, как правило, с записками примерно такого содержания: «Тамара из Вятки останавливалась у Вас на праздник Воздвижения три года назад, помнит и молится и просит принять троюродную сестру двоюродного брата внучатой племянницы, приехавшую в паломничество...»

Естественно, Тамару из Вятки давно никто не помнил, наверное, не помнили уже на следующий день после того, как она покинула сей гостеприимный дом, но принимать паломников эта семья считала своим христианским долгом и принимала всех, кто стучался в дверь. Вообще для нашей современной жизни это удивительный пример.

За много лет такой жизни матушка, рассказавшая о себе эту историю, разучилась варить суп в кастрюле объемом менее 20 литров. А картошки у них на кухне чистили минимум по ведру в день. Конечно, паломницы помогали ей готовить, но жить в постоянном присутствии посторонних людей, наверное, подвиг.

Семейные праздники

Семейные праздники — в основном именины членов семьи. В православной среде дни рождения отмечают редко, главным личным праздником считаются именины, в церковном понимании это день небесного тезки. Если у батюшки на приходе именины, то это, как правило, общеприходской праздник. Я уже немного описала особенности именин в церковном доме. Именинника-батюшку все поздравляют, служится праздничная служба и, конечно, накрывают стол — либо дома, либо непосредственно на приходе при трапезной. Праздник на приходе существенно облегчает жизнь жены священника.

Я ненавижу гражданский Новый год по одной простой причине: из-за предновогоднего безумия, творящегося в наших магазинах. Терпеть не могу очереди, я в них настоялась еще в советские годы и больше не хочу, сыта по горло. Но, увы, приходится в это безумие окунаться вместе со всеми, по полной программе, и вот почему: именины моего мужа приходятся на 30 декабря по новому стилю. Для меня это один из самых тяжелых дней в году. Тяжесть усугубляется Рождественским постом, когда от гостей не отделаешься каким-нибудь мясом, запеченным в духовке. Приходится готовить массу рыбных закусок, солянку из семги и прочее. И вот представьте: подъезжаю к «Ашану» 29 декабря, вначале не могу поставить машину, затем с ужасом понимаю, что нет свободных тележек. Затем с еще большим ужасом созерцаю километровые очереди в каждую кассу и телеги, доверху забитые всякой снедью, и подсчитываю, сколько на одну такую телегу каждый кассир тратит времени и сколько телег может оказаться впереди меня, плюс толчея возле каждой полки и невозможность спокойно пройти. Меня охватывает ужас. Я понимаю, что надо уносить ноги, иначе я потрачу здесь полдня, последние силы, а мне еще квартиру убирать.

В полном разочаровании отъезжая от «Ашана», я опять задаю себе глупый вопрос: ну почему именины моего мужа приходятся на этот дурацкий Новый год? А потом утешаюсь, что перед Рождеством в нашей стране в магазинах нет такого ажиотажа, и думаю: пусть празднуют Новый год, нам спокойнее.

Рождество является вторым после Пасхи и одним из любимейших семейных праздников в религиозных семьях. Это елка, подарки, поздравления. Это возможность собраться всем вместе за семейным столом. Но сугубо семейного праздника, как правило, все равно не получается из-за очередного наплыва гостей.

Рождество и Пасха — два праздника, на которые в храмах обязательно служат ночную службу. Для церковного человека без службы, особенно ночной и торжественной, праздник не праздник. И если для светского человека кульминационной частью любого праздника является стол, то для церковных людей кульминация происходит на богослужении, а застолье — это логическое продолжение торжества, но никак не самоцель, как ни странно.

Рождество очень любят дети — за подарки и за ожидание чуда, в которое верит каждый ребенок. В священнических семьях Рождество считается главным детским праздником. Для всех детей обычно организуют елку на приходе и разыгрывают спектакли с волхвами, пастухами и яслями с младенцем Христом. Дети от всего этого в восторге, а взрослые придают таким представлениям серьезное религиозно-воспитательное значение.

Праздник Рождества не ограничивается одним днем, а занимает целую неделю, называемую святками. На святках принято колядовать, то есть распевать колядки,

наряжаться в карнавальные костюмы и выпрашивать гостинцы; правда, традиции колядований стремительно вымирают, а там, где их пытаются возродить, выглядят как-то неестественно и убого. А вот со святочными гаданиями Церковь борется жесточайшим образом. Православные вообще не гадают, так как гадания приравниваются к колдовству, и за подобное «баловство» могут отлучить от причастия.

Духовничество и общинная жизнь

Есть приходы, где существуют четко сформированные общины. Общину можно сравнить с дружной деревней, где все друг друга знают, помогают, поддерживают, вместе отмечают праздники, вместе переживают горе. Возглавляет и объединяет общину священник, к которому прихожане относятся как к духовному отцу. На церковном языке его называют духовником. Многие православные желают иметь своего духовника, к которому в любой момент можно обратиться за советом, поддержкой, который знает все их проблемы и трудности, как семейный врач знает все болезни своего пациента, и ему не нужно каждый раз объяснять все с начала. Поэтому зачастую верующие, особенно новоначальные, стремятся найти собственного духовника. Многие священники сами имеют духовников — более опытных священников, с которыми они советуются в важных делах. Ведь сам священник зачастую нуждается в поддержке и окормлении. В идеале духовный отец должен быть один на всю жизнь, но кто-то меняет духовников или переходит из одного прихода в другой. Правда, шатания по духовникам и из прихода в приход в православии не приветствуются.

Недостатком таких общин является некая закрытость; вновь пришедшего там не будут принимать с распростертыми объятиями, чужака скорее вежливо не заметят, оказывая ему минимальные знаки внимания. И только если человек будет постоянно посещать их церковь, его постепенно примут. Из-за закрытости подобных общин от внешнего мира существует опасность возникновения внутреннего гуруизма. Мол, наш батюшка самый-самый, мы к другому не пойдём. В таком случае все зависит от священника — насколько ему хватит мудрости, силы не культивировать это явление.

Причем, чем большим гуруическим настроем отличается община, тем более она закрытая.

В самом центре Москвы, возле знаменитого Дома на набережной, есть закрытая община, члены которой большие любители древнерусского наследия. Женщины в общине ходят в народных сарафанах, платки носят по-старообрядчески, закалывая под горлом булавкой, мужчины предпочитают косоворотки, стрижки под горшок и скрипучие сапоги. Хорошо, что лапти не догадались носить. Но любовь к национальному костюму можно было бы рассматривать просто как милую причуду одного отдельно взятого прихода, если бы не поголовная эсхатологическая настроенность или эсхатологический страх членов общины, из-за которого общение с ними как с нормальными людьми становится практически невозможным. Вы спросите, что такое этот эсхатологический страх. Это очень интересное явление — страх конца света и прихода антихриста; под его действием начинают бояться любых новшеств, от старого привычного телевизора и до всяких паспортов, ИННов и пластиковых карт. Сколько людей носители этого псевдоправославия в свое время оттолкнули от веры, трудно сказать. Но, как говорится, каков поп, таков и приход, такова жизнь. Не нравится вам эсхатологический психоз, идите в нормальный храм, где этого нет. В общем, кто больше знает, тот меньше влипает, — читайте нашу инструкцию дальше.

Есть храмы, где никакой общинной жизни не существует вовсе; такие храмы среди православных называются «захожанскими». Эти приходы похожи на городские многоэтажки, где соседи, живущие на одной лестничной площадке, едва знают имена друг друга, а уж живущих в одном подъезде не всегда узнают в лицо. Такие храмы изобилуют злобными шипящими старухами, готовыми растерзать любую не по форме одетую барышню, там часто встречаются вечно спешащие и заматанные священники, не способные

толком выслушать пришедшего к ним человека. Да, земная церковь не идеальна, в ней есть свои «тараканы». Поэтому глупо обижаться, если вас вдруг обругали или не выслушали, это не значит, что ситуация везде одинакова. Просто еще раз делаем вывод: кто больше знает, тот меньше влипает.

Хотите, подскажу, как, зайдя только лишь в притвор церкви, можно отличить общинный храм от просто «захожанского»? Очень просто — по доске объявлений. Если доска объявлений увешана рекламными листовками фирм, предлагающих паломнические поездки, и других объявлений нет, то это «захожанский» храм. Если кроме паломнических листовок доска объявлений изобилует объявлениями следующего содержания: «По благословению настоятеля многодетная семья примет в дар детскую коляску... Лежачая больная нашего прихода срочно нуждается... Православные котята в хорошие руки... У нашей прихожанки сын... Семья нашего алтарника снимет... Комната обмена детскими вещами работает...», то смело можно делать вывод, что за дверями храма обитает крепкая дружная община. Стоит отметить, что общинные и «захожанские» храмы имеют одну общую особенность — наличие постоянных прихожан. Только в «захожанских» храмах люди приходят просто в храм, а в общинном еще и к батюшке, и к своей тусовке. Так что у каждой медали две стороны.

Рясы, бороды и длинные волосы

Почему священники не могут быть как все? Поменьше выделяться из толпы: стричься, бриться и носить костюмы. Вон у католиков священники выбриты, подстрижены и в костюме. Их от мирян отличает только белая референтка на шее вместо галстука. А наши?!

Такое часто приходится слышать от людей. Православные священники никогда не стремились быть похожими на всех остальных, их традиции не меняются вот уже два тысячелетия и меняться не собираются, их надо воспринимать такими, какие они есть. Их служение настолько оторвано от мирской жизни, что требует сохранения внешних атрибутов как прикрытия от всего внешнего. Священник находится на служении, а следовательно, носит форму; военный тоже обязан носить форму.

Так как же, согласно традициям, должен выглядеть православный священник? Наиглавнейшим атрибутом российских священников является борода. На Украине из-за сильного влияния Запада далеко не все духовенство носит бороды.

Существует несколько традиций, напрямую связанных с радикальной или либеральной настроенностью духовного лица.

Старые священники, выходцы из интеллигенции, всегда очень любили коротенькие профессорские бородки, а выходцы из простого народа, как правило, носят пышные окладистые бороды-лопаты. Как правило, чем либеральнее батюшка, тем короче его волосы и борода.

Традиция носить длинные волосы корнями уходит в глубокую ветхозаветную древность, когда назареи, то есть посвященные Богу, не стригли волос, ногтей и не пили вина; правда, на современных священников последние два пункта не распространяются. Особенно смешно будут выглядеть нестриженные ногти.

Вообще, носить длинные волосы священнику совсем необязательно, это просто традиция, которую можно соблюдать или не соблюдать в зависимости от вкусов и желаний. При этом совершенно непонятно, почему некоторые православные миряне носят длинные волосы. Здесь уже вмешиваются каноны, которые запрещают обычным мужчинам не стричь волосы.

Теперь об одежде. До революции белые священники (то есть женатые) всегда носили рясы и широкополые шляпы, монашествующие же шляп не носили. Сейчас священники шляпы давно не носят, на смену им пришли более традиционные скуфьи (куполообразная шапочка). Наперсные кресты появились только при Николае II.

В советское время священникам было запрещено появляться в рясе вне церкви. За

много лет они настолько к этому привыкли, что когда Союз рухнул вместе со всеми запретами, продолжали упорно следовать сей новой традиции, иногда даже запрещая молодым священникам ходить в рясах. В начале девяностых эти традиции были еще настолько сильны, что далеко не всякий батюшка решался спуститься в метро или пройти по улице в рясе. Сейчас ситуация изменилась радикально, теперь гораздо меньше священников носят мирскую одежду.

Ряса представляет собой длинную широкую одежду с очень широкими рукавами, прикрывающими почти всю ладонь. Но ряса — это верхняя одежда, под ней положено носить подрясник, который от рясы отличается узкими рукавами с манжетами, как на рубашке, более узким покроем и наличием глубоких карманов, в которые должен обязательно помещаться требник — довольно увесистая книга небольшого формата, содержащая тексты треб. Ряса не имеет карманов, так что воры-щипачи отдыхают.

По поводу отсутствия карманов в рясе — еще один анекдот из нашей реальности. Едет священник в метро. И вдруг чувствует, что кто-то пытается залезть к нему в несуществующий карман. Батюшка делает вид, что ничего не замечает, наблюдая, что будет дальше. Вор предпринимает еще одну тщетную попытку найти вожделенную поповскую кошелек. В следующее мгновение рука воришки попадает в руку смеющегося священника. «Ну что, поправил свое материальное положение?»

Надо сказать, что ряса хорошо удерживает тепло в холод и защищает от зноя в жару. Правда, в сильную жару во всем черном можно расплавиться, поэтому летняя одежда, как правило, светлых тонов.

Существует и своеобразная поповская мода; рясы, подрясники и скуфейки могут отличаться покроем. Например, сейчас очень распространены так называемые греческие рясы и скуфьи, пришедшие в Россию из Греции. Провинциальные священники очень любят разноцветные скуфьи из бархата. А в семидесятые-восемидесятые годы среди духовенства была мода на разноцветные рясы, которая прошла уже в середине девяностых. Среди украинских священников по сей день существует мода на широкие вышитые цветными нитками и бисером пояса, которые надевают на подрясник.

Священнические и богослужебные одежды, как правило, шьют на заказ; готовые изделия продаются, но в меньших количествах. Обычная ряса стоит две-три тысячи рублей. Подрясник — до двух тысяч. Зимняя ряса стоит как хорошее пальто. Правда, охотников носить зимние рясы среди духовенства немного. В качестве зимней одежды священники предпочитают носить обычные пальто, дубленки или куртки. Скуфья — от трехсот рублей до тысячи. Зимняя — на натуральном меху, как обычная меховая шапка. Кстати, католические священники все, вплоть до нижнего белья и носков, покупают в специализированных магазинах. У нас в России такого, конечно же, нет. Брюки, нижнее белье и прочее приобретается в самых обычных магазинах.

Богослужебные одежды мы описывать не будем, так как об этом можно прочитать в любом катехизисе. Их очень много, они имеют совершенно разное назначение. Основные — это фелонь и епитрахиль, без них священник не может служить литургию. Одно стоит сказать, что некоторые элементы богослужебного облачения являются наградами, которые, как и военным, дают за выслугу лет и другие заслуги.

Например, самая первая награда — так называемый набедренник, элемент богослужебного облачения прямоугольной формы, который носят на боку, поэтому он и называется набедренником. Следующая награда — камилавка, бархатный головной убор синего или красного цвета. Одевают ее только на богослужении (не путать со скуфьей, которая носится вне богослужений и имеет другую форму). Далее следует наперсный крест — позолоченный крест четырехконечной формы, а не шестиконечной, как у начинающих священников. На церковном сленге называется «золотой крест». После золотого креста идет крест с украшениями вместе со званием протоиерея (прото — первый или старший, а обычный священник — иерей). После креста с украшениями — митра, особый головной убор из парчи, украшенный камнями или стразами. После митры — палица, ромбовидное

украшение из парчи, надеваемое, как на и набедренник, сбоку. Вот, пожалуй, и все священнические награды.

Досуг

Может создаться впечатление, что священники совсем не умеют отдыхать. Это вовсе не так. Священники очень любят посидеть за столом в приятной компании, за душевными разговорами, и очень любят петь. Представители духовного сословия в основном обладают превосходными голосами, зачастую достойными оперного театра. Причем некоторых хлебом не корми — дай попеть. Репертуар может быть самым разнообразным: это колядки, народные песни, романсы и даже оперные арии. Особенно любят батюшки соревноваться, кто громче и дольше протянет. Голоса у них бывают настолько мощны, что никакие динамики не нужны. А других хлебом не корми — дай поспорить на богословские темы.

Еще любят священники выезжать с друзьями на природу, на шашлыки. Семьями, или чисто мужскими компаниями, к кому-нибудь на дачу, с банькой, пивом и воблой. Ведь попариться в русской бане и понырять в сугроб они тоже большие мастера. Причем пару нагоняют по-русски! Баня — это всегда компания и задушевные разговоры, это настоящее русское удовольствие, от которого отказываются только «язвенники».

У священства бывают и отпуска — как положено, раз в год, на месяц или на две недели, в зависимости от ситуации на приходе. Очень сложно вырваться в отпуск сельским батюшкам: там, где в храме один священник, это чревато тем, что богослужебный круг придется прерывать, храм закрывать, прихожанам объяснять ситуацию или искать замену на время отпуска, а это на селе практически невозможно. Поэтому зачастую многие сельские священники по многу лет не бывают в отпуске. Чтобы уйти в отпуск, пишут прошение епархиальному архиерею, он в свою очередь решает, отпускать священника или не отпускать. Кстати, в официальных формулировках нет такого понятия, как отпуск для отдыха. Формально отдых служителю церкви не положен. Поэтому в прошении пишут «разрешить отпуск для лечения».

Один день из жизни рядового священника

Так как же проходит обычный день обычного священника? Попробуем составить распорядок дня с комментариями. Прежде всего, следует отметить, что у священнослужителей ненормированный рабочий день.

Подъем в 6.00-7.00

Завтрак отсутствует. Священник служит литургию строго натощак. Перед службой, после 24 часов, ни есть, ни пить категорически нельзя, даже лекарства.

Начало службы в 7.00 или в 8.00. Священник появляется в храме задолго до официального начала службы.

Литургия длится два-три часа, сразу после нее начинаются храмовые требы — венчания, молебны, отпевания, панихиды, крестины.

Окончание службы в 13 или 14 часов. А теперь обратите внимание, что священник на ногах без еды и питья к этому времени уже семь часов!

Обед примерно в 14 часов. Многие упрекают священников: мол, очень часто батюшки толстые или с брешками. Наверное, едят много. Жизнь у них такая изобильная и праздная, вот и толстеют. Попытаемся ответить на вопрос, откуда берутся брешки.

Во-первых, как вы думаете, после шести-семичасового служебного дня, без еды и питья, на ногах, при колоссальной эмоционально-психической нагрузке, — какой будет аппетит? О каком здоровом питании в такой ситуации может идти речь? А после обеда у священника выдается час-другой свободного времени, которое он, как правило, стремится употребить на сон, так как просто валится с ног от усталости. Хотя бывает, что этого времени вовсе нет. Поэтому если человек склонен к полноте, то в этих благоприятных

условиях вес начинает превышать положенные нормы.

Во-вторых, брюшки — это профессиональное заболевание. Скажите, много ли оперных певцов без животиков? Наверное, нет. Так вот, живот — это от голосовых нагрузок, которые ничуть не меньше, чем у профессиональных певцов. Это связано с физиологическими изменениями в организме, когда во время пения повышается внутреннее давление в легких и брюшной полости. А батюшки, не обладающие сильным голосом, как правило, и брюшка не имеют.

17 часов — вечерняя служба. Ее может и не быть, тогда батюшка сразу после обеда и до вечера отправляется на требы — это причащение и соборование больных на дому или в больнице, освящение квартир. Это могут быть и похороны, с поездкой на кладбище. Многие священники вечером преподают на различных богословских курсах. Многие посещают дома престарелых, колонии, безнадежных больных и так далее и тому подобное. Дел у священника всегда много.

Если есть вечерняя служба, она заканчивается самое раннее в 19 часов, а может и в 20, и в 21. А далее исповедь и личные беседы с прихожанами.

В 21 или 22 часа — окончание рабочего дня.

После 22 часов ужин.

На этом, пожалуй, остановимся.

Профессиональные заболевания

Варикозное расширение вен — от постоянных нагрузок на ноги.

Сердечно-сосудистые заболевания, гипертония — от эмоциональных нагрузок.

Ожирение; о нем говорилось выше.

Желудочные заболевания — от неправильного питания и постоянных стрессов.

Смерть и погребение

Мы уже очень много говорили о жизни священников, правда, о бытовых ее сторонах, об их вкусах и традициях. Думаю, пора перейти к теме, которую в мирском бытии люди стараются обходить стороной. Это — смерть, или, по-христиански, переход в вечную жизнь. Самое главное, без чего христианство не существует, — это без веры в воскресение и жизнь вечную. Поэтому служение священника и жизнь мирянина — это подготовка к вечности. Да и в своем служении священник со смертью сталкивается гораздо чаще, чем все остальные. Ведь по долгу службы ему приходится напутствовать умирающих, отпевать, утешать родственников и это, пожалуй, посложнее, чем работа врача, который тоже часто сталкивается со смертью. Врач зачастую привыкает к смерти, абстрагируется и относится к ней как к неотъемлемой части работы, и утешать родственников он совсем не обязан.

Погребение священников по чину отличается от погребения мирян. Федор Михайлович Достоевский в «Братьях Карамазовых» очень подробно описывал погребение старца Зосимы, цитируя при этом церковный большой требник. Но старец Зосима был в произведении великого писателя иеросхимонахом, а погребение монашествующих отличается от погребения мирских священников, поэтому я думаю, что стоит пойти по стопам Федора Михайловича, еще раз процитировав большой требник, дабы читатель почувствовал язык и красоту богослужебной книги.

Егда кто от мирских священников отъидет ко Господу, приходят три священники (священника. — Ю. С), и снемлют его со одра, и полагают на земли на рогозинине. И понеже не подобает измовену быти (то есть не омывають. — Ю. С), обнажену от священников, отирают его с елеем (маслом. — Ю. С.) чистым.

Таже одевают его обычными его одеждми: потом же во всю священническую одежду, и покрывают лице его воздухом (воздух, окончание на последний слог, — это такой плат, применяемый в богослужении. — Ю. С), и полагают святое евангелие над ним. Таже

приходят священницы облачены во священническая одежды...

А далее начинается последование погребения.

Лицо почившего священника не открывают, открытыми во гробе остаются только кисти рук, к которым прикладываются прощающиеся. Над новопреставленным (так в православии называют недавно умершего) читают Евангелие, а не Псалтирь, как над мирскими. Чин погребения мирян от чина погребения священников отличается настолько, что одновременное погребение с мирянами становится невозможным.

Хочу рассказать о двух родных братьях, священнике и епископе, несколько лет назад внезапно ушедших из жизни — наверное, очень сильно любили друг друга, — и об их матери, которая похоронила двух сыновей в один год.

Если ехать на машине по Волоколамскому шоссе из центра, то почти у самого МКАДа, среди серых и пыльных автосервисов, шиномонтажей, гаражей да ангаров, среди унылой промзоны и постоянно грохочущей железной дороги, стоит великолепный храм красного кирпича, украшенный изысканными цветными мозаиками. Сбросив скорость и присмотревшись, возле самой алтарной апсиды можно увидеть массивный крест черного камня. Под крестом этим покоится прах первого после эпохи разорения настоятеля, который почти десять лет восстанавливал этот храм из разрухи и запустения.

Семья, о которой пойдет речь, настолько известна в московских церковных кругах, что было бы нелепо рассказывать о них с измененными именами, да и сами они никогда не скрывали от людей своей жизни. Наталья Николаевна, мать почивших, сама уже написала несколько книг о своей жизни и о детях.

Семья эта так многочисленна, что ее можно по праву назвать не просто семьей, а уже целым кланом и образцом патриархальных священнических семей.

В далекие послевоенные годы девушка из московской профессорской семьи (семья была глубоко верующей) полюбила юношу, сына простого деревенского дьякона, репрессированного в годы гонений. Девушку звали Наталья Пестова, а юношу Владимир Соколов.

Они поженились, и девушка, ставшая Натальей Николаевной Соколовой, оставив институт и горячо любимых родителей, переехала к мужу в подмосковное село Гребнево, в маленький деревенский дом, где кроме них жили свекровь и семья брата мужа. В этом селе она провела двадцать лет, родив мужу пятерых детей и претерпев немало скорбей и трудностей. Со временем муж ее стал известным московским настоятелем и всю жизнь, до самой кончины прослужил в храме Адриана и Наталии в Бабушкине. Дети их, три сына и две дочери, все пошли по церковной линии. Два сына стали священниками, один избрал монашество и впоследствии удостоился даже епископской чести, обе дочери стали регентами в храме, одна из них — женой священника. Все, кроме сына-монаха, обзавелись многодетными семьями.

Младший сын, отец Федор, был самым многодетным из всего клана Соколовых — супруга подарила ему девятерых детей за восемнадцать лет совместной жизни.

Познакомился он с будущей своей матушкой все на той же семинарской кухне. Жена его родом из Белоруссии, из бедной крестьянской многодетной семьи. С раннего детства привыкла она к труду. Абсолютно тихое, смиренное и безропотное создание, она обладала веселым нравом и легким характером. Почти четверть века назад она оставила свою семью и уехала работать в семинарию в поисках духовного служения и личного счастья, где и обрела горячо любимого супруга, которого называла Федечкой и перед которым всю жизнь преклонялась, безропотно неся тяготы священнической жизни и материнской доли.

За два месяца до трагической гибели у отца Федора и матушки родился девятый ребенок. Трудно представить, что пришлось пережить вдове отца Федора, так внезапно оставшейся одной с девятью детьми. Отец Федор погиб 21 февраля, в день своих именин, по дороге в Плес, разбившись на машине вместе с водителем.

Узнав о трагедии, из Новосибирска сразу же прилетел его брат — владыка Сергей, тогда бывший епископом Новосибирским и Бердским. Владыке пришлось облачать останки

брата в священнические одежды и полагать их во гроб. Говорят, родным он брата так и не показал, сказав, что страшно смотреть. А матери показал лишь одну щеку сына.

Братья Федор и Сергей очень любили друг друга, о силе их связи между собой знают только самые близкие люди и Господь Бог. Кончину брата владыка Сергей пережить не смог. После похорон он так и не пришел в себя от горя, постепенно терял силы и угасал. Скончался владыка Сергей через восемь месяцев после похорон возлюбленного брата, которого в детстве носил на руках и останки которого собственноручно укладывал во гроб.

Для жены отца Федора смерть горячо любимого мужа не прошла бесследно — она тоже словно начала таять, подверглась тяжелому нервному расстройству. Хотя ее старшие дочери уже замужем и подарили своей неутешной маме внуков, все равно, видя эту семью, понимаешь, что печать горя с них так и не сошла. И даже маленькая Аня, которая знает отца только по фотографиям и рассказам родных, смотрит не по-детски серьезно.

Наверное, это и есть возлюбить даже до смерти, не знаю.

Эта семья — пример редкой в наше время великой любви между родными. Сейчас эта любовь так редко встречается, что невольно удивляешься подобным жизненным примерам. У меня брат и две сестры. Но разве могу я сказать, что они меня любят так сильно? И я не могу сказать, что так их люблю.

Мне рассказывали про одну матушку, которая, похоронив мужа и поскорбев немного, вскоре поняла, что жизнь вдовы намного легче, проще и свободнее. Принадлежишь опять только себе, как до замужества, и не надо больше ждать вечно запаздывающего супруга, принимать гостей, рожать детей, и прочее и прочее.

Со стороны Как попов изображают в фильмах

Если режиссер хочет показать работу врача, то он постарается максимально правильно применить медицинскую терминологию, если он изображает следователя, то поинтересуется уголовным кодексом и не станет придумывать несуществующие статьи и путать термины, дабы не быть осмеянным и не создать низкопробную картину. Представляете, как будет в фильме выглядеть врач, ставящий пациенту капельницу вверх ногами? А как будет выглядеть милиционер с погонами полковника, к которому обращаются «товарищ сержант»? Но если перед режиссером стоит задача изобразить священника, то почему-то режиссер считает, что подойти к этому можно сообразно с собственными представлениями, не утруждать себя излишними деталями. Поэтому в фильмах часто поют совсем не те молитвы, например на венчании заупокойные, актер, играющий священника, неправильно облачен, на пальце у него обручальное кольцо, а реплики он произносит таким голосом, как будто ему наступили на любимую мозоль либо у него случилось обострение геморроя.

Я до сих пор не видела ни одного художественного фильма, в котором священник был бы более или менее похож на настоящего. Конечно, в советское время их по заданию партии и правительства положено было изображать в карикатурном виде, но совершенно непонятно, почему это продолжается до сих пор. Привычка — дело стабильное...

Например, известный сериал про милицию, эпизод, где оперативник встречается со священником. Первое, что бросается в глаза, это несуразно огромный крест на шее. И откуда они такой взяли? Такое впечатление, что со стены сняли и актеру на шею повесили. Второе — режет слух неестественная речь актера.

И так во всех фильмах — священники похожи на ряженых попрошайек из подземного перехода.

А как они разговаривают? Лучше бы молчали. Почему-то считается, что священник в нормальной современной жизни употребляет в речи сплошные славянизмы, как Иван Грозный из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», вроде: «Ты почто боярыню обидел?» или «Покайся, дочь моя». Откуда такая дикая необразованность, понять невозможно.

Поповский язык

Раз уж мы заговорили о славянизмах, то стоит развеять этот миф и рассказать, как же реально в жизни общаются батюшки, на каком языке они разговаривают. Прежде всего, на нормальном, самом обычном русском языке, если они русские, а не буряты. Конечно, язык священников лексически богаче и больше насыщен фразеологизмами. В их речи полностью отсутствуют сквернословие, божба и чертыханье, к которым так привыкло ухо современного человека. Если вы случайно в автобусе наступаете кому-то на ногу, извиняетесь, то обычно слышите за спиной злобное шипение типа: «Гос-споди». Для священника, да и для любого христианина немислимо вот так запросто бросаться именем Бога.

Существует своеобразный поповский сленг, в котором славянизмы употребляются в качестве сатирических оборотов. Ведь в большинстве своем священники народ веселый, любящий пошутить, посмеяться, их хлебом не корми — дай поговорить да пообщаться, планида у них такая.

Друг с другом они любят поспорить на различные богословские и богослужебные темы — о сотворении мира, о православной педагогике, о борьбе с сектантами и так далее. Они очень любят встречи, посиделки с друзьями, их споры эмоциональны и красочны. Иногда увлекаются и могут говорить часами, забывая обо всем на свете.

Например, ждет жена мужа вечером дома. Час ждет, два, три. Начинает волноваться, звонит в храм, спрашивает, давно ли ушел батюшка. Поддатый сторож сонно отвечает — давно, часа три назад. Матушку уже и в жар, и в холод бросает. Хорошо, сейчас мобильные есть у всех, даже у школьников. Звонит на мобильный — электронный голос отвечает, что абонент недоступен, попробуйте перезвонить позднее. Попадья уже поседеть готова, и в этот момент «абонент» является домой довольный и радостный. И с детской улыбкой с порога объявляет, что встретил старинного приятеля по семинарии, или пришлось зайти в гости к прихожанам, а там разговор на три часа, мобильный после службы включить забыл, а сам позвонить жене тоже забыл, так был увлечен интересной беседой, что не заметил, как время пролетело. И это безо всякого злого умысла и с таким восторгом, как будто жене настолько интересно, что она в первом часу ночи просто мечтает послушать о его семинарском товарище или о прихожанах.

Еще один миф необходимо развеять. В народе не без помощи художественной литературы и телевидения сложился устойчивый стереотип, что священник — это хмурый, чрезвычайно серьезный персонаж, вечно всех поучающий, который картинно возводит глаза к небу или смиренно разглядывает свои сапоги. Одним словом, через пять минут общения с таким типом начнется мучительная зевота, а через десять может стошнить от избытка приторного благочестия, излитого на собеседника.

В реальной жизни жеманства и манерности в священниках крайне мало. Как правило, это очень веселые, живые люди, которые просто счастливы в своем служении и как дети радуются всему, что по вере их посылается им Господом. Которые, конечно, имеют свои грехи, человеческие слабости, недостатки, но искренне верят в Бога и в то, что все ниспослано Им. Именно искренность и простота привлекают к ним многих и многих людей. Помните рекламу: «Надо чаще встречаться»? Так вот, чтобы понять этих людей и их служение, надо действительно чаще с ними встречаться.

Немного об этикете

В православии существуют общепринятые нормы этикета, незнание которого может поставить человека в неловкое положение. Очень распространенная ошибка — обращение к священнику «святой отец». Человек, говорящий так, выглядит крайне невежественно и неприлично. В православии к священнику принято обращаться либо «отец N», если известно имя, либо «батюшка».

Общепринято среди православных христиан вместо простого «спасибо» говорить «спаси, Господи», вместо «приятного аппетита» — «ангела за трапезой», а отвечать — «невидимо предстоит». Когда приветствуют священника, вместо привычного «здрасьте» говорят «благословите». С этими словами вместо рукопожатия берут у него благословение, особым образом складывая руки. Но если кого-то такой порядок сильно смущает, то можно просто поздороваться, как с обычным человеком, ничего в этом зазорного нет, главное — не называть его «святой отец».

Когда просят прощения, то отвечают «Бог простит» или более длинно «Бог простит, и я прощаю», но последнее принято говорить на прощенное воскресение.

Прощеное воскресенье бывает раз в году, перед первым днем Великого поста, когда христиане стараются попросить прощения у всех своих близких, родных и всех даже малознакомых. И даже если нет никакой обиды, все равно просят друг у друга прощения.

Во время работы говорят «Бог в помощь». Когда собираются в путь или на ответственное дело, говорят «С Богом», а не привычное «Ни пуха ни пера».

Если вы пожелаете верующему ни пуха ни пера, то не обижайтесь и не удивляйтесь, если он вам ничего не ответит, — чертыхаться-то не принято.

В монастырях и на приходах, когда стучат в дверь, то вместо «разрешите войти» произносят молитву, которую иногда для самых забывчивых вывешивают на дверь: «Молитвами Святых Отец наших Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас», но на практике чаще произносят кратко «Молитвами Святых Отец наших», — а в ответ «Аминь» вместо «войдите». Если вы попали в монастырь и не соблюли сего правила, вам могут просто не ответить, сколько ни тарабаньте в дверь. Так там принято, и лучше это знать заранее, чем попасть впросак.

Некоторые слова, на первый взгляд совершенно безобидные и привычные, тоже не принято употреблять. Например, «обожаю»; обожать ничего и никого нельзя, так как это значит «обожествляю». Обожествлять предметы или живых существ означает сотворить себе кумира или бога, даже если вы применили это слово, совершенно не думая о кумирах или богах. Называть кого-либо своим кумиром тоже не положено. Или слово «прелесть»; как мы к нему привыкли, только и слышим: «Ах, какая прелесть». Оказывается это слово тоже в запретных списках. У него корень «лесть», «прельщение», а эти слова имеют уже резко отрицательное значение. Более того, в православной терминологии словом «прелесть» обозначается состояние тяжелого духовного недуга, который выражается в экзальтированности и истеричности.

Под прицелом

Священническим семьям приходится жить под пристальным вниманием всех окружающих, а это тяжело, подчас утомительно. Это жизнь публичных людей. На киноартистов и других известных людей постоянно оборачиваются, их разглядывают, о них перешептываются и показывают на них пальцем; то же самое происходит и со священниками.

Если батюшка с матушкой приходят в магазин, то их не только без стеснения разглядывают, но и заглядывают в корзину с продуктами. Мол, чем же попы питаются? «Надо же, кефирчик, ой, и курочка. А это что? Это же бутылка пива! Так-так, грешим, святой отец». Примерно так выглядит это навязчивое любопытство.

Однажды, в четверг вечером, мы заехали в супермаркет; дома ничего к ужину не было, вот и заехали. Взяли какой-то мясной полуфабрикат, чтобы быстро пожарить, время достаточно позднее и возиться у плиты не было ни сил, ни времени. Мой муж, как всегда, был увлечен беседой с одним своим знакомым и вокруг себя как обычно ничего не замечал. Беседа затянулась, и мы застряли возле мясных полок. Но я заметила, как некая пожилая женщина с упорством истребителя давно кружит вокруг нас, назойливо заглядывая в нашу тележку. Наконец, подойдя к нам почти вплотную, женщина громко и обличительно

прошипела: «А в пятницу-то мясо есть нельзя!» Я уже была готова к отражению налета и нанесла ответный удар: «А мы в пятницу его есть и не собираемся». Мадам отлетела на почтительное расстояние и, сделав завершающий круг, растворилась среди стеллажей.

Любимой темой, так сказать информационным поводом в любом местном скамеечном ретро-клубе является жизнь священнической семьи. Соседи всегда с удовольствием обсудят, во что одета матушка, как одеты и обуты дети, сколько у них велосипедов, роликов и прочих детских радостей, кто приходит, и на каких машинах приезжают, и что из машин выносят, и так далее и тому подобное.

— Мань, а попадья-то опять беременная.

— Да что ты?!

— А попа-то вчера на машине баба привезла, да, собственными глазами видела. Как не может быть, все может быть, это они только с виду все такие...

— Вон дочка ихняя пошла. Туфельки-то новые, да и плащ другой...

Скажете, что это всех так обсуждают на скамейках. Не всех, священники лакомый кусок, можно сказать, бренд любого двора.

Мы живем в обычной московской девятиэтажке. Первые годы к нам было очень настороженное отношение, нас постоянно обсуждали. Когда у меня появилась «десятка», ее называли иномаркой. Когда я пошла работать и у наших детей появилась няня, то ее каждый день буквально атаковали все наши дворовые кумушки, расспрашивая, сколько мы ей платим и как живем, на чем спим и что едим. Когда я делала ремонт, ко мне приставали, что я буду стелить — линолеум или паркет. Когда ко мне приезжал отец на большом черном джипе, все замирали, разинув рты, а потом начинали возбужденно шушукаться, и так далее и тому подобное.

И только крайне общительный и приветливый нрав моего мужа, который даже с пьяными мужиками умеет разговаривать как с лучшими друзьями, через несколько лет глобально изменил к нам отношение и растопил лед недоверия. Люди наконец поняли, что мы не с другой планеты, и стали относиться просто как к соседям.

Но еще раз убеждаешься, что священникам достаются все прелести публичной жизни. Незамеченным в подъезд не войдешь.

Артемидки, или Рясифилки

Мы затронули тему внешней публичности священнослужителей и их семей, но есть внутренняя публичность, можно сказать, внутрприходская, о которой в церковных кругах не очень-то принято говорить, но от которой священники страдают гораздо больше, чем от внешних проявлений интереса к их персонам. Это женщины — почитательницы и воздыхательницы, неустанно преследующие своего кумира-батюшку. Один наш знакомый назвал этих дам «артемидками» — по имени известного московского протоиерея, который особенно от них страдает за свою необыкновенную душевность и мягкость. В церковной среде их еще называют рясифилками. Не думайте, что священникам такое почитание доставляет удовольствие; надо быть окончательно тщеславным типом, чтобы испытывать упоение от подобного. Священник Михаил Ардов (не из Московской патриархии) выразился по поводу этого явления очень точно. Он сказал, что если чурбан обрядить в рясу и клобук, то у него моментально появятся почитательницы.

«Артемидки» — это особы экзальтированно-истеричного склада, как правило, очень одинокие или разведенные женщины с ярко выраженным сексуально-религиозным психозом. Православная одинокая женщина не может завести себе бой-френда, такие отношения называются блудом, а духовных сил справиться с элементарной физиологией не хватает, или просто нет желания обуздывать свои страсти, вот и проявляет себя необласканная женская природа таким внешне благочестивым образом. Именно благочестивым, а никак не сексуальными домогательствами, как некоторые могут подумать.

Скорее всего, за подобные высказывания православные закидают меня гнилыми

помидорами, так как об этих явлениях в нашей среде не принято говорить вслух. Православные вообще очень часто внешне позиционируют себя так, как будто секса в религиозной среде вовсе не существует, ну просто как в Советском Союзе.

Итак, тот самый протоиерей, именем которого мы назвали сие явление, обладающий, кстати, превосходным чувством юмора, одно время преподавал в семинарии риторику. И вот как он советовал будущим пастырям избавляться от женской назойливости:

— Подходит к вам барышня и говорит: «Батюшка, я за вас всю ночь Богу молилась, всю ночь!» А вы ей отвечаете: «То-то мне всю ночь кошмары снились».

— Или еще, подходит очередная барышня и спрашивает: «Батюшка, как вам мои пирожки? Специально для вас пекла». А вы ей отвечаете: «Ой, матушка, всю ночь в обнимку с белым другом».

Откуда появляются «артемидки»? Я думаю, что происходит это так. Живет себе некая светская барышня, носит джинсы и мини-юбки, работает как все, переживает бурные или вялотекущие романы, да и просто общается с друзьями-мужчинами. И вот происходит нечто, и она становится верующей. В ее жизни появляются храм, православная община, джинсы меняются на длинные юбки, модная прическа на платок. Бой-френды уходят в прошлое, и барышня начинает мечтать о православном муже, куче детей и простом женском счастье, о котором поется в глупой песенке, — «был бы милый рядом». Но милого, православного, суперблагочестивого, с бородкой и нежным взглядом все нет и нет. В церкви женщин всегда больше, чем мужчин. Идут годы, барышне уже давно за тридцать, а то и за сорок, а его все нет, а рядом замужние и такие счастливые многодетные, румяные и не очень, ее ровесницы и гораздо моложе. И мужчины в церкви давно все заняты или хронические холостяки, которые и смотреть не станут в сторону старой девы.

Вот и остается в жизни нашей барышни единственный мужчина — батюшка. А батюшка статен и красив, и ряса на нем такая красивая, и говорит он так красиво и все, все в нем красиво. И даже если батюшка плешивый и гугнивый, то для представительницы артемидского племени он будет красив как Аполлон и красноречив как Цицерон. И тут наша барышня даже и не замечает, как влюбляется в него, такой чистой любовью. Нет, нет, о греховном она и подумать не смеет, разве можно о батюшке такое думать! Но ей так хочется его видеть, и брать у него благословение, и ручку целовать, и вести длинные беседы о спасении души и об искушениях, с которыми наша барышня отважно борется, и подарки ему дарить по поводу и без повода, и так далее и тому подобное.

Только не подумайте, что все одинокие религиозные женщины страдают этим душевным расстройством. Скорее, таких болящих меньшинство, но это меньшинство уж очень прилипчивое и надоедливое.

Артемидки бывают и замужние; просто дамочка недовольна семейной жизнью, вот и ищет утешение у батюшки. О такой артемидке придется поведать в сказке-были, которую рассказала мне одна знакомая.

Кризис среднего возраста

Жил-был один батюшка. Были у него матушка и шестеро детей.

Служил этот батюшка где-то под Нижним Новгородом.

Жили они, не тужили, пока однажды не получила матушка в наследство от бабушки трехкомнатные хоромы в Москве. Подумали они с батюшкой и решили переехать в стольный град Москву. В Москве столько школ и гимназий, детям будет где учиться. Сказано — сделано. Батюшка отпросился у архиерея, собрал вещи, детей и переехал. В Москве батюшка пошел служить на приход десятым священником, пятым помогающим. Матушка тем временем устроила деток по разным школам, получила права, купила машину и давай детей возить с занятий да на занятия. Так они жили-поживали и добра наживали, пока не грянул гром.

Служил себе батюшка на своем приходе, не думал не гадал, как напало на него одно

тяжкое искушение. Повадилась к нему на исповедь дьяконша ходить, жена тамошнего дьякона, мать четверых детей. И вот придет к нему на исповедь и давай жаловаться на свою тяжкую жизнь, душу изливает да батюшкиного утешения искать. Так, мол, и так, дескать, муж не любит, не голубит, дети балуются, не радуют, жизнь не жизнь, никакого спасу. Батюшка ее все утешал, а потом и сам ей жаловаться стал — мол, у него то же самое. Жена не любит, не голубит, слова ласкового не вымолвит, все с детьми да по своим делам. А я вот один бедный да несчастный.

Дальше больше. Стал наш батюшка с дьяконшей встречаться да на прогулки по городу ходить. То в парке погуляют, то в кафе посидят, да так им хорошо друг с другом, так легко, да столько интересных тем для обсуждения, радостно так. И вот ходят они, гуляют, словно молодость к ним вернулась. А когда не могут встретиться, так обязательно созваниваются, или SMSками перекидываются, или по электронке переписываются. И вот дьяконша батюшку уже «своим родным» называет и стихи ему пишет: мол, родной мой, солнечного дня тебе...

Стал батюшка своей жене говорить: ты мне жизнь испортила, ни дня счастливо с тобой, окаянной, не прожил, и зачем только на тебе женился. А вскоре заявил, что уходит от нее и будет жить отдельно.

Решили они с дьяконшей снять себе уголок, дабы свить там гнездышко. Но тут дьяконша вроде опомнилась и решила до греха не доходить, а остаться со своим законным мужем. А другие говорят, что это батюшка греха убоился и с дьяконшей жить не стал. А совсем уж злые языки поговаривают, что батюшка с дьяконшей вместе все же пожил, да разбежались. Чем все закончилось на самом деле, никто не знает, кроме Господа Бога. Но знаем одно — батюшка к жене так и не вернулся и с прихода своего ушел. Так и живет один, а чем занимается — неизвестно.

Говорят, что это с батюшкой случился кризис среднего возраста.

Вот и сказке конец, а кто слушал молодец.

В церкви всегда много сумасшедших и людей с неустойчивой психикой или пограничными состояниями, и это естественно, так как изначально церковь предназначена для тех, кто нуждается в исцелении и успокоении. Поэтому больные и несчастные люди не должны смущать тех, кто считает себя более здоровым. Писательница Дина Рубина, бывшая наша соотечественница, живущая в Израиле, заметила, что в Иерусалиме много сумасшедших. Там много сумасшедших по той же причине, что и в церкви. Иерусалим — святой город, поэтому и умалишенных там очень много. Знаете, почему врачи здоровому человеку пишут «практически здоров»? Потому что абсолютно здоровых людей не бывает.

Заключение

В нашей книге мы сознательно не затрагивали различные аномальные явления, которые иногда встречаются в церковной жизни. Главной задачей была попытка описать жизнь самых обычных, среднестатистических священников, их традиций, ценностей, жизненных принципов; тех священников, которые искренне несут свое служение, отдавая все силы и всю жизнь Церкви и Богу. Аномалии и извращения, конечно, есть, как и в любом человеческом сообществе, где есть люди из плоти и крови, со своими страстями, болезнями, слабостями и корыстными стремлениями. Это и пьянство некоторых священнослужителей, и сребролюбие, и безнравственное поведение. Эти больные вопросы дискредитируют Церковь в глазах простых людей, так как усиленно обсуждаются и смакуются в различных СМИ, бесстыдно преувеличиваются и обрастают крамольными подробностями.

Однако священство является одним из самых благочестивых сословий России. Большинство священников без пиара и помпы, искренне, по совести исполняют свое служение Богу и людям.

Они всегда были и будут оставаться чужими в нашем мире. К ним всегда было и будет настороженное отношение, их никогда не понимали и не будут понимать. Их главная мечта и

цель в жизни — стать гражданами неба, они не имеют отечества здесь, на земле, они другие, хоть и состоят из той же крови и плоти, что и все люди.

Они не хотят меняться и подстраиваться под веяния времени, сколько бы их об этом не просили. Они живут так, словно находятся вне времени. Их сложно понять, их надо принимать такими, какие они есть.

В одной из своих работ святой Иоанн Златоуст сказал, что Бог поставил священников из людей, а не из ангелов, чтобы они, имея собственные немощи, снисходили к немощам человеческим.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)